СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№8, 2017 год

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор

Сергеева Марина Георгиевна

Международный научно-исследовательский журнал «Современный ученый» включен в список ВАК, РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент,
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Исмаилов Магомедсаид Абдулмуслимович (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Пичугина Виктория Константиновна (РФ, г. Волгоград) – доктор педагогических наук, профессор
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Солопанова Ольга Юрьевна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Хамеди Могаддам Мохсен Али (Иран, г. Бабольсар) – кандидат филологических наук, профессор
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор

Адрес редакции, издателя: 308014,
г. Белгород, ул. Садовая, 28 - 4.
E-mail: zhurnalnauka2015@yandex.ru
Сайт: modernsciencejournal.org

© Современный ученый, 2017

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Шуралёв А.В.
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ 5

Аппалонова Т.С.
ПРАКТИКИ ТЕЛЕСНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В СУБКУЛЬТУРАХ
КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ 9

Копанева Т.Г.,
ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ 13

Шуралёв А.В.
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЛИГИОЗНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 17

Нименская О.С.
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ДАОСИЗМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. МАСПЕРО 26

Стригин М.Б.
АНАЛИТИЧЕСКИЙ И СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРОИЗВОЛЬНЫХ
СИСТЕМ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ 31

Шуралёв А.В.
ВНУТРИ- И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ 40

Цахаева А.А., Аминов У.К., Аминова Д.К.
ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ 44

Качабеков А.Г.
КРИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК 48

Красова Е.М.
СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И.А. ИЛЬИНА О СУБЪЕКТЕ ПРАВА 53

Ковалева Г.П.
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПТОВ МИР (КОСМОС)
И ДУХОВНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА 58

Шуралёв А.В.
СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ И
СТРУКТУРА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ 63

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Падалко Ю.А.
ГЕОГРАФО-ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ СТЕПНОЙ ЗОНЫ РФ И ИХ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО
КАРКАСА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ) 68

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бикчинтаева Л.Г.
ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
ЛИЦАМ, ПОДЛЕЖАЩИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ 73

Куликов С.П., Махмутов Р.Р., Казакова Е.О.
К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ 79

Дубовик В.И.
СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ РЕЧЕВОЙ
КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ 84

Садулаева Р.С.
О НЕОБХОДИМОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В МЕНТАЛЬНОМ
ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА 88

Ондар Ч.М.
НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЧИСЛА У ТУВИНЦЕВ 92

Ганишина И.С., Огородников В.И., Сочивко Д.В., Чернышов А.А.
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ
АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТНОЙ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ
АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 96

Жильцова Ю.В., Аксенова Г.И., Купцов И.И., Шатохина Л.В., Аксенова П.Ю.
ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ У СТУДЕНТОВ АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 101

Салаватова Н.А.
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ
К АБОРТАМ, ПОЛОВОМУ ВОСПИТАНИЮ И КОНТРАЦЕПТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ 106

Ваджибов М.Д.
АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РИТОРИЧЕСКОЙ
ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДАГЕСТАНСКОГО ПОЛИЯЗЫЧИЯ 110

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Шуралёв А.В., кандидат философских наук, доцент,
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Аннотация: автор данной статьи характеризует современные секуляризованные западноевропейские общества с позиций религиозного фактора развития в мире и как институт церкви в них осуществляет свою деятельность с государством. Приводятся конкретные модели этого сосуществования государства и церкви, а также представлена религиозность коренного населения Западной Европы в современную эпоху всеобщей толерантности.

Ключевые слова: государство и церковь, неокульты, мораль и культура, секуляризм, традиция и плюрализм, модернизация, толерантность

Нетрадиционные общества в современной Западной Европе – это, прежде всего, постиндустриальные и секуляризованные страны, где церковь и государство автономно сосуществуют друг с другом. У каждого из них свои институты и базовые ценности, устоявшиеся в ходе исторического и социально-экономического процесса развития. У государства это: образование, управление и пропаганда. Церковь по-прежнему опирается на весь свой религиозный комплекс, признавая современный секуляризм или полностью его отвергая.

В современном нетрадиционном обществе, с его плюрализмом и толерантностью, человек может варьировать свое знание о любых религиях с предпочтением одной из них или полным их отрицанием. Весь облик религиозных институтов изменился под мощным влиянием секуляризации. Изначально процесс секуляризации был направлен на перераспределение политической власти из-за векового господства церкви над мирской сферой деятельности человека. Сегодня секуляризация проявляется в таких сферах общественной жизни, как экономика, составлявшая в прошлом базу церковного института, и полностью находится в руках государства. Это подтверждается юридической базой того или иного государства в Западной Европе. С утратой кардинальных позиций церковь больше не может воздействовать на процесс образования и не формирует основные этико-мировоззренческие и культурные ценности, как это она делала веками.

В настоящее время в Западной Европе отношения института церкви и государства строятся по трём моделям:

1/ государства с официальной религией или церковью: Англия (англикане), Ватикан (католики), Лихтенштейн (католики), Монако (католики), Дания (лютеране), Финляндия (лютеране), Норвегия (лютеране), Греция (православные);

2/ государства, признающие равенство религий без отделения церкви от государства: Ирландия (католики), Австрия (католики), Польша (католики), ФРГ (лютеране);

3/ государства, в которых церковь отделена от государства: Франция (католики), Италия (католики), Испания (католики)[1].

Испытывая негативные последствия секуляризации, церковный институт ищет выходы для нового влияния на современного человека. Несмотря на то, что церковь потеряла позицию главного лидера на сознание, она стала независимым институтом от государства, составным элементом которого она была постоянно. В настоящее время церковь акцентирует свое внимание на негативные стороны секуляризма для индивидуального религиозного сознания, и прежде всего на проблемы, которые принес научно-технический прогресс с массовым производством и потреблением. Критикуя эту сторону постиндустриального общества, церковь одновременно стремится сакрализировать явления, которые и привели секуляризованное общество к кризису. А именно: создаёт новые мифы о святости институтов государства, науки, техники и идеологии. Этот процесс начался сразу после окончания Второй мировой войны. Так, профессор истории Кембриджского университета Оуэн Чэдвик в своей книге «Христианская церковь в холодной войне» говрит: «что дебаты о моральности тирании вновь стали актуальными, хотя начались они в конце 17 века после казни короля Карла I»[2]. Моральная традиция христианской Европы продолжает считать это большим злом и верхом безнравственности. Хотя, в Англии торжества в День геев отмечаются ежегодно, несмотря на то, что это считается возрождением греховной природы человека. Смерть Людовика XVI во время революции во Франции на гильотине, организация убийства русского царя с помощью бомбы анархистами в 1881 году, а также царя Николая II

и его семьи большевиками в 1918 году, подтверждают традиционную моральную доктрину, извлекаемую богословами из Послания апостола Павла к Римлянам. «Власть, которая даётся от Бога, даже если она есть тирания (правление императора Нерона во времена апостола Павла), христиане должны слушаться, ибо она есть власть кесаря. И если правитель управляет аморально, он или она, или оно, должны этому противостоять, но это должно быть пассивным сопротивлением. Убийство тирана аморально, революционный заговор невозможен для христианина»[3].

Испытывая явно недостаточное влияние в своих странах и в мире, религиозные институты стремятся к крайним формам проявления изменений и трансформаций традиционных учений. Именно в этом состоит причина пересмотра ими отношений к абортам, посвящению женщин в священнический сан и к гомосексуализму. Данное явление в церкви называется, в отличие от традиционалистских установок, религиозным модернизмом. Он затрагивает не только обрядность и догматику той или иной конфессии, но и ее структуру. Данному процессу подвержены, прежде всего, христианские конфессии в Западной Европе, особенно протестанты, но те или иные нововведения присутствует и в других существующих здесь религиях. Эти новые позиции дали институту церкви в Западной Европе достаточный импульс к новому развитию, а также привлечению новых приверженцев.

Сам процесс модернизации протекает в пяти видах:

- тенденция к синтезу науки и религии;
- использование достижений науки и техники в пропаганде религии;
- трансформация религиозной морали с современными этическими нормами;
- развитие новых теологических и религиозно-философских течений;
- активизация деятельности религиозных организаций[4].

Очень сильно влияние модернизма коснулось официальной доктрины Ватикана, который всегда придерживался учения Фомы Аквинского. В настоящее время это учение претерпело множественные трансформации, образуя новую религиозную философию под названием неотомизм. Следуя современной моде толерантности и либерализму, папский престол пересмотрел также свою позицию на эволюционную теорию Чарльза Дарвина, которая, больше не противоречит «сотворению мира» Богом, а только его продолжает и совершенствует. Данный взгляд в католическом богословии называется теистическим эволюционизмом. Очень сильно изменилась сама папская курия, ее быт и нравы, а имидж и реноме самого папы Римского похож на имидж современных представителей из мира шоу-бизнеса.

Наряду с модернизацией религиозных институтов в Западной Европе прослеживается также и явное консервативное развитие как христианских, так и нехристианских конфессий. У протестантов оно характеризуется сильным уклонением к фундаментализму, которые таким образом, требуют укрепить веру в традиционные догматы христианства, непогрешимость Библии, со строгим требованием ее буквального толкования. Первоначально об этом заявили американские телевизионные протестантские проповедники. В Европе это было вызвано необходимостью противостоять мусульманской экспансии.

Из-за падения влияния института религии и церкви и почти полной безрелигиозности людей в Западной Европе многие конфессии приняли призыв американских протестантов к объединению в экуменическом сообществе. Изначально это движение стремилось объединить только христианские церкви и прежде всего протестантизм и православие под эгидой Всемирного совета церквей. Вначале деятельность этого движения ограничивалась масштабами страны или региона. Но после принятия на Втором Ватиканском соборе (1962-1965) «Декрета об экуменизме» к нему примкнули и другие конфессии: такие как Всемирное братство буддистов и Всемирный исламский конгресс. В данном объединительном процессе наблюдается сближение не только различных религиозных учений его участников, но и происходит трансформация и взаимовлияние духовных ценностей и принципов в другое историческое время, приводившее к религиозным войнам. Есть даже претензии у некоторых составляющих это мировое объединение религиозных общин к созданию универсальной религии мира, которая как никогда в другое время могла быть всемирной религией для всех народов земли. Все эти явления дали толчок развитию совершенно противоположных направлений религиозного сознания людей в Западной Европе, которых не устраивают прежние и новые догматы традиционных религий. Именно поэтому так много здесь приверженцев оккультных и языческих форм религии.

Политизация религиозных институтов делает церковь лишь отдельным бюрократическим звеном государства, что не даёт ей выполнять свою интегрирующую роль в обществе и не привлекает к ней людей. Религиозность коренного населения становится их частным делом. Верующих, соблюдающих все религиозные обряды и регулярно посещающих церковь, мало. Большинство имеет отношение с церковью только во время личного кри-

зиса или знаменательных жизненных событий, каковыми являются рождение, заключение брака и смерть.

Именно поэтому сегодня религиозные конфессии Западной Европы вынуждены, идти на массовую приватизацию своих административно-хозяйственных единиц, с сокращением объёма коллективных культовых форм и смещением религиозной активности в сферу частной жизни.

Но кроме религиозного ренессанса Западная Европа продолжает, ещё со времени Великой французской революции, оставаться одним из мировых центров свободомыслия и атеизма. Особенно выделяются в этом отношении страны с давними традициями свободомыслия – Франция, Нидерланды, Великобритания. А после коренных социальных преобразований в 20 веке в странах Восточной и Юго-Восточной Европы и в этом регионе начались процессы секуляризации.

[1] Бруггер В. Разделение, равноправие, близость. Три модели отношений государства и церкви // Религиоведение. 2009. №4. С. 135 – 143.
[2] Oven Chadwick. The Christian Church in the Cold War. / The Pengvin History Of The Church – 7. (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ , England 1993). P. 9 – 10.
[3] Oven Chadwick. The Christian Church in the Cold War. / The Pengvin History Of The Church – 7. (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ , England 1993). P. 10.
[4] Рогалевич Н., Сумароков Б., Островцев А., Религиоведение. Экспресс-курс. Мн.: Новое знание, 2003. 197 с.

Литература

1. Бруггер В. Разделение, равноправие, близость. Три модели отношений государства и церкви // Религиоведение. 2009. №4. С. 135 – 143.
2. Васильева С.Б. Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире // Вестник Бурятского Университета. 2010. №8. С. 3 – 8.
3. Государство, религия, церковь в России и за рубежом. №1 (34). Изд-во: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2016. 433 с.
4. Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. 244 с.
5. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. №1. С. 109 – 119.
6. Рогалевич Н., Сумароков Б., Островцев А., Религиоведение. Экспресс-курс. Мн.: Новое знание, 2003. 197 с.
7. Христианская церковь в холодной войне. / Оуэн Чэдвик; Предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; Пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN 978-5-519-51154-4.
8. Шуралёв А.В. Христианская церковь и новый мировой порядок // Современный ученый. 2017. Т. 2. №1. С. 162 – 176.
9. Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. (монография) ISBN 978-5-519-60499-4.
10. Owen Chadwick. The Christian Church in the Cold War / The Pengvin History Of The Church – 7. (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ, England 1993). P. 240.

References

1. Brugger V. Razdelenie, ravnopravie, blizost'. Tri modeli otnoshenij gosudarstva i cerkvi // Religiovedenie. 2009. №4. S. 135 – 143.
2. Vasil'eva S.B. Tradicionnaja i netradicionnaja religioznost' v sovremennom mire // Vestnik Burjatskogo Universiteta. 2010. №8. S. 3 – 8.
3. Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. №1 (34). Izd-vo: Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. M., 2016. 433 s.
4. Zelenkov M.Ju. Religioznye konflikty: problemy i puti ih reshenija v nachale XXI veka (politiko-pravovoj aspekt). Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2007. 244 s.
5. Mitrofanova A.V. Religioznyj faktor v mirovoj politike i problema «civilizacij» // Vek globalizacii. 2008. №1. S. 109 – 119.
6. Rogalevich N., Sumarokov B., Ostrovcev A., Religiovedenie. Jekspress-kurs. Mn.: Novoe znanie, 2003. 197 s.

7. Hristianskaja cerkov' v holodnoj vojne. / Oujen Chjedvik; Predisl. i primech. A.V. Shuraljov; Per. s angl. A.V. Shuraljov. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 292 s. ISBN 978-5-519-51154-4.
8. Shuraljov A.V. Hristianskaja cerkov' i novyj mirovoj porjadok // Sovremennyj uchenyj. 2017. T. 2. №1. S. 162 – 176.
9. Shuraljov A.V. Religioznye obshhiny i mezhreligioznye otnoshenija v sovremennoj Zapadnoj Evrope. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 272 s. (monografija) ISBN 978-5-519-60499-4.
10. Owen Chadwick. The Christian Church in the Cold War / The Pengvin History Of The Church – 7. (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ, England 1993). P. 240.

Shuralev A.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sechenov First Moscow State Medical University

CONFESSIONAL STRUCTURE IN NON-TRADITIONAL SOCIETIES

Abstract: the author of this article characterizes the modern secular Western European society from the standpoint of the religious factor in world development and how the institution of the Church in them carries out its activities with the state. A particular model of this coexistence of state and Church is given, and the religion of the indigenous population of Western Europe in the modern era of universal tolerance is presented.

Keywords: the state and the Church, morality and culture, secularism, tradition and pluralism, modernization, tolerance

Аппалонова Т.С., аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАКТИКИ ТЕЛЕСНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В СУБКУЛЬТУРАХ КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в статье описаны возможные способы телесных модификаций, практикуемые в среде молодёжных субкультур, посредством которых конструируется не только тело, но и индивидуальность. Субкультуры как непрозрачные зоны социального вызывают интерес целого ряда исследователей. Однако, утверждение, что молодёжь субкультур находится в стадии кризиса идентичности не правомерно.

Ключевые слова: тело, телесность, субкультуры, идентичность

Посткартезианский дискурс современности очертил новую траекторию исследовательской проблематики, где вектор перенаправленного внимания высветил крупным планом иное измерение тела. Так, социальный двойник тела – телесность, органично вписанный в структуру социального, был предъявлен как фоновая причина глубинных изменений личности. Перспективность осмысления сущности человеческого сквозь призму телесности подтвердилась предъявлением социального инструментария и способов влияния на личность посредством телесных практик. Дальнейшее исследование телесной проблематики привело к возможности детального отслеживания способов принудительного конструирования тела согласно шаблонам, отпечатанным социальной машиной. Тело, размещённое в искусственно выстроенном дисциплинарном пространстве[1], ограниченном зонами травматизации порождающими боль, стыд, страх и чувство долга, приобретает дополнительные параметры, кристаллизуется в новый тип человека «послушного».

Таким образом, особо чувствительное к социальным изменениям молодое поколение 60-х, считывая тревожные сигналы среды, ощутило как переструктурируется пространство, как стремительно обнуляется депозитив свободы, что и на их тела, выдан запрос от воспроизводящей «новых» людей социальной машины. При этом подростки, обладая сознанием, не деформированным социальными долженствованиями, стремящиеся к полноте присутствия, находящиеся в поиске способов проживания яркой событийности почувствовали необходимость создания своей особой культуры. Следует отметить, что вновь созданные молодёжные субкультуры проект синтеза творческого потенциала молодых и элементов так называемой массовой культуры. Генезис субкультурных образований сложная комбинация единичных проектов, где стороннему наблюдателю предъявляется внешняя атрибутика, непривычная комплектация тела, скрывающая подлинный глубинный уровень избыточной символичности. Восприятие субкультуры как случайно скомпонованных элементов для самопрезентации ведёт к инфляции явления, не предполагая его осмысления.

Прежде всего, субкультурные образования представляют собой пространственно локализованные, свёрнутые измерения возможных миров. Трудность считывания явления для исследователей часто сопряжена с возрастной дистанцией, вырастающей в стену непонимания между поколениями, в сквозном видении проблематики субкультур, в ложной убеждённости, что объединению молодёжи способствует болезненная симптоматика, указывающая на кризис идентичности. В частности исследователи Мадорский Л.Р., Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Лисовский В.Т. склонны рассматривать юношеский возраст как период нестабильности, эмоциональной незрелости, кризиса идентичности[2]. По утверждению Левиковой С.И. вся самобытность неформальных молодёжных культур проявляется во внешнем облике их представителей, в музыке, танцах, литературе, жаргоне, манерах и особенностях поведения[3].

Несмотря на то, что юношескому этапу свойственно аккумулировать жизненный потенциал, актуализируя его в экспрессивных творческих актах, личная демиургия, предполагает выданные обществом социальные права, отсутствие которых обнуляет ценность созданного. Позже в период обретения социальных прав, в актуализированном хронологическом будущем бывший подросток с высокой долей вероятности истощает личный ресурс для творческого обогащения мира, так как социальная среда отсекла все неудобные фрагменты его личности, властно подавив волю к иному мироустройству. До момента, когда подросток попадает в поле влияния социальных структурирующих полей, он стремится опробовать субкультуры – пробные версии мира, реализовать свой диапазон личности в среде, по его мнению, достойной проживания. На данном хронологическом этапе подросток не находится в стадии стагнации и кризиса, он дешифровал тонкие настройки своей души и создал свою версию существования от первого лица. Архитектоника его внутреннего мира имеет сложную структуру, подросток обладает явными музыкальными и художественными предпочтениями, выстраивая отношения с окружающим миром, ориентируется на этические нормы. Сверхценными элементами душевной комплекта-

ции для него являются; эмоциональная сфера, свойства темперамента, мировоззренческие доминанты. Таким образом, вхождение подростка в субкультурное сообщество показатель его внутренней силы, где кризис идентичности не является индикатором, определяющим границы его личности.

Стоит отметить, что проблематика идентичности актуализировалась на современном отрезке глобального исторического сценария, на котором развернулись персональные истории, порождая избыточную вариативность мира. И если в традиционном обществе гарантами стабилизации являлись устойчивые монолиты норм и правил, определяющих траекторию судьбы человека, то современный динамичный мир требует решительного самоопределения личности, находящейся на развилке множественных вероятностных судеб. Эриксон Э. ввёл понятие «идентичность» в научный обиход, понимая его как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности»[4]. Реализация механизма идентификации не дар всепорождающего фьюзиса, а выработанный личностью в результате вынужденной «Я» экспансии социальной среды регулятор адаптации. Игнорируя запрос на индивидуализацию, медиа запускает процесс серийного штампования матриц для формирования идентичности. Однако, выстроенные медиа идентификационные шаблоны попадают в зону невосприятия, отбраковываются представителями субкультур и заменяются более адекватными, отредактированными по личностным вкусам и параметрам моделями. Созданная в процессе творческого синтеза идентификационная основа требует зримого воплощения. Так биологическое тело становится полем, на котором можно развернуть проект идентичности и явить его вовне, оно позволяет вписать в свои плотные слои знаки и символы протестных молодёжных интенций.

По этой причине ритуал инициации, принятия в субкультурное сообщество жёстко предписывает особые практики выхода тела за пределы нормированности. Нарушение целостности тела, его травматизация, ранение символизирует его изъятие из статичного поля социальности и возрождение в новом духовном измерении. Инициация как травма повторного рождения оставляет на теле метки пульсирующей локализованной боли, от которой не уклоняются, применяя анальгетики, наоборот проживают боль во всей её всеохватности, вычищают болью предыдущий жизненный опыт, вписывают в нейронную сеть своего тела и в пространство духа новые символы дистанцирующие от рутинного, догматичного социального мира. Базовая комплектация телесно травмирующих практик в субкультурах включает; пирсинг, татуировки, шрамирование, подкожные имплантанты.

Среди перечисленных практик особой интенсивностью трансляции символического обладают татуировки. Введённая иглой под кожу краска локализуется на выбранном участке тела графическим узором или текстовым посланием. Тату модификации не порождение плоского рационального мира, а практика дистанцированная от сегодняшней повседневности тысячелетиями, уводящая нас в ранний мир мифологического сознания. «Татуировка у маори предназначена не только для начертания рисунка на коже, но и для запечатления в памяти традиций и философии племени. Татуировки представляют собой не только узоры; как мы уже отмечали в отношении северо-западного побережья, и то же самое можно повторить относительно Новой Зеландии, это не только эмблемы, знаки отличия знати и ступеней в социальной иерархии, они также являются своего рода сообщениями, обладающими законченностью мысли, и наставлениями». «В туземном мышлении, как мы уже видели, сама роспись представляет собой лицо или, скорее, его воссоздание. Она придает лицу его социальную значимость, выражает человеческое достоинство, душевные качества. Симметричное повторение изображения на лице, рассматриваемое как графический прием, имеет гораздо более глубокое и существенное значение: объединение «глупого» биологического индивида и социальной роли, которую он обязан воплотить»[5]. Современная татуировка столь же символически насыщена, она повествует о знаковых фрагментах в личной истории её обладателя, о его месте в групповой иерархии, фиксирует его ценностные доминанты, экзистенциальные запросы, очерчивая достоверные параметры его личности. Одной из функций татуировки является отличие неформалов от представителей других групп и сообществ, способ безошибочного вычленения и решительного невосприятия «чужаков». Татуировка так же способ совершения символических выбросов на длительные траектории, объединяющих краткосрочный опыт тела с отдалёнными вершинами духа, порождающих новый социальный опыт созвучный древнейшему опыту первых производителей символического. Точно так же, как тотемические маски, описанные Леви-Строссом татуировки «..должны представлять ряд промежуточных форм, обеспечивающих переход от символа к значению, от магического к обычному, от сверхъестественного к социальному»[6].

Не менее значимой практикой в субкультурах является шрамирование. Шрамами наделяют тело как метками предельной социальной выброшенности, это способ уклонения от любого чуждого

близкодействия, ускользание от силового поля норм и законов стандартизированного мира. В качестве радикального шага нанесение шрамов выбраковывает тело в зону маргинальности, лишая его обладателя возможности возвращения. Уходя в тень негативного восприятия, шрамированное тело получает привилегию абсолютного и безнаказанного пренебрежения к принятым стандартам красоты, ставшим причиной болезненно затянувшегося невроза в обществе. Таким образом, попадая в зону восприятия среднего обывателя шрамы, взламывают и переписывают коды его плоского мира регулярностей, напоминают о существовании опасных неконтролируемых терминальных зон жизни. Практика шрамирования не имеет ничего общего с украшением тела, это знак мужества, борьбы и воли, тех нерафинированных дионисийских страстей, что были хирургически удалены, изъяты из настоящего времени и заменены виртуозно отлаженными моторными навыками. В не столь отдалённом историческом прошлом шрамирование являлось знаком индивидуальной девиации преступников, пиратов, уличных бойцов, всех тех, кому только личная сила и отвага дарила возможность, избежав притяжения вечности, шагнуть в завтра. Уклониться и не заметить шрамы невозможно, они те только знак борьбы за доминирование, но и метка тяжёлого жизненного опыта, особой глубины познания. Трещины от удара волны жизненных потрясений пересекают духовное пространство личности и выходят на поверхность тела, прочерчивая на нём знаки уникальной личной истории.

Так приверженность к шрамированию панков, скинхедов, металлистов – это способ борьбы по устранению виртуального, искусственного тела, готовность явить тело подлинное, склонное к распаду и травматизации. Панический страх перед телесной изнанкой, трусливое укрывательство шрамов, грязи, пота, дурных запахов, всё чего избегают в современном рациополисе, в панках провоцирует азарт разоблачения, и они наглядно являют эту агрессивную смесь непотребного. В пространстве гладко выбритых и аккуратно расставленных людей и вещей, где каждый обживает свою социальную соту шрамы неустранимая угроза, они как едва затянувшаяся рана, которая готова раскрыться, обнажая миру биологическое нутро тела, способное забрызгать кровью, обнажить мышцы и кости. Шрамы не что иное как «рты» по всему телу, готовые закричать о лживости мира.

Следующий по значимости, привилегированный способ травматизации тела, практикуемый в любой субкультуре – пирсинг. Металлические кольца, внедрённые в различные части тела, становятся не только символическим, но и эстетическим элементом, очерчивающим зоны для принудительного созерцания. Тело воспринимают как топографическую местность, где даже самые труднодоступные зоны должны быть отмечены некоторым количеством металла, так проколы украшают бровь, нос, губы, живот, язык, интимную зону. Синтезируя своё биологическое тело с металлическими элементами, субъект увеличивает поле присутствия, прочерчивая траекторию из сумрака раннего мира к яркому световому пятну возможного механического будущего. Насыщение тела металлом, выдаёт интенсивное желание сокрытия собственной хрупкости, которое компенсируется стремлением к силе, а взгляд, устремлённый в будущее полон надежды на киборгизацию человека. Холодный металл в теле способен охлаждать горячее сердце и мятущуюся душу субъекта. Все возникающие неудобства от телесных дополнений неизменно активизируют дух, вызывая непосредственную реакцию на окружающее, не позволяя погружаться в вымышленный иллюзорный мир. Металлические элементы превращаются в якоря, тросы, натянутые между прошлым и будущим, своим лязгом мешающие погрузиться в дремоту и равнодушное созерцание, неизменно оставляющие полосы на монолитной обшивке мира.

Из вышеперечисленного следует, что символический уровень телесного позволяет обозначить конфигурацию идентификационной модели и предъявить её в качестве завершённого проекта. Принудительная модификация тела в субкультурах приводит к редактированию социального текста, вписанного в телесность культурными реалиями, расширяет сферу восприятия, насыщает смысловые поля новыми значениями, способствует сквозному обновлению личностной структуры. Практики телесного конструирования вводят индивида в круг большой событийности, развёртывая перед ним альтернативные версии социального, актуализируя эмоциональную дионисийскую часть его личности, дающую мощный импульс к насыщенному проживанию актуального «сейчас». Личностный генезис подростка, вырабатывающего адаптивные навыки в субкультурах, не обнаруживает признаков кризиса идентичности, не считывается как реакция компенсации. Выводя импульс к познанию явления из тени негативизма, мы обнаружим стабильную тенденцию выработки у подростков свойств высокого плана; тягу к новациям, к экспериментированию, развитие воображения, эмоциональную восприимчивость, следование принципам, целеустремлённость, волевые качества, свободолюбие, протестные настроения, мужество, поиск своего пути.

[1] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы.
[2] Жимбаева Ц. Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности с.19-36
[3] Левикова С.И. Универсалии и самобытность в культуре (на примере неформальной молодёжной субкультуры) с.440
[4] Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис. с.28.
[5] Леви-Стросс К. Печальные тропики. с. 266-270.
[6] Леви-Стросс К. Печальные тропики. с. 274.

Литература

1. Андерсон Э.Д.Татуировки как зримые архитипы: знаковые достопримечательности на карте души [Электронный ресурс]. URL: https://castalia.ru/perewody/yungiantsy-novoe-pokolenie/2369-dzheyn-anderson-tatuirovki-kak-zrimyie-arhetipyi-analiz-intervyu-vvedenie.html (дата обращения: 03.07.16)
2. Бацанова С.В. Телесность как индивидуальный проект // В мире научных открытий Издательство «Научно-инновационный центр» №11.3 (47), Красноярск, 2013. 217 – 222 с.
3. Гурин С. Философия идентичности [Электронный ресурс].URL: http://www.topos.ru/article/6727 (дата обращения: 20.12.2016)
4. Жимбаева Ц.Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности. М.: URSS, КРАСАНД, 2010. 160 с.
5. Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 608 с.
6. Леви-Строс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. 220 с.
7. Кампер Д. Тело, насилие, боль. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.
8. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы [Электронный ресурс]. URL:http://subculture.narod.ru/ texts/symbolism/ (дата обращения: 28.02.2017)
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.:Ад Маргинем, 1999. 479 с.
10. Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. М.: Прогресс,1996. 344 с.

References

1. Anderson Je.D.Tatuirovki kak zrimye arhitipy: znakovye dostoprimechatel'nosti na karte dushi [Jelektronnyj resurs]. URL: https://castalia.ru/perewody/yungiantsy-novoe-pokolenie/2369-dzheyn-anderson-tatuirovki-kak-zrimyie-arhetipyi-analiz-intervyu-vvedenie.html (data obrashhenija: 03.07.16)
2. Bacanova S.V. Telesnost' kak individual'nyj proekt // V mire nauchnyh otkrytij Izdatel'stvo «Nauchno-innovacionnyj centr» №11.3 (47), Krasnojarsk, 2013. 217 – 222 s.
3. Gurin S. Filosofija identichnosti [Jelektronnyj resurs].URL: http://www.topos.ru/article/6727 (data obrashhenija: 20.12.2016)
4. Zhimbaeva C.Ch. Podrostkovaja subkul'tura: specifika identichnosti. M.: URSS, KRASAND, 2010. 160 s.
5. Levikova S.I. Molodezhnaja subkul'tura. M.: FAIR-PRESS, 2004. 608 s.
6. Levi-Stros K. Pechal'nye tropiki. M.: Mysl', 1984. 220 s.
7. Kamper D. Telo, nasilie, bol'. SPb.: Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2010. 174 s.
8. Shhepanskaja T.B. Simvolika molodezhnoj subkul'tury: opyt jetnograficheskogo issledovanija sistemy [Jelektronnyj resurs]. URL:http://subculture.narod.ru/ texts/symbolism/ (data obrashhenija: 28.02.2017)
9. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. M.:Ad Marginem, 1999. 479 s.
10. Jerikson Je. Identichnost'. Junost' i krizis. M.: Progress,1996. 344 s.

Appalonova T.S., Postgraduate,
Saint Petersburg State University

PRACTICE OF CORPORAL DESIGNING IN SUBCULTURES AS THE WAY OF THE PRESENTATION OF IDENTITY MODELS

Abstract: the article describes possible ways of corporal modifications practiced in the midst of youth subcultures, through which not only the body but also the individuality is constructed. Subcultures as opaque social zones are of interest to a number of researchers. However, the assertion that the youth of subcultures is in the stage of identity crisis is not correct.

Keywords: body, corporeality, subculture, identity

Копанева Т.Г., кандидат философских наук, доцент,
Донской государственный технический университет

ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы адаптации мигрантов в условиях современного общества, вопросы взаимоотношений мигрантов с принимающим обществом. Определена цель адаптации как достижение духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социума. Рассмотрены пути урегулирования процессов адаптации.

Ключевые слова: адаптация, миграция, ассимиляция, мультикультурализм, дифференциальное исключение

В конце прошлого столетия развитие глобализации вызвало значительный рост масштабов межрегиональной и международной миграции. Международная миграция стала глобальным процессом, который затронул все страны и континенты, различные слои населения. При решении основных проблем мигрантов необходимо изучить типы их аккультурации, психологические и социальные способы поддержки. Миграция является социальным явлением и обладает объективно обусловленным характером. Она растет под воздействием разнообразных факторов, наиболее существенными из них – это экономические и политические факторы. В наши дни развитие миграции считается важнейшим фактором преобразований в социальной, экономической и культурной сферах. Ученых всегда интересовали проблемы принимающего общества с мигрантами, их совместной адаптации, как на личном, так и на коллективном уровне. Сложности адаптации и интеграции мигрантов достаточно известны: во все времена пришлые считались чужими. Следствием миграции часто считается утрата социального статуса и появление чувства отчужденности. Естественно, индивида в данном положении влечет к тому, кто находится в таком же положении, и кто может понять его. Ему могут как оказать помощь, так и не дать возможности успешно адаптироваться, ведь может появиться желание не изучать язык, не подвергать себя дополнительному стрессу при попытке говорить на одном языке с людьми иного менталитета. Адаптация к иным условиям является болезненным процессом. Поиск современных форм адаптации и интеграции мигрантов проходит в сложной ситуации, при которой в следствие объективных причин растет иммиграционный поток и в ряду с ним растет антиэмигрантский настрой в обществе.

В современном обществе вопросы адаптации мигрантов считаются довольно сложными и многогранными. Многие учёные считают, что под влиянием новой культуры, с которой встречаются мигранты в результате географического перемещения, они переживаю стресс. В последствии взаимодействия с новой культурой происходит расстройство психического здоровья, психическое потрясение. При определении этого психического потрясения в конце 80-х годов прошлого века американский антрополог Ф. Бок ввел в психологию термин «культурный шок». Определение культурного шока состоит в том, что в последствии взаимодействия с новой культурой мигранты испытывают неловкие или шоковые ощущения так, как подобные взаимодействия неожиданы и могут вызвать отрицательное восприятие собственной культуры. Мигрант попадает в незнакомое общество, где испытывает серьезные затруднения при общении и удовлетворении своих потребностей. Он ощущает себя дезориентированным и бессильным. Однако, большинство психологов не согласились с тем, что такому состоянию индивида подходит понятие «шок», так как мигрант все же существует, сохраняя при этом возможности для приспособления, и не утрачивает связь с реальностью. В данном примере более верно понятие «стресс», которому подвергается человек, хотя в тот же момент он может принимать окружение, пересматривать свое поведение в соответствии с природой и мерой влияния новой культуры. В конце прошлого столетия в рассмотрении психологической адаптации мигрантов появляется иное понятие – «стресс аккультурации». Аккультурация обозначает феномен, который появляется в той ситуации, при которой индивид или их сообщества, принадлежащие разным культурам, входят в прямую и длительную связь, в следствии которой возникают преобразования некоторых частей подлинной культуры одной или обеих групп. Согласно теории аккультурации, которую разработал Дж. Берри, «этот процесс связан с двумя основными проблемами: поддержанием «своей» культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участием в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»)» (3). Таким образом, культурный стресс

– это состояние психики человека, который попал в чуждую для него среду, которая по насыщенности в большей степени превосходит информационную наполненность предыдущей его среды обитания. При культурном стрессе работает не одно значительно неблагоприятное обстоятельство, как при культурном шоке, а комплекс неблагоприятных обстоятельств. Итак, смысл дела заключен в множественности обстоятельств. Каждое такое обстоятельство совместимо с жизнью (а возможно и благоприятствует ей), но при условии, что к нему произошла адаптация. «Культурный стресс могут порождать следующие обстоятельства: ● новизна обстановки, неизвестность; ● темп жизни, характерный для определённого места; ● повышенная сложность и многокомпонентность среды; ● особого рода упорядоченность жизнедеятельности, отличающаяся от той, к которой индивид привык раньше» (2).

Социально-психологическая адаптация индивида к действительности, укладу жизни и особенностям взаимоотношений разных сообществ, нередко приводит к тяжелым потрясениям, внутренней скованности, некоторой нестабильности в международных взаимосвязях. Есть несколько теорий, объясняющих психологическое положение мигрантов в чужой стране. Одна из них – это теория потерь и страданий. Данная теория изучает миграцию как утрату социальных связей, положения, близких, имущества и т.п. Теория ценностных ожиданий признает, что соответствие ожиданий мигрантов от проживания в чужой стране непосредственно производит влияние на их адаптацию. Теория ценностных различий трактует культурный шок как противоречие структур ценностей. Принято считать, что величина отличий ценностей страны выхода и страны поселения мигрантов прямо пропорционален объему серьезных проблем, которые мигрант переживает в процессе адаптации. Теория социальной поддержки является более основательной и любопытной теорией, которая пробует дать объяснение понятию культурного шока. Смысл этой теории состоит в том, что помощь окружающих создает препятствия психическим расстройствам и способствует психологическому спокойствию индивида. Увеличение количества исследований демонстрирует ценность создания социальных связей для духовной и материальной помощи и психологической адаптации мигрантов в новой социально-культурной среде. Данные исследования указывают на то, что численности группы, в которую входит мигрант, взаимосвязана с успешностью его адаптации.

Увеличение иммиграционных потоков в страны Европы во второй половине прошлого столетия поставило руководство этих стран перед выбором собственного пути урегулирования процессов в возникающем обществе с этническими и культурными различиями. Современной науке известны три метода подобного урегулирования: ассимиляция, мультикультурализм и дифференциальное исключение. Ассимиляция – это присоединение иммигрантов к обществу посредством процессов адаптации: считается, что иммигранты утратят свои личные социальные, лингвистические и культурные черты и станут похожими на основную часть населения. Функция руководства принимающих стран в ассимиляции состоит в организации окружения, благоприятного для личной адаптации. Благополучная адаптация обусловлена политикой и практикой принимающего общества, а также личной историей каждой группы. Бикультурные личности и позитивное оценка интеграции – это основа для хорошей адаптации. Мультикультурализм – это готовность большей части социума признать культурное различие и надлежащим образом поменять социальное поведение. В настоящее время большинство Европейских стран придерживается политики мультикультурализма. Во многих странах мультикультурализм присутствует только в определённых сферах жизнедеятельности, например, в образовании. Мультикультурная политика бывает удачной только тогда, когда этнические предрассудки и дискриминация находятся на низком уровне, а мультикультурная идеология – на высоком. Дифференциальное исключение (сегрегация) – это положение, при котором иммигранты на время входят в состав определённых социальных подсистем и вовлечены только в отдельные сферы жизнедеятельности общества (а именно, в трудовой рынок), но у них нет выхода к другим. К методам исключения относятся отказ в гражданстве, отличие прав коренного населения от прав иммигрантов, дискриминация.

В состав социальной адаптации мигрантов входит психологическая адаптация. Психологи считают, что, меняя место жительства, мигрант подвергается значительной адаптивной нагрузке: ему следует сформировать иные жизненные привычки, наладить большое количество новых связей, обеспечить удобные для проживания отношения с новыми людьми и сформировать соответствующее отношение к условиям новой жизни. При этом мигрант должен закрепиться в новых условиях и в пределах разумного преобразиться под их влиянием (2).

«С позиций социологического подхода социальная адаптация представляет собой объективно необходимый процесс вхождения индивида (группы) в новую социальную среду и освоения среды, такого их взаимодействия и взаимного приспособления, в результате которого создаются условия не

только для осуществления личностью её потребностей и жизненных целей, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды» (4).

Из подобного представления необходимо сделать вывод о том, что подстраивание общества к нуждам мигрантов обеспечивает среду для наиболее полной адаптации личности и её самовыражения. При этом адаптированная личность содействует интеграции общества, его уверенному прогрессу. В обратном случае речь идет об однобокой, частичной адаптации. Интерес науки к подобному объяснению восприятия социальной адаптации фиксируется на прогрессе и на итоге адаптации как личности к обществу, так и общества к социальным субъектам. Социальная адаптация как развитие и итог интеграции мигранта в иную социокультурную среду непосредственно обусловлена его установками и значимыми целями, и принятием индивидом иной социальной роли. В наши дни социальная адаптация – это глубокое и многостороннее понятие. Прогресс общества ускоряется и усложняется. В прошлом столетии отмечалось большое усиление развития общественных процессов и ускорение научно-технического прогресса. В наши дни продолжается разделение общественной жизни на фундаменте существующих национально-культурных, – политико-социальных и религиозных сообществ. При этом современное мировое общество обречено на неизбежную интеграцию, на взаимопроникновение культур.

В наши дни большинство государств стали открытыми вследствие усовершенствования средств массовых коммуникаций и средств перемещения, равно как и вследствие политических преобразований, в основе которых находится технический и культурный опыт всего человечества. Все эти изменения идут непрестанно, независимо от политической и культурно-этнической дифференциации общества. В результате чего происходят активные изменения в жизни народов разных государств, вовлечение во всемирные процессы, быстрое усвоение многозначного опыта других этносов. У каждого народа есть свои закономерности прогресса, но мировая интеграция неизбежно побуждает его не переставая приспосабливаться как к мировой тенденции, так и к региональным и административным характерным чертам отдельных сообществ, в чей состав он входит. Этносы оказываются в непрерывном состоянии адаптации, приспособления к быстрому развитию общества. Более того, некоторые страны периодически актуализируют свой опыт благодаря быстрым переменам и трансформации.

В состоянии быстрых изменений общества и мировой интеграции адаптация становиться основным понятием, и даже необходимостью развития современного общества. В наше время каждому приходится пребывать в непрерывном состоянии адаптации, но полностью не адаптироваться, поскольку новые изменения как в каком-либо одном государстве, так и во всем мире приходят на смену приспособлениям к определенным условиям. Сообщества пребывают в положении непрерывной адаптации, и эта адаптация представляется образом их существования, системой освоения условий общества. Целью адаптации считается укрепление духовного здоровья и совпадение ценностей личности с ценностями социума. Итогом адаптации мигранта должна стать его самооценка о том, что он смог подстроиться к жизни в новом социуме, самодостаточен – может проживать независимо без поддержки со стороны государственных, муниципальных структур и готов продолжать интегрировать в принимающий социум по принятой государством интеграционной модели.

Общественные организации по работе с иммигрантами прикладывают много усилий для успешной адаптации: создаются бесплатные курсы по изучению языка принимающей стороны, проводиться обучение профессиям, дети имеют возможность обучаться в общеобразовательных школах.

Литература

1. Берри Д.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (дата обращения: 12.10.2017)

2. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж, 2004. С. 163, 176 – 179.

3. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. 490 с.

4. Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодёжи (дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. №1. С. 90 – 95.

5. Bock Ph. K. (Ed.). Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology. N.Y., 1970. 379 p.

References

1. Berri D.U. Akkul'turacija i psihologicheskaja adaptacija: obzor problemy URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (data obrashhenija: 12.10.2017)
2. Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Migracija (sushhnost' i javlenie). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh, 2004. S. 163, 176 – 179.
3. Ioncev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. Jemigracija i repatriacija v Rossii. M.: Popechitel'stvo o nuzhdah Rossijskih repatriantov, 2001. 490 s.
4. Sviridov N. A. Adaptacionnye processy v srede molodjozhi (dal'nevostochnaja situacija) // Sociologicheskie issledovanija. 2002. №1. S. 90 – 95.
5. Bock Ph. K. (Ed.). Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology. N.Y., 1970. 379 p.

Kopaneva T.G., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Don State Technical University

THE ISSUES OF ADAPTATION OF MIGRANTS: GLOBAL ISSUES OF OUR TIME

Abstract: the article considers the issues of adaptation of migrants in the context of modern society, the issues of the relations of migrants with the host society. It is identified the purpose of adaptation as the achievement of spiritual health and compliance values of the personality to the values of society. The ways of settlement of the process of adaptation are considered.

Keywords: adaptations, migration, assimilation, multiculturalism, differential exception

Шуралёв А.В., кандидат философских наук, доцент,
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация: в данной статье автор рассматривает правовые основы института церкви в современных странах Западной Европы, предысторию принятия государством тех или иных законов относительно церкви, а также как современные западноевропейские конституции разрешают возникающие коллизии, связанные с отношениями государства и церкви.

Ключевые слова: церковь и право, «религия и вероисповедание», государственная церковь, конституции, конфессии и межконфессиональные отношения, отделение церкви от государства

Западная Европа в эпоху Просвещения положила начало новой политике в области государственно-церковных отношений, признанию права на свободу совести, отделения церкви от государства, заменив веками практиковавшуюся модель государственной церкви: «кто правитель, того и религия». Общепринятого определения понятия религия или родственных ему терминов (секта, культ, традиционная религия и т.д.) в международном праве не существует, и многие государства сталкивались с трудностями при определении их. Возможность определения таких терминов с точки зрения юриспруденции оспаривалась в связи с тем, что понятие «религия» может трактоваться по-разному. В международных стандартах термин «религия» не употребляется отдельно. Вместо него употребляется более широкое по смыслу словосочетание «религия и вероисповедание». В понятие «вероисповедание», как правило, входят глубокие убеждения, которые являются основополагающими при определении судьбы человека и мира. Таким образом, идеи атеизма и агностицизма, например, обладают таким же правом на защиту, как и религиозные верования. Случается, что законодательство не защищает в должной мере (или совсем не защищает) права неверующих.

В Западной Европе вмешательство государства в дела церкви зависело не только от преобладающей в той или иной стране отдельной религии, но и от характера конституции, которой придерживалось данное государство. В государствах, где история церкви была тесно связана с историей государства ещё с эпохи раннего Средневековья, по-прежнему существовали епархии владетельных принцев, где епископы были руководителями своих правительств (Ватикан, Андорра). Во Франции с 1905 года существовало светское государство – на основе идеологической концепции отделения церкви от государства и государства от церкви. В других западноевропейских государствах существовала доктрина религиозной свободы, как неотъемлемого права человека в обществе, и это вынуждало государство оказывать поддержку церкви. В этих странах существовало пять принципиальных вопросов, оговариваемых в конституции страны, на основании которых строились отношения государства и церкви.

1) какая религия и церковь являются официальными в стране;

2) введение подоходного налога с населения страны в пользу официальной церкви;

3) только члены официальной церкви могли иметь религиозные организации и учреждения в стране;

4) государство обязано заниматься образованием и воспитанием подрастающего поколения в церковных школах и университетах;

5) государство осуществляло контроль при избрании епископов (этот пункт был самым важным, так как епископы имели большое влияние на общественное мнение; именно из-за этого правительства многих стран Западной Европы шли на компромисс с марксистскими правительствами Восточной Европы)[1].

Несмотря на то, что ни один из перечисленных принципов не работал в странах Западной Европы полностью, они всё равно были важными при осуществлении отношений государства с церковью, особенно во второй половине XX века.

Некоторые государства Западной Европы по конституции были католическими: Испания (1976-1979 гг.), Португалия (1974 г.), Италия (1984-1985 гг.), Республика Ирландия (когда в 1937 году католицизм поддержало большинство ирландцев, хотя это не соответствовало действительности, так как по переписи населения в 1981 году приверженцев Римско-католической церкви в Ирландии оказалось намного меньше).

В Италии после Второй мировой войны Латеранские Соглашения от 1929 года, по которым Ватикан стал вновь отдельным государством, были оспорены передовой общественностью, так как они были приняты при Муссолини. Но вскоре

они были признаны вновь законными и остались в силе. В 70-х годах возникло движение, которое вновь стремилось отменить этот документ или изменить некоторые положения. В феврале 1989 года Ватикан подписал пересмотренную версию этого документа с итальянским премьер-министром Кракси.

После принятия новой конституции, в которой Италия провозглашалась светским государством, в ней остался один пункт, гласивший следующее: «Итальянская республика, признавая ценность религиозной культуры и принимая во внимание факт, что принципы католицизма являются частью исторического прошлого итальянского народа объявляет, что продолжит обеспечивать религиозное образование в школах, если родители на этом будут настаивать»[2]. К этому пункту имелось несколько добавлений, одно из которых уточняло, что преподаватели религии должны пройти утверждение на должность со стороны духовной власти, которая также должна утверждать конкретные образовательные программы и учебники. Из-за этого добавления в итальянском обществе разгорелась острая полемика. В 1986 году семь представителей научной общественности обратились к нации с заявлением оспорить его, на том основании, что дети имеют право на защиту от религиозной дискриминации.

Конституция Греции (1968 г.) объявила, что она является православным государством (по переписи 1961 года в Греции насчитывалось 97,8% приверженцев православия) и что её президент должен обязательно быть православным.

Республика Исландия в 1944 году (в этой стране 91% населения исповедует лютеранство) объявила, что она протестантское государство.

Везде, где религия объявлялась государственной по конституции, обязательно также провозглашалось, что все граждане страны имеют право как исповедовать, так и не исповедовать её, или быть приверженцем любой другой религии, если это не угрожает этике и общественному порядку.

Но это было лишь декларацией. По-прежнему нелегко было строить протестантскую церковь внутри границ Ватикана или в Испании. Протестантскую часовню нельзя было построить на улицах, где большинство жителей считали себя католиками. В республике Ирландии такая конституция, принятая в 1937 году, была бы встречена в протестантской Северной Ирландии как угроза. И по большому счёту все эти конституции не имели значения для большинства населения страны.

Ещё более трудностей вызывал государственный налог на церковь. Лишь немногие государства в Западной Европе могли обязать платить налоги на нужды церкви. В Западной Германии и в Скандинавских странах граждане легко могли договориться о взимании налога на церковь, если они были её прихожанами. В религиозной общине Исландии всегда существовал местный налог на церковь, но государство всегда держало его под контролем, не разрешая его подымать.

В большинстве стран Западной Европы существовал также косвенный налог, с помощью которого государство помогало верующим получать образование, финансировало школы и университеты. Это давало также государству право назначать своих священников на должность преподавателей в образовательные учреждения или отправлять их капелланами в армию, или на работу в больницы и тюрьмы.

В нескольких странах Европы государство могло даже выплачивать священникам заработную плату и всячески оказывать им социальную помощь. На это шли деньги не только налогоплательщиков, но и из других источников, которыми могли быть различные судебные конфискации или спецфонды.

Во всех странах Западной Европы, где государство стремилось оказывать влияние на церковь, в ней начинались волнения и протестные настроения. Такие действия государства стали причиной конституционного конфликта в Швеции в 60-е годы 20 века. И тогда либеральное государство решило полностью устранить религию из общества, лишив её своей поддержки. Государство вначале отказало церкви в самостоятельности, не позволяя лидерам церкви иметь независимое мнение даже по церковным вопросам. Многие лидеры церкви были очень влиятельны и могли дестабилизировать обстановку в стране. Но ради своего благополучия большинство этих лидеров не захотели портить нормальные отношения с государством. Всё закончилось в 1982 году компромиссным соглашением Церкви Швеции и государства, по которому Высшее собрание церкви были предоставлены широкие полномочия по осуществлению своей доктрины и свобода религиозного культа. Этот союз с государством привел к полной зависимости церкви от него, и когда-то независимая церковь превратилась в придаток бюрократического аппарата государства. Но такое её новое положение многих в церкви устраивает.

Но в некоторых странах Западной Европы государство идёт навстречу церкви и её интересам. Оно позволяет духовенству различных церквей представлять свою церковь в парламенте страны, создавать автономные церковные организации из духовенства и прихожан. В Англии с 1974 года государство разрешило выполнять много новых различных функций Генеральному Синоду англиканской церкви. Тремя годами позже избрание

англиканских епископов, которое раньше зависело от королевы и премьер-министра, было передано теперь на усмотрение Синода, хотя государство также принимало в нём участие.

Второй Ватиканский собор окончательно постановил, что правительства европейских государств должны полностью уступить свои полномочия по избранию епископов церковным властям. В тех странах, где правительства пошли на такую уступку Римско-католической церкви, они всё-таки требуют от Ватикана заранее предоставлять им конкретные кандидатуры епископов, чтобы по каким-то причинам избежать предъявления к ним со своей стороны права вето.

В 1976 году король Испании полностью отказался от этого права вето, на котором всегда настаивал диктатор Франко, но сохранил за собой право возражать по политическим мотивам против избрания епископа, выдвигаемого Ватиканом.

Таким образом, если та или иная страна Западной Европы стремилась отделить церковь от государства, она вовсе не желала отказаться от её услуг. Даже Франция по-прежнему использовала священников в армии и в больницах и субсидировала теологические факультеты в университетах. То же самое было и в других демократических странах Западной Европы.

Особое значение в выработке юридической базы для развития государственно-церковных отношений и статуса церкви в Западной Европе принадлежит Германии. В настоящее время деятельность церкви регулируется на территории Германии законом о церквах от 03.03.1924 г.[3] В данном законе обозначается, что церкви – это корпорации публичного права. К церквам в смысле данного закона относятся евангелистские, католические и израильские религиозные сообщества (п. 2, §1)[4]. Это законодательство несёт на себе явный отпечаток той роли, которую играла религиоведческая школа, созданная в Германии ещё накануне Первой мировой войны и получившая мировую известность. Её создателями являются либеральные лютеранские богословы и учёные: Адольф фон Гарнак, Фрайгерр фон Герман, Генрих фон Трейчке, Райнхольд Сиберг, Эрнст Трёльч, Фридрих Гогартен, Вильгельм Вундт.

Для этих германских протестантских интеллектуалов язык священной войны был логическим завершением века духовных усилий над основными библейскими темами о национальной избранности и достижении экстравагантных мессианских высот. Начиная с эпохи Просвещения, немецкий протестантизм отвергал беспрекословную зависимость от таких традиционных источников религиозного авторитета, как Библия и ранняя церковная традиция. Библия была лишь сугубо человеческий артефакт, в которой последовательно и пристрастно изложена жизнь исторических обществ. В немецкой теологии господствовала либеральная традиция немецкого философа, теолога и проповедника, сына реформатского пастора, Фридриха Шлейермахера, который учил, что в церковном вероучении, особенно, что касается истории, главное должно быть подчинено внутреннему религиозному опыту конкретного человека, верующего в своего Бога – Иисуса Христа.

Для либеральных протестантов Бог, представленный в Библии, был лишь только одним из видов ограниченного восприятия божества, который стали лучше понимать с помощью прогрессивных разработок истории. Церкви всегда существовали в истории, но они должны быть адаптированы и модернизированы для последующих поколений и культуры. Такой подход является либеральным из-за открытости изменений идей и норм, но он также предполагал, что отсутствие каких-либо внешних абсолютов, опасно для церкви, которая из-за этого будет сметена вместе с современной политической системой. И поэтому немецкий либеральный протестантизм идентифицировался со 2 Рейхом, который формировал кайзер Вильгельм II, и подошёл вплотную к идее поклонения государству и проводимой им войне[5].

Создание Рейха в 1870-1871 годы Западная Европа приняла со смешанным чувством эпохальных надежд и страхов, преклонением перед великими немецкими мыслителями и германской культурой, заявившей о себе, как о высшем проявлении человеческого прогресса. В своей интеллектуальной жизни Германия родила не только претензии на мировое господство, но и новую прогрессивную социальную политику, которая действительно дала улучшения в жизни простых людей. В течение последующих сорока лет националистические мыслители Германии потребовали расширить Рейх как в Европе, так и во всём мире.

Лютеранские националистически настроенные мыслители придавали особый немецкий акцент в понимании работы Бога в истории. Протестантские лидеры подчеркивали, что народы и расы – это были божественные понятия, и в Библии показано, как Бог на примере еврейского народа мог использовать людей для достижения своих целей. Считая себя также «избранным народом» немцы потребовали от всех особого внимания и к новому германскому рейху, который считали новым Царством Божьим на земле. Германцы, как говорили в унисон Адольф фон Гарнак, Фрайгерр фон Герман, Генрих фон Трейчке, Райнхольд Сиберг, Эрнст Трёльч, Фридрих Гогартен, Вильгельм Вундт, является святым народом. И поэтому право

на территориальное расширение своего государства немцы осознавали как особое национальное и расовое «чувство собственного достоинства», а любые действия этого государства могут быть святой необходимостью. В трудах лютеранского теолога Фридриха Гогартена мы находим такие слова: «немецкий народ и немецкий дух в наших самых возвышенных понятиях есть откровение вечности»[6]. Немецкий историк христианского богословия Рейнгольд Зееберг, разрабатывая радикальную теологию германского империализма на основе известного немецкого понятия «волк» (в переводе с немецкого означает: «народ», «нация»), всячески его расширил и добавил в это значение «инстинкт жизни», которое вышло далеко за рамки простых рациональных расчетов.

В этих фантастических рамках сама война теперь была средством выработки цели Бога в истории, где протестантская власть Германии осуществляла средневековую роль Молота Бога. Мощные силы и насилие в конце концов были нормальны и были теми очевидными средствами, с помощью которых Бог исполнил свои цели в мире. После окончательной победы Рейха немецкое христианство достигнет своего полного потенциала в качестве духовного света мира. Трёльч увидел немецкое государство и его армию как начальные средства, используемые Богом, чтобы принести Царство Божье на землю. Бог действительно «защищает и отстаивает национальное воплощение божественного духа», а в Рейхе было историческое воплощение Духа Божьего[7].

Лютеранское богословие о двух царствах – земном и небесном – получило свой собственный моральный кодекс существования в жизни. Хотя христиане жили все вместе в одном государстве, но данную этическую концепцию нельзя было применить абсолютно ко всем, так как государство не может работать по таким стандартам. Государство, которое так сделает, особенно в период войны, скоро перестанет существовать. Даже нация, состоящая почти целиком из набожных христиан, не может заниматься политической деятельностью, согласно канонам строгого христианского учения. Поэтому нельзя осуждать циничные действия государства, когда они нарушают христианское учение общепринятых моральных норм. И именно поэтому в 1914 году церковная доктрина отвергла возражения на вероломное вторжение Германии в Бельгию.

Эти апологеты новой симфонии верили, что христианская нация вела священную войну, у которой настоящим руководителем являлся сам Бог, и духовенство соперничало между собой в определении своего Всемогущего, очень давно не участвовавшего так близко в мирских делах. Немецкие проповеди войны были беззастенчивы в применении христианских терминов и понятий для нации и государства и даже обусловили религиозными основами культ личности кайзера Вильгельма. Уолтер Леманн[8] говорил о немецком Боге и представлял германизм, как душу христианства. Людвиг Ихмельс, выдающийся профессор богословия в Лейпциге, провозгласил безусловную лояльность к императорскому трону, который был также свят, как и Евангелие. Такой язык возрождал Ветхий Завет, олицетворяемый с Богом Саваофом, но проповедники также боролись за то, чтобы здесь присутствовал и Иисус, как истинный лидер войны. Поэтому для немцев Иисус был «не только новорожденный герой и знаменосец нашего времени, но и наш Волк»[9].

Не менее показательным являются отношения государства и церкви в течение дальнейшей истории Германии. После Второй Мировой войны, после раскола Германии на несколько частей, в протестантских общинах система избрания епископа была лучше устроена, чем в других существующих здесь конфессиях.

В самом германском протестантизме идеи социализма и коммунизма получили, пускай небольшое, но всё-таки развитие. Сами христиане Германии также помнили время, в период правления Гитлера, когда они выступили против служения нацистскому режиму и за сохранение своей веры. Такое же инстинктивное и враждебное отношение к коммунистической власти вылилось в их скрытую «церковную борьбу». Они всегда были в обороне и оставались прозападными. Но сразу после смерти И.В. Сталина они увидели, что христианство не обязательно нужно отождествлять с западным стилем жизни или с капиталистической экономикой, буржуазным обществом, или даже с заказом западной демократии. Теологи в ГДР не имели своих вузов. У них были только светские, где они познакомились со своими коллегами, марксистскими философами. И такое плотное сотрудничество помогло протестантским теологам осмыслить своё прошлое и оглянуться на развитие идей, что дало возможность другими глазами посмотреть на научный атеизм, появление и развитие которого явилось закономерным процессом в развитии европейского разума в его борьбе за поиски истины. Поэтому они стали считать, что не нужно вступать в конфронтацию с официальным атеизмом, а вместе с ним строить христианский и социально-ответственный тип общества. В этом отношении им помогла фраза о «нерелигиозном христианстве», унаследованная ими от мученика, убиенного нацистами, – Дитриха Бонхёффера. Хотя фраза имела сомнительный смысл, она

дала им довод о том, что отказ от религии не нужно отождествлять с отказом от Христа.

И именно поэтому государство в Германии вместо того, чтобы сказать, что христиане наносят вред обществу своими суевериями, пригласило их помочь построить коммунистическое общество и осудить ядерную войну. И многие из социально-ответственных христианских лидеров, но особенно многочисленная христианская молодёжь, не стали отвергать эту протянутую руку[10]. Беда была в том, что правительство проявляло всегда своё непостоянство и могло вдруг заявить, что никакого компромисса между марксизмом и христианством не может быть. Оставался также большой вопрос для церкви: нужно ли учить детей материализму и должны ли они проходить через Юдентвейх, чтобы становится грамотными и верующими людьми в государстве?

В марте 1978 года в Берлине между лютеранским епископом Шёнхерром[11] произошла знаковая встреча с главой правительства Эрихом Хонеккером. Это была не просто встреча, а начало непростого союза государства и церкви. Отныне государство разрешало небольшое количество часов (один раз в два месяца, шесть передач в год) – для трансляции церковью своих информационных программ по религиозным вопросам и церковным делам. Церковь стала легче проводить свою работу в больницах, хосписах и домах для умственно отсталых детей. Также намного стало проще для церкви иметь книжные магазины, в которых продавалась христианская литература, хотя её тираж и наименование была по-прежнему в руках государственной цензуры. Появилась свобода для проведения ежегодного лютеранского собрания – Кирхентага.

В 1979 году государство разрешило проводить своей церкви пропаганду за рубежом. В церкви стали действовать 8 протестантских семинарий с сотней других учебных заведений, она стала обслуживать 52 больницы с 7000 кроватей и 280 хосписов с 11000 койкомест. В Берлине за год церковь печатала около 250 различных изданий (но продавать могла их только в задней части церкви). В это время была издана Библия для слепых. Церковь теперь могла в воскресное утро по радио обращаться к больным в обслуживаемых ею больницах. Также церковь получила возможность вещать один раз в месяц на государственном телеканале. В Дрездене лютеранский хор стал очень знаменитым и получил мировую известность.

Многие верующие не любили такой симфонии между церковью и государством. Лютеранский епископ Грайсвальда Хорст Хенке,[12] заявлял, что позиция Хонеккера была похожа на то, что он был другом церкви. Хенке написал ему письмо, в котором признался, что больше нет никаких проблем у церкви с государством. Это письмо просочилось в прессу, и позиция епископа стала очень шаткой среди народа и клира. Когда был восстановлен собор в Грайсвальде, этот епископ пригласил на его освящение самого Хонеккера. В начале 1979 года, когда состоялось освящение собора, Хонеккер пришёл, но многие верующие держались подальше от пригласившего его епископа. Епископ стал настолько непопулярен из-за этих компромиссов с государством, что в ноябре 1989 года, за несколько недель до падения Берлинской стены, Синод церкви проголосовал с незначительным большинством в два голоса за снятие его с должности епископа; такое внеочередное голосование в истории современной лютеранской церкви явление почти уникальное.

Но не во всех странах Европы, где победил социализм, существовали такие как в Германии отношения государства и церкви. В Албании, Чехословакии, Венгрии, Югославии церковь претерпела не только гонения и репрессии, но в отдельных случаях даже полное уничтожение как общественного института. Диктатор Албании Энвер Ходжа[13] всячески ослабил позиции основных конфессий в стране: католиков, православных и мусульман, за счёт физического уничтожения высшего и среднего духовенства и упразднения церкви. Повсеместно в странах социалистического лагеря была насильственно упразднена униатская церковь. В этих странах произошли ставшие широко известными во всей Европе и в мире судебные процессы против выдающихся религиозных и церковных лидеров, обвиняемых в сотрудничестве с нацистами во время Второй мировой войны: Тисо в Словакии, архиепископа Степинаца в Югославии и Миндсенти в Венгрии[14]. Таким образом, государство этих стран противостояло влиянию религии и церкви в деле построения нового коммунистического общества.

В настоящее время в Западной Европе представлены три основные модели взаимоотношений государства и церкви: кооперационная, сепарационная (отделительная) и идентификационная.

Кооперационная модель предполагает сотрудничество государства и ряда религиозных организаций в форме объединения деятельности (кооператива) в каких-либо сферах. Предполагается, что, обладая наиболее полной информацией о соответствующей сфере общественных отношений и имея реальные рычаги влияния на религиозные объединения, государственные органы могут оптимальным образом сотрудничать с избранными конфессиями. И такая модель существуют в

Австрии, Бельгии, Германии, Португалии, Испании, Италии, Швеции. В Германии религиозные объединения имеют статус субъекта публичного либо частного права. Статус субъекта публичного права предполагает льготное налогообложение или даже полное освобождение от налогов, право на взимание церковного налога, на обучение религии в государственных школах и т.д. Политика сотрудничества государства и церкви получила широкое распространение в странах Западной Европы по причине взаимной выгоды и для государства при решении социальных проблем, и для церкви, становящейся признанным институтом особого рода в гражданском обществе.

Сепарационная (отделительная) модель государственно-конфессиональных отношений не предусматривает сотрудничества государства и церкви, но обозначает четыре функции светского государства в религиозной сфере:

- контроль за соблюдением принципа отделения религиозных организаций от государства во всех сферах;
- правовое регулирование создания, деятельности и ликвидации религиозных объединений;
- регистрация религиозных объединений;
- контроль за соблюдением ими законодательства;
- защита прав верующих и их объединений.

Такая модель исторически сложилась во Франции, Нидерландах, Ирландии.

Идентификационная модель – построена на объединении государства и религиозного института. Такая модель присутствует в Великобритании, Дании, Греции, Люксембурге. В ее рамках христианские богословы разработали три варианта государственно-церковных отношений:

- цезарепапизм (когда государство выступает от имени церкви);
- папоцезаризм (когда церковь выступает от имени всего государства);
- симфония властей.

В современной Западной Европе проблема социального статуса становится все актуальней для церкви. Если на протяжении веков основное внимание уделялось правам религиозной организации, корпоративному праву, то в современную эпоху приоритет отдается праву индивида. Тем самым обостряется вопрос о статусе церкви как организации и ее правах в общественном устройстве. В настоящее время в европейских странах отсутствует общепринятое, четкое определение понятия «церковь». В результате существуют отличия в практике признания той или иной организации религиозной, и как следствие этого – определенные ограничения в предоставлении тех или иных прав.

В правовой сфере заявляет о себе проблема ограничения религиозной свободы, прозелитизма, особенно в процессе распространения новых религиозных движений и их отношения к государственному порядку. Сложность решения проблемы унификации заключается в том, что по своей природе государственно-церковные отношения весьма консервативны и очень тесно связаны с традицией, которая, в свою очередь, является одним из источников церковного права.

Что касается вопроса влияния перечисленных выше моделей государственно-церковных отношений, то необходимо отметить следующее. Независимо от той или иной модели, принятой в каждом конкретном государстве, существует своя система иерархии религий, также порождающая дискриминацию граждан и религиозных объединений по признаку принадлежности к той или иной религии, Это особенно касается Австрии, Бельгии, Дании, Германии, Греции, Италии, Португалии и Испании. Обычно эта иерархия состоит из трех уровней. На первом месте стоит государственная религия. Её признаками являются:

- государственное финансирование всех ее расходов;
- государственные чиновники осуществляют управление делами церкви;
- только священники государственной религии имеют право вести службы в тюрьмах, образовательных учреждениях;
- только священники государственной религии приглашаются на официальные государственные мероприятия;
- руководство государственной религии активно вмешивается в дела государства.

Статус государственной религии имеет Лютеранская церковь Норвегии. В параграфе №2 Конституции Норвежского Королевства сказано: «Все жители государства обладают свободой религиозной совести. Евангелическо-лютеранская религия является официальной государственной религией. Исповедующие ее жители обязаны воспитывать в ней своих детей»[15]. Далее указывается, что король должен всегда исповедовать евангелическо-лютеранскую религию, оказывать ей поддержку и покровительство. В параграфе №27 установлено: «Член государственного совета, не исповедующий официально государственной религии, не участвует в обсуждении вопросов, которые касаются государственной церкви»[16].

При этом необходимо учитывать, что в 2006 году синод Норвегии принял историческое решение об отделении церкви от государства (в Швеции подобное решение было принято в 2000 году). Поправки в конституцию были внесены в 2013 году. Такая же форма религии существует в Греции. Конституция Греции устанавливает, что господствующей в Греции религией является религия Восточно-православной Церкви Христовой.

На втором месте после государственной религии идут традиционные религии и конфессии. Например, параграфы №№11, 76 Конституции Финляндии выделяет Евангелическо-Лютеранскую Церковь в качестве главной религии с точки зрения предпочтений государства: «Организация Евангелическо-лютеранской церкви и управление ею определяется законом о церкви. Что касается других, уже существующих религиозных обществ, то в отношении них действует то, что установлено или будет установлено. Основание новых религиозных обществ разрешается при соблюдении по этому вопросу закона»[17]. К традиционной религии в Финляндии относится и православие.

На третьем месте находятся нетрадиционные религии и конфессии или так называемые новые религиозные движения. К таковым относятся религиозные движения, впервые возникшие в последние 100-150 лет, основы вероучения которых не соотносимы методологически ни с одной из известных традиционных мировых религий. К ним относят такие движения: Сайентология, Международное общество сознания Кришны и другие.

Такая систематизация религий порождает своеобразные формы неравенства. По решению государства религиозные общины «низких категорий» могут быть, например, лишены государственных субсидий или налоговых привилегий; им запрещают преподавать религию в школах и учреждать официально аккредитованных капелланов в государственных учреждениях, таких как тюрьмы, больницы и вооруженные силы. Во многих случаях на такие группы навешивают ярлык вредоносных «сект» или «культов» и против них предупреждают государственные и частные органы, финансируемые или поддерживаемые из госбюджета.

[1] Чэдвик О. Христианская церковь в холодной войне / предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN978-5-519-51154-4.

[2] Там же.

[3] Основной закон ФРГ гарантирует свободу совести и вероисповедания как неотъемлемое право и одну из фундаментальных ценностей демократического правового государства (ст. 4). Свобода вероисповедания включает в себя свободу совести, религиозных убеждений и отправления культа, свободу религиозных объединений.

[4] Чилькина К.В. Роль церкви в качестве субъекта социальной политики Германии в XIX в. (Формирование правовых основ социального государства) // Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева. 2014 г. С. 168 – 177.

[5] Philip Jenkins, The Great and Holy War, How World War I Changed Religion For Ever (Oxford England: Lion Hudson, 2014). P. 82.

[6] Гогартен цитирует Клауса Вондунга, Апокалипсис в Германии: пер. Стивена Д. Рикса (Колумбия: издательство университета в Миссури, 2000). 155.

[7] Цитата Трёльча из Розмазнин, «Церковь и нация-государство», 152; и Джордж Л.Моссе, «Кризис немецкой идеологии», (Нью-Йорк: Гроссет и Данлэп, 1964).

[8] Уолтер Леманн (1878-1939) – немецкий энциклопедист, лингвист и археолог. Людвиг Ихмельс (1858-1933) – лютеранский теолог и епископ земли Саксонии.

[9] Моисей, «Бонхоффер в Германии»; и Джон А. Моисеев, «Государства, войны, революции и немецкая Евангелическая церковь в 1914-1918 гг.», Журнал религиозной истории 17. №1 (1992): 47 – 59.

[10] Oven Chadwick. The Christian Church in the Cold War. / The Pengvin History Of The Church – 7. (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ, England 1993). P. 49.

[11] Альбрехт Шёнхерр, родился 11 сентября 1911 года и умер 9 марта 2009 года. Известный священнослужитель и деятель Лютеранской церкви в Германии, сподвижник и друг Дитриха Бонхёффера. Был рукоположен самим Дебелиусом. В 1946 году был назначен деканом района Бранденбург, а затем возглавил паству в период советской оккупации. Манфред Штольпе, старший администратор церковной федерации, который стал популярным после падения Берлинской стены, говорил, что Шёнхерр дал «карт-бланш» на сделку с государством и - как неизбежность - с его тайной полицией Штази. Сделку, которая обеспечила финансовую жизнеспособность церкви. Валютные переводы из богатых церквей в Западной Европе, которые шли на церковь, послужили на пользу как ей, так и государству. За этот прагматизм критиковали церковь. Но именно он позволил христианам стать очень значительными субъектами в рамках процесса, который привёл к гибели ГДР.

[12] Хорст Хенке родился 18 апреля 1930 года в Шверине. Был с 1972 года по 1989 год епископом Евангельской Церкви. Вначале он возглавлял церкви в Померании с 1973 по 1976 годы. Затем с 1979 года по 1989 годы, был Председателем Евангельского Церковного Союза в ГДР.

[13] Энвер Халил Ходжа – (родился 16 октября 1908 г. – умер 11 апреля 1985 года) – первый секретарь ЦК Албанской партии труда, председатель совета министров Албании, министр иностранных дел Албании, министр национальной обороны Албании.
[14] Тисо (13 октября 1887 г. Битча – казнён 18 апреля 1947 года, Братислава) – президент Первой Словацкой республики (1939-1945 гг.), профессор теологии, декан и священник в католической церкви в городе Бановцах-над-Бебравоу – (на реке Бебрава).
Степинац Алоизие (8 мая 1898 года, Брезарич, Королевство Хорватии и Славония, Австро-Венгрия – 10 февраля 1960 года, Крашич, Югославия) – хорватский кардинал. Титулярный архиепископ Никопсиса и коадъютер Загреба с 28 мая 1934 года по 7 декабря 1937 года. Архиепископ Загреба с 7 декабря 1937 года по 10 февраля 1960 года. Кардинал-священник с 12 января 1953 года. 10 октября 1946 года Степинац был приговорён к 16 годам тюрьмы, которые не все отсидел по болезни и был выпущен под домашний арест. 10 февраля он скончался от болезней полученных им в тюрьме.
Миндсенти Йожеф (родился 29 марта 1892 года, Чехиминдсент, современный Ваш, Австро-Венгрия - умер 6 мая 1975 года, Вена Австрия). Венгерский кардинал, архиепископ Эстергома и примас Венгрии. Кардинал-священник с 18 февраля 1946 года, с титулом церкви Санто-Стефано-Ротондо с 22 февраля 1946 года. Активный деятель Венгерской революции 1956 года. В мае 1991 года, он был, по договоренности, римского папы Иоанна Павла II с руководителями Венгрии, перезахоронен в религиозной святыне всех венгров – соборе Эстергома.
[15] Конституция Норвегии от 19.12.2014 г. (Королевства Норвегия от 17 мая 1814 г.). Текст Конституции приводится по сборнику «Конституции государств Европы». В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. Окуньков Л.А. М. Издательство НОРМА, 2001 г. 824 с.
[16] Конституция Норвегии от 19.12.2014 г. (Королевства Норвегия от 17 мая 1814 г.); пункты: 1-2.
[17] Конституции Финляндии от 11 июня 1999 года (1999/731) параграфы №№11, 76.

Литература

1. Джон А. Моисеев. «Государства, войны, революции и немецкая Евангелическая церковь в 1914-1918 гг.» // Журнал религиозной истории 17. №1 (1992): 47-59.

2. Конституция Норвегии от 19.12.2014 г. (Королевства Норвегия от 17 мая 1814 г.). Текст Конституции приводится по сборнику «Конституции государств Европы». В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. Окуньков Л.А. М.: Издательство НОРМА, 2001 г. 824 с.

3. Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований // Сборник научных статей / под научн. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 357 с. ISBN 978-5-87555-725-5.

4. Чилькина К.В. Роль церкви в качестве субъекта социальной политики Германии в XIX в. (Формирование правовых основ социального государства) // Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева. 2014 г. С. 168 – 177.

5. Чэдвик О. Христианская церковь в холодной войне / предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN978-5-519-51154-4.

6. Шанин В.А. Европа для всех. М. 2008. 512 с.

7. Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. (монография) ISBN 978-5-519-60499-4.

8. Philip ip Jenkins, The Great and Holy War, How World War I Changed Religion For Ever (Oxford England: Lion Hudson, 2014). P. 438.

9. Oven Chadwick. The Christian Church in the Cold War. // The Pengvin History Of The Church – (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ , England 1993). P. 240.

10. Shuralyov A.V. Freedom of Beliefs as an Ideology. INFORMATION / ISSN: 1343-45200. V. 19. N7 (A), July, 2016. P. 2589 – 2594.

References

1. Dzhon A. Moiseev. «Gosudarstva, vojny, revoljucii i nemeckaja Evangelicheskaja cerkov' v 1914-1918 gg.» // Zhurnal religioznoj istorii 17. №1 (1992): 47-59.

2. Konstitucija Norvegii ot 19.12.2014 g. (Korolevstva Norvegija ot 17 maja 1814 g.). Tekst Konstitucii privoditsja po sborniku «Konstitucii gosudarstv Evropy». V 3-h tomah. T. 1 / Pod obshh. red. Okun'kov L.A. M.: Izdatel'stvo NORMA, 2001 g. 824 s.

3. Tolerantnost' v sovremennom obshhestve: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij // Sbornik nauchnyh statej / pod nauchn. red. M.V. Novikova, N.V. Nizhegorodcevoj. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2011. 357 s. ISBN 978-5-87555-725-5.

4. Chil'kina K.V. Rol' cerkvi v kachestve sub#ekta social'noj politiki Germanii v XIX v. (Formirovanie pravovyh osnov social'nogo gosudarstva) // Vestnik Volzhskogo Universiteta im. V.N. Tatishheva. 2014 g. S. 168 – 177.

5. Chjedvik O. Hristianskaja cerkov' v holodnoj vojne / predisl. i primech. A.V. Shuraljov; per. s angl. A.V. Shuraljov. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 292 s. ISBN978-5-519-51154-4.

6. Shanin V.A. Evropa dlja vseh. M. 2008. 512 s.

7. Shuraljov A.V. Religioznye obshhiny i mezhreligioznye otnoshenija v sovremennoj Zapadnoj Evrope. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 272 s. (monografija) ISBN 978-5-519-60499-4.

8. Philip ip Jenkins, The Great and Holy War, How World War I Changed Religion For Ever (Oxford England: Lion Hudson, 2014). P. 438.

9. Oven Chadwick. The Christian Church in the Cold War. // The Pengvin History Of The Church – (Pengvin Books, ltd, 27 Wrights lane, London W8 5TZ , England 1993). P. 240.

10. Shuralyov A.V. Freedom of Beliefs as an Ideology. INFORMATION / ISSN: 1343-45200. V. 19. N7 (A), July, 2016. P. 2589 – 2594.

Shuralev A.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sechenov First Moscow State Medical University

THE SOCIAL-LEGAL STATUS OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE COUNTRIES OF WESTERN EUROPE

Abstract: in this article the author considers legal bases of institute of church in the modern countries of Western Europe, background of acceptance by the state of those or other laws concerning church, and also as the modern West-European constitutions permit arising collisions connected to the relations of the state and church.

Keywords: church and right, «religion and creed», state church, constitution, denominations and interfaith of the relation, separation of church from the state

Нименская О.С., аспирант,
Российский университет дружбы народов

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ДАОСИЗМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. МАСПЕРО

Аннотация: А. Масперо был одним из первых европейцев, приступивших к серьезному изучению истории даосизма. Опровергнув распространенное мнение западных ученых о том, что Китай – страна без собственной религии, исследователь показал, что такой религией, в первую очередь, следует считать даосизм. Однако даосизм у А. Масперо представляет собой не просто религию, а своеобразную религию философского толка. Именно даосизм, по мнению исследователя, сделал выбор в пользу «личной религиозности», которая осуществляет стремление компенсировать собой официальный культ с его групповыми церемониями. Исследовательский вклад Анри Масперо в изучение даосизма получил серьезную поддержку со стороны мирового философского сообщества, а актуальность его исследований не утратила своего научного значения и в настоящее время.

Ключевые слова: Анри Масперо, синология, французская синология, даосизм, Дао, религия, китайская философия

Анри Масперо является одним из представителей блестящей плеяды исследователей китайской мысли первой половины XX века во Франции, наряду с М. Гране, Э. Шаванном, П. Пеллио. Масперо по праву считается классиком мировой синологии: его произведения широко цитируются в работах по истории, философии и культуре Китая. Большую популярность его работы имеют, в том числе, среди известных российских китаеведов[1].

Представители французской синологии указанного периода в своих исследованиях обращали внимание, прежде всего, на древнюю, «классическую» историю Китая. В первую очередь, это объясняется влиянием более развитой науки, изучавшей греко-римские древности: подобно тому, как одни ученые исследовали древнюю классическую цивилизацию Запада, другие изучали классическую цивилизацию Востока[2]. Эпоха древней классики также стала главным объектом исследований и А. Масперо.

Философия с древних времен пронизывала собой все сферы жизни китайцев, и для французских исследователей было очевидным, что анализ китайской философской традиции ведет к пониманию специфики не только китайской мысли, но и социально-политической жизни Китая в целом.

В русле данного подхода, изучая историю Древнего Китая, особое внимание Масперо уделял исследованию философии, и в первую очередь, философии даосизма. Во время жизни синолога даосизм, и как религиозное, и как философское течение, был малоизвестен и плохо изучен. В это время «Дао цзан», фундаментальное собрание даосских текстов, был недоступен для академического изучения на Западе. Исследования основывались, главным образом, на трактатах «Чжуанцзы» и «Дао дэ цзин». Но даже на этом скудном материале Масперо сумел внести неоценимый вклад в развитие синологии

А. Масперо стал первым китаеведом, который обратил внимание на эзотерическую сторону даосизма, касающуюся методик обретения бессмертия в ходе «внутренней алхимии»[3]. Традиционно алхимия имела разделение на «внешнюю» (*нэй дань*) и «внутреннюю» (*вай дань*). Если «внешняя» была в первую очередь сосредоточена на лабораторной деятельности, то «внутренняя» алхимия имела своим предметом осуществление психосоматических практик, направленных на достижение бессмертия. Нужно отметить, что китайская алхимия является важной составляющей частью не только даосизма, но и китайского естествознания в целом; ее изучение играет важную роль для понимания специфики китайской мысли. А. Масперо выделяет три вида обязательных для «внутренней алхимии» практик: «взращивание жизненного принципа» (*ян син*), «взращивание духа» *(ян шэнь*) и «концентрация на единственном» (*шоу и*). Для «взращивания жизненного приципа», по мнению Масперо, необходимо с помощью определенных диетических требований устранить причины смерти[4]. Главной целью таких практик является сохранение тела неразрушимым и, как следствие, достижение бессмертия.

Даосизм традиционно подразделяют на ранний и поздний. Идеи раннего даосизма главным образом воспроизводятся в классических философских сочинениях эпохи Борющихся Царств. Данный период определяет зарождение и формирование даосизма. Поздний даосизм, в свою очередь, характеризуется развитием уже сформировавшегося даосизма. Подобное разделение объясняется переходом от философской проблематики исследования к религиозной, ставшей актуальной в Китае в средневековый период[5]. А. Масперо первым среди ученых отказался от противопоставления раннего и позднего даосизма, поскольку, по его мнению, целый ряд даосских практики «обретения дао»[6],

считавшиеся поздними в действительности предшествовали философскому даосизму, среди них можно назвать, например: церемонии, связанные с богом земли или с Верховным владыкой, которые представляли собой молитвы, направленные лично этим божествам, чтобы заручиться их покровительством; а также все праздники культа предков. Философский же даосизм в лице Лао-цзы и Чжуан-цзы, по мнению Масперо, скорее стихийно интерпретировал уже сложившиеся представления даосской религиозной практики. Несмотря на то, что исследования Масперо были опубликованы в первой половине XX века, его теории находят отклик и в современной науке[7].

В своей книге «Древний Китай»[8] Масперо опровергнул распространенное мнение западных ученых о том, что Китай – страна без собственной религии, и показал, что такой религией в первую очередь следует считать даосизм[9]. И в данном случае следует сделать важный акцент на том, что для Масперо даосизм – это, прежде всего, религия, а уже после – философское течение со своими особенностями и обоснованиями. Однако, даосизм у Масперо – это не просто религия, а своеобразная религия философского толка. Описывая религиозный кризис Эпохи Борющихся царств, Масперо отмечает, что древние представления о личных богах оказались постепенно отодвинуты на второй план, и их заменило представление о безличных силах, которых приводили в действие правильно выполненные ритуалы. Так, Верховный владыка уступил место Небу, а Повелитель Земли – Земле. И благодаря усилиям древнекитайских философов образовываются два течения, которые, по мнению Масперо, соответствуют общим тенденциям религиозного развития Китая в эту эпоху: конфуцианство и даосизм. И именно даосизм, как отмечает исследователь, сделал выбор в пользу «личной религиозности, осуществляющей стремление компенсировать официальный культ с его групповыми церемониями»[10]. К «религиозным» характеристикам даосизма у Масперо относится, главным образом, жизненный поиск даосом мистического единения с Дао как высшей и всеобъемлющей силой. Благодаря необходимости проведения обрядов и осуществления психофизических практик, даосизм, по мнению Масперо, быстро стал универсальной религией, приводящей к спасению абсолютно всех верующих[11].

В своем исследовании постижения Дао А. Масперо делает акцент на религиозном усилии, которое требовало от адептов соблюдения очень сложных практик – их описание занимает у Масперо особое место. У автора представлены описания таких практик, как алхимические, диетические, психологические, дыхательные, сексуальные и гимнастические[12]. Именно благодаря концентрации, медитации и соблюдению перечисленных практик, даос, по мнению Масперо, вступает в отношения с богами внутри себя, выходя на самый высший этап, на котором дух представлен самому себе и достигается мистическое единение с Дао. Уже древние колдуны, отмечает Масперо, умели общаться с богами, отправлять к ним свою душу. Именно из этой древней традиции даосы научились извлекать душу из тела и отправлять ее сквозь миры, вплоть до неба, в поисках богов и это не могло бы случиться без глубинной трансформации средств и целей колдовства[13]. Отсюда берет начало и предположение о том, что, вероятно, техники экстаза даосов, также как и диетические практики, похожи на те, что есть у колдунов и колдуний. Именно об этом свидетельствует один из даосских терминов, обозначавший экстаз – «вход духа» (*гуй жу*)[14]. Данный термин действительно можно понять только в том случае, если принять точку зрения, что «даосский экстаз» заимствован из шаманского опыта одержимости. Одержимость здесь понимается как «вход духа» у шаманов, и, по-видимому, она сопровождается идеей сексуального единства[15] – возвращаясь к описаниям различных практик Масперо. Подобного понимания действительно нет в даосизме: мистическое единение с безличным Дао неизбежно должно было исключить всякие черты эротизма, кроме того, как отмечает исследователь: «сама идея входа духа неадекватна: Дао не «входит», оно уже находится в нас, как и во всем остальном»[16].

Масперо полагает, что даосов характеризует, прежде всего, стремление свести огромное количество ритуалов, нацеленных на обретение мистических состояний транса, к минимуму[17]. Некоторые из них, как, например, живший в III веке новой эры Си Кан и его последователи, «семь мудрецов» из Бамбуковой рощи, использовали вино в целях достижения экстаза. Другие, по мнению Масперо, предпочитали достигать этого состояния только с помощью медитации, как в школе Чжуан-цзы. Последняя школа приписывала древнему учителю Лао-цзы (по легенде – основателю даосизма) открытие мистической техники, которая состояла в «погружении в транс и обретение экстаза без внешних побудителей»[18]. Однако, для достижения подобного экстаза требовалась долгая подготовительная работа: начинающему адепту для ее прохождения необходимо было девять лет, более подготовленному – всего девять дней[19].

А. Масперо выделяет две степени даосской религиозной жизни. Одни последователи даосизма удовлетворялись участием в коллективных обрядах, с помощью которых смывались их грехи и

уготавливалась счастливая судьба в другом мире – это «даосский народ», *дао минь*; другие, прибавляя к этому участию повседневные практики личной религии и сложные психологические техники, стремились к высокому рангу в иерархии бессмертных: это «даосские адепты», *даоши*[20].

Наконец, благодаря концентрации, медитации и экстазу, даосы получают возможность вступать в отношения с богами внутри себя. Схема заключается в следующем: вначале адепты видят мелких богов, не имеющих большого значения; по мере же углубления видят более значимых богов; когда видят великую триаду, пребывающую в самом центре мозга – бессмертие достигнуто.

Таким образом, результатом вышесказанного выступает нерасторжимое соединение с Дао, и адепты более не испытывают необходимости в теле, для того чтобы быть бессмертными. Они разделяют свойство всемогущества Дао, «они – учителя жизни и смерти – могут изменяться по своему желанию»[21] или изменять мир. Однако, как и Дао, они не имеют собственной воли и практикуют недеяние (*у вэй*). Адепты позволяют миру следовать своему «пути», своему Дао – это для них является лучшей возможностью, когда нет никаких препятствий. Происходит отказ от любого индивидуального бессмертия и полное погружение в Дао.

А. Масперо был первым ученым, который отказался от противопоставления раннего и позднего даосизма и указал на то, что, с одной стороны, религиозная практика, традиционно считавшаяся позднедаосской, в действительности предшествовала философии Лао-цзы и Чжуан-цзы, осмыслявших ее и философски интерпретировавших стихийно сложившиеся представления, а с другой – что все памятники «философского» даосизма пронизаны указаниями на существование даосской религиозной практики и методов «обретения Дао»[22].

Российский синолог Е.А. Торчинов описывает даосизм Масперо как религию личностную, отличную от «общинных» форм религии, которые ничего не говорят о спасении (конфуцианство, например). Школа Лао-цзы, согласно взглядам Масперо, не является «исходным» даосизмом и единственным представителем раннего даосизма как такового. Данная школа представляет собой лишь течение или направление в общем потоке становящейся даосской традиции, школой с философской тенденцией[23].

Вклад Масперо в исследования даосизма также ознаменовался тем, что автор указал на образы «Чжуан-цзы», которые обычно считаются просто аллегориями, – в понимании Масперо они являются весьма значимыми для понимания философии этого мыслителя[24].

По мнению Е.А. Торчинова, несмотря на весьма значительные достоинства исследования А. Масперо, которое не утратило своего научного значения и в настоящее время, следует все же заметить, что иногда последний «в пылу полемики подменяет вопрос о преемственности вопросом о тождестве раннего и позднего даосизма»[25]. Это, по мнению Торчинова, не правомерно прежде всего потому, что древнейшие практики и концепции претерпели серьезные изменения. И в этом смысле поздний даосизм отличен от «протодаосизма». К тому же, «Чжуан-цзы» был включен в Дао цзан как «Наньхуа чжэнь цзин» лишь к концу VI в., то есть его каноничность была определена достаточно поздно[26]. Видимо книга «Чжуан-цзы» долгое время не включалась в канон из-за представленных в ней «искусственных» попыток продлить жизнь. Однако здесь речь шла не сколько о методах, сколько об установке адепта[27].

Несмотря на некоторые расхождения во мнениях и несогласия, «труды А. Масперо оказываются основополагающими для современной даологии»[28] и имеют большой вес в философских кругах. Представители преподавательского и студенческого составов Коллеж-де-Франс, где в свое время Анри Масперо занимал должность профессора кафедры, по сей день пишут работы, посвященные исследованиям Масперо. В российской даологии он также занял особое место: работы А. Масперо были чуть ли не единственным (помимо М. Гране) доступным источником изучения российскими синологами западного востоковедения в конце второй половины XX века. Связано это было с тем, что труды французских синологов не были переведены на русский язык, а отечественные исследователи в большинстве своем не знали французского языка. А. Масперо называли «одним из самых великих знатоков Китая настоящего времени»[29]. Исследовательский вклад Анри Масперо в изучение даосизма получил серьезную поддержку со стороны мирового философского сообщества. Несмотря на то, что его жизнь трагически оборвалась, и он не успел сделать многого из задуманного, он на многие годы определил развитие мировой даологии.

[1] См., например: Торчинов Е.А. Даосизм. СПб., 1993; Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. М., 2006. С. 44-55; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976 и др.

[2] Дубасова З.С. Китаеведение во Франции. Организация. Персоналии. Библиография. М., 1979. С. 8.

[3] См.: Maspero H. Le Taoisme. Paris, 1971. P. 25. 48. 54. 128.
[4] Масперо А. Религии Китая. СПб., 2004. С. 80.
[5] Данной точки зрения придерживаются: Крил Г.Х., Стрикмен М., Сивин Н., Эйити Кимура, Торчинов Е.А.; не согласны с данной точкой зрения: Скиппер К.М., Райт А.Ф.
[6] См., например: Maspero H. Le Taoisme. Paris, 1971. С. 36, 52, 141.
[7] Торчинов Е.А. Даосизм. СПб., 1993. С. 41: «В принципе труды А. Масперо являются основополагающими для современной даологии».
[8] См.: Maspero H. La Chine antique. Paris, 1965.
[9] Петрова Е.А. А. Масперо//Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 216.
[10] Масперо А. Религии Китая. СПб., 2004. С. 57 – 58.
[11] Там же. С. 72.
[12] Maspero H. Le Taoisme. Paris, 1971. P. 54 – 72.
[13] Масперо А. Религии Китая. СПб., 2004. С. 67.
[14] См.: Там же. С. 67.
[15] Там же. С. 68.
[16] Масперо А. Религии Китая. СПб., 2004. С. 68.
[17] Масперо А. La Chine antique. Paris, 1927. P. 70 – 75.
[18] Масперо А. Религии Китая. СПб., 2004. С. 68.
[19] В данном случае речь идет о числе «9», так как именно оно играет важную роль в китайской нумерологии: среди древнекитайских мыслителей общепринятым было нумерологическое представление о разделенности Поднебесной на девять областей (цзю чжоу), а в классификации китайской науки говорится: «Круглое исходит из квадратного, квадратное – из прямоугольного, прямоугольно – из «девятью девять – восемьдесят один» / таблицы умножения» (Кобзев А.И. Специфика традиционной китайской науки // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т . Под ред. М.Л. Титаренко. Т. 5. М., 2006. С. 18-21).
[20] Масперо А. Религии Китая. Спб, 2004. С. 72 – 73.
[21] Там же. С. 82.
[22] Торчинов Е.А. Даосизм. Спб., 1993. С. 40.
[23] См.: Maspero H. Le Taoisme. Paris, 1971. P. 47 – 69.
[24] См.: Там же. С. 201-218.
[25] Торчинов Е.А. Даосизм. Спб., 1993. С. 40 – 41.
[26] Lai W. Toward a Periodization of the Taoist Religion. History of Religion. Chicago, 1976.V. 16. P. 83 – 92.
[27] Там же. С. 77.
[28] Там же. С. 41.
[29] См.: Demiéville P. Заметка о жизни и творчестве А. Масперо. Journal Asiatique (1943-1945). P. 245 – 280.

Литература

1. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. 1976.
2. Дубасова З.С. Китаеведение во Франции. Организация. Персоналии. Библиография. М., 1979.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М., 2006.
4. Лисевич И.С. Литературная мысль Китая. М., 1979. Гл. 7.
5. Масперо А. Религии Китая. СПб., 2004.
6. Петрова Е.А. А. Масперо//Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
7. Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. М., 2006.
8. Торчинов Е.А. Даосизм. Спб., 1993.
9. Чжуан-цзы. URL: http://lib.ru/POECHIN/ch_tzh.txt.
10. Шено Ж. Очерк истории Вьетнамского народа: пер. с франц. М., 1957.
11. Demiéville P. Заметка о жизни и творчестве А. Масперо. Journal Asiatique (1943-1945).
12. Lai W. Toward a Periodization of the Taoist Religion. History of Religion. Chicago, 1976. V. 16.
13. Maspero H. La Chine antique. Paris, 1965.
14. Maspero H. Le Taoisme. Paris, 1971.

References

1. Vasil'ev L.S. Problemy genezisa kitajskoj civilizacii. 1976.
2. Dubasova Z.S. Kitaevedenie vo Francii. Organizacija. Personalii. Bibliografija. M., 1979.
3. Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. T. 1. Filosofija / red. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Luk'janov. M., 2006.
4. Lisevich I.S. Literaturnaja mysl' Kitaja. M., 1979. Gl. 7.
5. Maspero A. Religii Kitaja. SPb., 2004.

6. Petrova E.A. A. Maspero//Kitajskaja filosofija. Jenciklopedicheskij slovar'. M., 1994.
7. Said Je.V. Orientalizm: Zapadnye koncepcii Vostoka. M., 2006.
8. Torchinov E.A. Daosizm. Spb., 1993.
9. Chzhuan-czy. URL: http://lib.ru/POECHIN/ch_tzh.txt.
10. Sheno Zh. Ocherk istorii V'etnamskogo naroda: per. s franc. M., 1957.
11. Demiéville P. Zametka o zhizni i tvorchestve A. Maspero. Journal Asiatique (1943-1945).
12. Lai W. Toward a Periodization of the Taoist Religion. History of Religion. Chicago, 1976. V. 16.
13. Maspero N. La Chine antique. Paris, 1965.
14. Maspero N. Le Taoisme. Paris, 1971.

Nimenskaya O.S., Postgraduate,
Peoples' Friendship University of Russia

RELIGIOUS ASPECT OF TAOISM IN THE A. MASPERO'S INTERPRETATION

Abstract: A. Maspero was one of the first Europeans, who started serious study of the history of Taoism. Refuting the common opinion of Western scholars that China is a country without its own religion, the researcher showed that in the first place Taoism should be considered to be such a religion. However, Taoism by A. Maspero is not just a religion but a kind of religion with philosophical persuasion. That is Taoism, according to the researcher, made a choice in favor of "personal religiosity", which carries out the desire to compensate for an official cult, with its group ceremonies. Research contribution of Anri Maspero in the study of Taoism received strong support from the international philosophical community, and the relevance of his research has not lost its scientific value at the present time.

Keywords: Anri Maspero, sinology, French sinology, taoism, Tao, religion, Chinese philosophy

Стригин М.Б., кандидат физико-математических наук,
Южно-Уральский государственный университет

АНАЛИТИЧЕСКИЙ И СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРОИЗВОЛЬНЫХ СИСТЕМ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация: в статье выдвинута гипотеза о том, что эволюцию произвольной системы можно описать, взяв за основу модель нелинейного осциллятора. Сделано предположение об универсальности основных черт онтологии всевозможных систем как живой, так и неживой природы, ментальных концептов независимо от их иерархии. Эта модель позволяет по новому взглянуть на онтологическую применимость законов диалектики. Показано, что в те моменты, когда мы в состоянии наблюдать определённый порядок в рассматриваемой системе, она находится под воздействием только двух сил. В противном случае система попадает в зону нестабильности, где не поддаётся описанию. Момент выхода системы из зоны неустойчивости сопровождается сингулярным рождением новой структуры, которая продолжает эволюционировать под воздействием двух сил, подобно осциллятору. Сингулярные переходы системы, а также подсистем и надсистем обеспечивают фрактальность глобальной структуры. Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что модель фрактала применима для описания бытия.

Ключевые слова: онтология, система, порядок, фрактал, осциллятор, аналитичность, сингулярность, диалектика, хаос

Классическое представление о природных процессах, как о процессах аналитических, имеющих «гладкий вид», т. е. подчиняющихся строгой причинно-следственной связи, начало разрушаться из математики, когда в XIX веке впервые были построены непрерывные, но недифференцируемые функции. «Дюбуа-Реймон впервые сообщил миру о непрерывной недифференцируемой функции, построенной Веерштрасом» [9, с. 17]. Фрактальность природы, казавшаяся в прошлом патологией, как выяснилось, является нормой. «Учёные мужи будут удивлены и обрадованы, обнаружив, что множества, считавшиеся ранее исключительными, становятся в некотором смысле правилом» [9, с. 19].

В данной работе рассматривается гипотеза о том, что само бытие является фрактальной структурой. Фрактальность имеют не только природные объекты, но и семантические концепты. Ментальные означенные концепты, как репрезентация действительности несут на себе её отпечаток. «Гегелевская философия природы утверждает существование иерархии, в которой каждый уровень предполагает предшествующий» [12, с. 87]. Основное дополнение нашей формулировки состоит в том, что переход от уровня к уровню происходит не непрерывно, а сингулярно. Фракталу можно дать такое определение: это такая структура, которая недифференцируема (не имеет касательной в каждой своей точке), и повторяющая свою структуру при изменении масштаба (снежинка, система кровеносных сосудов, математика, художественные произведения написанные по методу Рэнди Ингермансонома). «Описываемые здесь фигуры стремятся к масштабной инвариантности, т.е. степень их неправильности и/или фрагментации неизменна во всех масштабах» [9, с. 13]. Попробуем теперь проанализировать каким образом происходит эволюция бытия, формирующая его фрактальную структуру.

Наиболее распространенное определение эволюции связано с тремя законами диалектики, сформулированными Ф. Энгельсом: «… Законы диалектики были извлечены из истории природы и человеческого общества. Но они не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По существу они сводятся к следующим трем законам: закон перехода количества в качество, и обратно; закон взаимного проникновения противоположностей; закон отрицания отрицания. Все эти три закона были развиты Гегелем на его идеалистический манер как простые законы мышления» [14, с. 123]. Философская традиция рассматривала эти «законы» как самостоятельные, хотя, как будет показано ниже, они являются разными временными этапами единого онтологического принципа. И что самое главное, то что закону перехода количества в качество не уделялось должного внимания, а как будет показано выше, именно он, формирует фрактальную структуру.

Предпосылкой нашего исследования является мысль А. Бергсона о том, что если убрать из любой философской концепции все аналитические суждения, то в центре останется простая метафора. «Речь идёт о простом образе, который нужно иметь перед глазами, ибо он, не являясь, правда, исходной интуицией учения, всё же непосредственно вытекает из неё и более близок к ней, чем отдельно взятое положение или их совокупность» [3, с. 173]. Конечно же, это не отменяет теоретические построения, поскольку именно в них прояв-

ляется когнитивный аспект метафоры, ее философское содержание. Центральной метафорой нашей гипотезы является то, что эволюция, описывающая историю развития любой системы, является эволюция нелинейного осциллятора. В самом общем виде осциллятор – это физическая система, совершающая колебания около положения устойчивого равновесия (маятник, электрон, вращающийся вокруг ядра и т.д.). Такое движение определяется двумя основными силами, обеспечивающими стабильное движение. Вторая сила – сила инерции, с одной стороны, фиктивна, с другой стороны, именно она обеспечивает упорядочивание в развитии системы. Нелинейный осциллятор имеет более сложную траекторию, поскольку на его движение оказывают влияние незначительные в первом приближении силы, факторы. Какую-то часть времени он ведёт себя подобно обычному осциллятору, но затем теряет устойчивость и через некоторое время скачком выходит на новую орбиту.

Многие учёные (И. Кант, Ж. Адамар, А. Бергсон, В. Налимов) пытались вскрыть суть творческой эволюции и постигнуть природу озарения. Данная работа показывает, что озарение, как обнаружение нового смыслового упорядочивания, как переход на новую семантическую орбиту, с одной стороны – это рядовой природный феномен (феномены, ведущие себя подобно нелинейному осциллятору, протекают одновременно на разных уровнях бытия), с другой стороны, данная модель не позволяет внести в него элемент каузальности, он остаётся связанным с областью трансцендентного, поскольку и процесс выхода на новую орбиту нелинейного осциллятора также не каузален.

Любая произвольно выбранная система имеет свою историю развития (эволюцию). Согласно нашей концепции, она представляет собой чередование трёх этапов: аналитического, хаотического и синтетического. Первый этап аналитический – это волнообразное, упорядоченное движение, подобное колебаниям линейного осциллятора. Мы исходим из того, что в широком смысле понятие аналитичности в лингвистике синонимично понятию аналитичности в математике (последовательность мыслей подчиняется определенной логике, имея дискурсивный вид). Под «системой» в статье понимается упорядоченный набор элементов, их целостная структура. Под «порядком» подразумевается инвариантность некоторых параметров, описывающих систему в течение определённого времени. Такую систему можно считать квазизакрытой, хотя абсолютно закрытых систем не существует. Закрытость системы определяется степенью влияния внешнего мира, которое осуществляется через внешние силы напрямую или посредством некоторых факторов. На этом этапе определяющим принципом является закон «взаимопроникновения» противоположностей. Любые природные, социальные или ментальные процессы имманентно разворачиваются волновым образом, когда существенны только две силы, влияющие на историю развития системы. Как будет показано ниже, в противном случае система не будет иметь устойчивой траектории и соответственно, человек не сможет её наблюдать.

Следует заметить, что структуры или системы наблюдаемы только тогда, когда они имеют некую инвариантность определяющих параметров во времени или пространстве, некую симметрию и только при наличии этого условия человек обращает на них внимание. Как говорил Сократ: общее может быть обнаружено лишь умом. *Способность человека к индукции является эксплицитным продолжением природной симметрии, возможности сдвига в пространстве или во времени и обнаружения подобия.* Воспользовавшись индукцией можно обнаружить волнообразное движение повсеместно. (Магнитное и электрическое поля определяют электромагнитные процессы; гравитация и инерция определяют движение маятника; активность и пассивность определяют существование жизненных процессов; мутации и естественный отбор определяют процессы филогенеза; противоборство частного, партикулярного и общего определяют политические процессы; умение защищаться и трансформироваться определяет выживаемость научной парадигмы, борьба духовного и телесного определяет драматургическую линию художественного произведения и т.д.). Как известно, из физики, такое спинорное движение (вращение волчка) характеризуется устойчивостью. Функции, которыми аппроксимируется данный процесс, имеют аналитичный, гладкий, структурированный вид.

Если сил, формирующих процесс развития, было бы больше чем две, то в таком движении отсутствовала стабильность, а значит и аналитичность. «Точное аналитическое решение задачи о движении хотя бы трёх притягивающихся материальных точек при общих начальных условиях не только не найдено, но и в некотором смысле невозможно» [2. с. 57]. Поэтому в период времени, в течение которого наблюдается определённый структурный порядок, на систему воздействуют только две силы, при появлении третьей силы (второй силы, помимо силы инерции), он нарушается. Характерным примером являются эксперименты с интерференцией электронов: когда экспериментатор пытается зафиксировать траекторию электрона и соответственно вносит возмущение в его движе-

ние, появляется третья сила и интерференционная картина пропадает. Или, если допустить, что в солнечной системе было бы два соразмерных солнца и соответственно на землю действовали три силы: две тяготения и одна инерции, то траектория земли была бы нестабильна, следовательно, в подобной системе не смогла бы зародиться жизнь, поскольку одним из главных атрибутов жизни является порядок. «Одним из частных случаев задачи трёх тел является движение Луны, испытывающей притяжение как со стороны Земли, так и со стороны Солнца. Были предприняты бесчисленные попытки свести эту систему к интегрируемой, но, в конце концов, Брунс и Пуанкаре доказали, что это невозможно» [12, с. 73]. Конечно, в действительности, всегда есть третья, четвёртая и т.д. силы, но ими можно пренебречь при определении основных характеристик эволюции системы. В рассматриваемом нами примере с орбитальным движением земли для первоначального рассмотрения цикличности траектории движения можно пренебречь влиянием соседних планет.

Ещё один пример из области социальных отношений – эволюция семейной жизни, которая также проявляет себя волновым образом «от любви до ненависти». Эти противоположные чувства, подпитывая друг друга, образуют устойчивое, спинорное состояние. «Мужчина и женщина являются, с одной стороны, половинками друг друга и, с другой – полными противоположностями. Различие притягивает их друг к другу» [11, с. 191]. Однако в определённый момент может появиться третья сила, в виде стороннего человека, образовав, так называемый любовный треугольник. Через какое-то время, такая система попадёт в состояние неопределённости и неустойчивости, в результате чего, произойдёт синтез и появится новое устойчивое состояние, которое заранее спрогнозировать невозможно.

Две основные силы, формирующие волновой вид эволюции системы, характеризует динамику её развития (изменение скорости), что, в свою очередь, определяет его каузальность в цепочке событий вдоль траектории движения системы. Однако в каждый момент скрыто действуют и другие силы, определяющие последующие производные для данного процесса, которые, как правило, упускаются из вида при первом приближении. Но в определённый момент эти скрытые силы начинают проявлять себя и существенно влиять на развитие исходного процесса. Метафорой этого является сложение сотых долей, изменяющее в конечном счёте десятичный регистр. В этот переходный момент система попадает в область нелинейности, аналитичность нарушается, семантические концепты утрачивают объяснительную силу, картина мира становится неопределенной. Это состояние иллюстрирует диалектический закон отрицания отрицания: происходит отрицание порядка системы и она попадает во второй, хаотический этап.

Дальнейшее существование системы, точнее говоря, её частей, неоднозначно, система может распасться окончательно. Параметры, при помощи которых описывалась система, больше недействительны. Точнее говоря, параметров становится слишком много, что приводит к невозможности наблюдения системы. «Во многих случаях довольно трудно провести чёткую границу между такими понятиями, как «хаос» и «порядок»» [12, с. 148]. В этот момент, в истории эволюции системы, так же как в эволюции нелинейного осциллятора, появляется точка бифуркации, открывающая возможность для альтернативных направлений развития. В такой момент осциллятор может сингулярно перескочить на новую устойчивую траекторию, и в этот момент эволюционный путь системы принимает ступенчатый вид. «Этот вид потери устойчивости называется “жёсткой” потерей устойчивости. При этом система уходит со стационарного режима скачком и перескакивает на иной режим движения» [1. с. 23]. Точка бифуркации напоминает состояние, когда маленький шарик находится в верхней точке большого шара при нулевой скорости, когда он может скатиться в любом направлении. В онтологическом плане это тот момент, который М. Хайдеггер определил как экзистенциальный ужас (сингулярность), когда человек всей своей сущностью ощущает ничто, в отличие от периода, когда человек чувствует устойчивость своего существования (волновой процесс). «Удерживаться в ничто, опираясь на скрытый экзистенциальный страх, суть выход за пределы сущего в целом, трансценденция» [15,с. 19].

Таким образом, третий этап истории развития системы – синтетический, начинается со второго отрицания из закона «отрицания отрицания», рождается метафора, и дальнейшая эволюция определяется первой половиной закона «о переходе количества в качество и обратно». В классическом понимании метафора расширяет область значений системы, синтезируя новые смыслы. «Метафора не столько объясняет, сколько обеспечивает понимание» [13, с. 314]. В нашем понимании метафора – это синоним синтеза, происходящего в любых процессах живой и неживой природы, как естественного, так и ментального характера. В точке бифуркации в момент неопределённости система ведёт себя хаотично, однако, в этот момент появляется новый порядок за счет рождения систематизирующей метафоры, которая определяет сингулярный переход системы в новую точку разви-

тия. Происходит синтез. «Чтобы родить танцующую звезду, надо иметь в себе хаос» [15, с. 55]. В этот момент каузальность нарушается. «Переход от ламинарного течения к турбулентности является процессом самоорганизации» [12, с. 128]. После перехода в новое положение система изменяет свое энергетическое состояние и на новом уровне организации обретает аналитичность и развивается далее волновым образом (этот период определяется второй половиной закона о переходе количества в качество и обратно).

Если в аналитический период истории развития системы ее волновое движение происходит по касательной к структуре бытия, то в синтетический период направление движения меняет вектор. Он становится перпендикулярным границе между бытием и ничто и развивается сингулярно. Теперь движение направлено в сторону трансцендентного. Вновь обращаясь к концепции М. Хайдеггера, можно используя метафору «пловца», сказать, что человек сначала плывет по волнам поверхности бытия, думая лишь о том, как удержаться на плаву, чтобы не утонуть. Ему просто некогда поднять голову. Но вдруг в его жизни наступает определённый значимый момент – точка бифуркации, и тогда человек смотрит вверх, захваченный удивлением или экзистенциальным ужасом перед трансцендентным. «Метафизика – это вопрошание, обращённое за пределы сущего, чтобы сделать его доступным умозрению как таковое и во всей полноте» [15, с. 19].

Известен многовековой спор между последователями Демокрита и Платона, между приверженцами редукционизма и холизма, о том, что лежит в основе мира часть или целое. Но в рамках вышеописанной концепции невозможно сравнивать эти две категории, поскольку они разнесены во времени: *целое наблюдается во время аналитического периода, когда оно структурировано двумя центральными силами, на следующем этапе, когда система попадает в период нестабильности, наблюдаются его части, взаимодействие которых приводит к синтезу нового целого.* Возвращаясь к эксперименту с электронами, можно интерпретировать его следующим образом: когда электроны существуют как целое, наблюдается интерференционная картинка, когда же внесено внешнее возмущение, электроны начинают существовать «сами по себе» и наблюдается поток отдельных частей – корпускул. В связи с этим спор относительно причинности и спонтанности процессов также теряет смысл, поскольку причинность и спонтанность являются состояниями системы в разные периоды её существования. *Очевидно, что первая определяет систему в период аналитический, а вторая в период синтетический.* А между ними существует период неопределённости.

Рассмотрим еще один пример из области эпистемологии, где в качестве системы рассмотрим научную парадигму. Рождение метафоры в эволюции данной системы является основой для появления новых структурирующих аксиом, с которых начинается рост любой теории. «Математика обязана своей творческой силой производительности выбора первоначальных предположений и определений, которые затем корректируются с помощью сравнения выводов из них со строением наблюдаемого мира» [10, с. 52]. В этих нескольких строчках Юрий Манин, описывая отношение Анри Пуанкаре к построению математических рассуждений, по сути, описал поведение нелинейного осциллятора, когда он выходит на новую устойчивую траекторию. Научная парадигма, рождаясь в виде метафоры, определяет ряд новых аксиом и свод новых правил, внутри которых она эволюционирует, которые формируют ряд эмпирических исследований для последующих поколений учёных. Впоследствии у теории помимо соратников будут и оппоненты, которые обеспечат дальнейшее волновое поведение системы эволюционирующей парадигмы. «Именно наведением порядка занято большинство учёных в ходе их научной деятельности. Вот это и составляет то, что я называю здесь нормальной наукой» и «Учёные в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими» [7,. 51]. *Соглашаясь, в общем и целом с этими утверждениями Т. Куна, следует отметить, что поскольку научная парадигма, как семантический концепт, имеет фрактальную структуру, то, то что в ней имеет аналитический (волновой) вид на одном уровне, в более мелком масштабе, будет представлять собой чередование сингулярных переходов и более мелких аналитических этапов. Это означает, что учёный определивший парадигму находится на другом фрактальном уровне семантики, чем учёные работающие в русле нормальной науки. Учёный определивший парадигму увидел научную концепцию как систему, как нечто целое.*

Теперь попытаемся ответить на вопрос, откуда берётся фрактальная структура. Бытие в целом соответствует двум основным определениям фрактала. Недифференцируемость означает, что в каждой точке бытия наблюдается сингулярность, ступенчатый переход. Действительно, даже если система находится в аналитическом периоде, то подсистема, в более мелком масштабе будет, в свою очередь, состоять из переходов от аналитического периода к синтетическому. На примере научной парадигмы можно увидеть, что она охва-

тывает множество научных групп и лабораторий и отдельных исследователей. Каждый, «наводя порядок» синтезирует её отдельные подструктуры. В свою очередь, в лаборатории, каждый отдельный исследователь работает внутри подструктуры, определяемой данной научной группой. Дальнейшая фрагментация приводит к наблюдению отдельных периодов работы конкретных учёных. В момент синтеза происходит либо модернизация предыдущей части научного концепта, либо рождение новой идеи, что характеризуется переходом на следующий уровень фрактала, сменой масштаба.

Второй признак – наличие масштабной инвариантности, обеспечивается тем, что подсистема, как и система должны существовать подобно нелинейному осциллятору. Действительно, любая подсистема, меньшего масштаба, чем сама система, должна себя вести подобно ей, в противном случае, как мы выяснили выше, она будет не наблюдаема. Это касается не только уменьшения масштабов пространства, но и преобразований времени. Поясним это на примере развития человека. Рождение человека является одним из моментов волнового процесса в эволюции филогенеза, одним из элементов борьбы жизненной силы (мутаций) и естественного отбора. Этот процесс должен закончится, согласно Ницше, рождением сверхметафоры (появлением сверхчеловека). Если речь идет о развитии индивидуума в масштабе онтогенеза, то рождение, является сингулярностью, метафорой, порождающей жизненную волну, гармоничность которой в дальнейшем неоднократно нарушается и человек попадает в зону бифуркации. Каждый человек чувствовал экзистенциальный ужас, как минимум несколько раз на протяжении жизни, когда после состояния фрустрации происходил синтез и индивидуум обновлялся, определяя новые цели. Если ещё более уменьшить масштаб, например, до одного дня, который проживает индивидуум, то можно заметить, что с утра, формулируя задачу на день, человек волновым образом решает её, колеблясь между инициативой и инертностью. Очень часто в таких случаях возникает состояние растерянности, вслед за которым, синтезируется скорректированная задача. Конечно, это состояние не сравнить с экзистенциальным ужасом, но, тем не менее в этих состояниях много общего. Вследствие разных масштабов существования систем на разных уровнях фрактала бытия, человеку сложно объединить их и увидеть идентичность всех процессов и процесса эволюции нелинейного осциллятора.

Попробуем представить, каким образом растёт фрактал в структуре бытия. *При рассмотрении эволюции научной теории, упоминалось, что система в процессе синтеза может остаться в прежней размерности фрактала, а может выйти на новый масштаб. Наличие или отсутствие такого перехода определяется уровнем воздействия третьей силы (в гносеологическом контексте при сохранении семантического масштаба обновление парадигмы не изменяет аксиоматику, при изменении масштаба меняются аксиомы)*. Но, даже при смене масштаба, структура сохраняет память о предыдущих состояниях.

Рассмотрим это на примере образования молекулы из двух атомов А и В. В результате такого объединения электрон, принадлежащий раньше одному атому, становится собственностью двух атомов, в результате чего его состояние есть синтез из объединения собственных состояний электрона, т.е. состояний гармонического осциллятора, если бы он принадлежал только одному или только другому атому. Известно, что электрон, находясь в составе атома А, может располагаться на определённых его орбитах, являющихся собственными значениями некоторой волновой функции. Далее, мы индуктивно расширим понятие собственного значения на все области бытия. Собственное значение волновой функции можно показать на примере стоячей звуковой волны внутри некоторого замкнутого объёма или ограниченной длины, например, бутылки, тромбона, струны и т. д.. Такая волна укладывается целое число раз на длине между стенками ёмкости. Аналогично для электрона таким замкнутым «объёмом» является потенциальная яма, внутри которой он колеблется, подобно гармоническому осциллятору и где его волновая функция укладывается целое число раз. В период нахождения на определённой орбите состояние электрона определяется только двумя силами (электромагнитным притяжением и инерцией) и его поведение описывается, как состояние осциллятора. Но при приближении соседнего атома В, появится третья сила, которая нарушает гармоничность движения электрона. Тогда он попадает в зону нелинейности, неопределённости, после чего происходит синтез молекулы и электрон начинает принадлежать обоим атомам сразу. Синтезируется новое состояние электрона, состоящее из смешения собственных значений обоих атомов плюс некая поправка. То есть после образования молекулы, собственное значение электрона С будет представлять собой смешение двух собственных значений А – первого атома и В – второго атома и наложения некой дополнительной части, $C = x*A + y*B + D$. В таком смешении будут проявляться качества собственного значения А в первом атоме – x и качества собственного значения В во втором атоме – y, но и благодаря добавке D проявятся и новые качества, которых не было ни в первом, ни во втором атомах. То есть важным мо-

ментом является тот факт, что новое синтезированное собственное состояние не является просто суммой двух состояний предыдущего. Появляется сдвиг, «ступенька», характерная для фрактала. Рождается новое собственное значение, более сложной объединённой системы. Следующим изменением масштаба может явиться образование полимерных молекул. «Взаимодействие с внешним миром, её погружение в неравновесные условия может стать исходным пунктом в формировании новых динамических состояний – диссипативных структур. Диссипативная структура отвечает некоторой форме супермолекулярной организации» [13, с. 55].

Теперь попробуем экстраполировать нашу гипотезу на любые возможные структуры. *Собственное значение системы – это такое значение, при котором она, ограниченная определёнными рамками, находится в минимально-выгодном, устойчивом, упорядоченном, волновом состоянии достаточно долго, соотносимо с человеческим восприятием времени. (Собственное значение такой системы как семья, определяется объёмом семейных ценностей ограничивающих семейное поле, собственное значение такой системы как научная парадигма, определяется семантическим объёмом, ограниченным набором аксиом и научных правил и т.д.).*

Обратимся к лингвистике и проследим рождение «лингвистической молекулы» на примере эволюции глотогенеза. Несложно обнаружить, что в основе эмоционального прототипического языка, лежат односложные слова типа мать, тьма, ужас, жуть, мрак и т. д. «стадия “гуления” создала слоги, используемые для установления эмоционального контакта» [5. с. 335]. Можно предположить, что эти слова были первоначально синтезированы из «собственных звуковых значений» лепета, который был начальным периодом глотогенеза, в период перехода от устойчивых нечленораздельных природных звуков к речи, т.е. в период перехода от фонем к морфемам и простейшей лексике. На этом этапе звуковое противопоставление внутри слога, как системы, как нелинейного осциллятора, длительный срок существовало волновым образом, пока не произошёл синтез морфемы. «Внутри слога существует три вида асимметрии: между ядром и периферией (последняя включает инициаль и коду); между инициалью (как более привилегированной составляющей слога) и кодой; между слогом в целом и его составляющими» [5, с. 345]. Асимметрия порождает градиент, который, в свою очередь, приводит к волновому движению. Этот период заканчивается изменением масштаба фрактала бытия – означиванием морфем. Значение морфемы – это непросто сумма значений звуков, происходит очередной сдвиг, формируется семантическая «ступенька». Образование слова также приводит к интересному и длительному волновому процессу – значение слова осциллирует между прототипом слова и его употреблением, его значением.

При следующем изменении масштаба фрактала происходит синтез двухсложных слов и синтез словосочетаний. Появляются предикаты слов, в результате чего синтезируется смысл частично из смысла слова, частично из смысла предиката, появляется также и синтезированная добавка. Например, значение метафоры «пустыня неба», где предикат «пустыня» расширяет понятие «небо», сложно объяснить словами, хотя его можно почувствовать. Это словосочетание берёт что-то от неба, что-то от пустыни, но несёт и третий синтезированный смысл. На этом этапе в слове обнаруживается тонкая структура, подобно тонкой структуре атомных уровней, когда основные собственные состояния электронов в атоме расщепляются, вследствие взаимодействия электронов друг с другом, не учитывающихся в первом приближении. Подобно этому «собственное значение» слова – устойчивое, семантическое состояние расщепляется в зависимости от контекста. Благодаря этому качеству расширяется информативность слова и проявляется его многозначность. Одновременно, наличие устойчивых собственных значений определяет сложность изучения языков во взрослом возрасте. Видимо, нейронная сеть также представляет собой фрактальную структуру, которая репрезентует языковую структуру, и её формирование происходит в раннем возрасте. «Предположение о фрактальной природе нейронов пока остаётся лишь предположением» [9, с. 233]. В рамках представления о собственных значениях объясняется запоминание в детстве клишированных фраз и их дальнейшее употребление. Подобные фразы являются примерами устойчивых систем.

Кроме того, в квантовой физике может наблюдаться вырождение основных уровней, когда вследствие наличия определённой симметрии собственному значению соответствует два и более состояния. *Симметрия является одним из самых важных упорядочивающих факторов, формирующих систему*. В языке наблюдается подобный эффект, когда одному слову соответствует несколько значений, как в случае с омонимами. Получается, что несколько ветвей фрактала «слипаются», искажая его структуру. Семантические метафоры, подобно омонимам, сопрягают различные категории (ветви фрактала), приводя к вырождению собственных значений. Уже на самом раннем этапе, когда метафоры в их классическом понимании, на

стадии появления предикатов, расширяют семантику слов, происходит их превращение из смысловой точки в смысловой диапазон, как в случае с метафорой «пустыня неба». «Синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нём и не мог бы быть извлечён из него никаким расчленением» [6, с. 48]. Благодаря такому фрактальному росту, растут и пересекаются категории языка. Однако из-за такого сопряжения возникает парадоксальная ситуация – истинность научных концептов может нарушаться, поскольку суждения, идущие по разным «ветвям» семантического фрактала, проходя, через «точку слипания» приводят к одному результату. Таким образом, теорема Патнема естественным образом следует из фрактальной структуры семантики. «Если такие изменения референции с сохранением истинности не исключены, программа объективистской семантики – использование теории моделей как теории значения – являются внутренне противоречивой» [8, с. 310].

Следующий синтез происходит вместе с появлением глаголов (обеспечившим описание времени) и простых предложений. И, наконец, появляется возможность синтеза рекурсивных предложений, что порождает логику. «Для того чтобы пользоваться операцией слияния, необходима способность к рекурсии – и именно она признаётся основой человеческой языковой способности» [5, с. 317] и «Знание языка равнозначно владению рекурсивной порождающей процедурой» [16, с. 15]. И при каждом синтезе, пользуясь метафорой «молекулы», появляется добавка D, осуществляющая фрактальный сдвиг.

Описанные нами онтологические характеристики систем позволяют прояснить ещё один существенный этап филогенеза человека. В эволюционной теории Ч. Дарвина есть множество противоречивых моментов, которые не удаётся объяснить в рамках этой теории. Например, устройство человеческого глаза характеризует его, с одной стороны, как упорядоченную систему, но с другой стороны, он продукт мутаций, то есть результат действия случайностей. Теперь вообразим, что, например, в хрусталике глаза произошло генетическое изменение. При отсутствии изменений в остальных частях глаза, особь просто теряет зрение, что, естественно, уменьшает шансы на выживание. Но если предположить, что взаимосогласованное изменение происходит во всём геноме сразу, то шансы на выживание увеличиваются. «Придётся прибегнуть к доброму гению: на этот раз для того, чтобы добиться совпадения для всех одновременных совпадений» [4, с. 57]. Подобные сложности видятся и в генезисе языка. Для осуществления вербальной коммуникации появления индивидуального сознания недостаточно, необходимы системные изменения. «Не означает ли это, что причиной возникновения человеческого языка послужила одна-единственная макромутация, сформировавшая речевой аппарат, изменившая форму черепа, перестроившая мозг и вложившая в него языковую способность» [5, с. 257]. Для того чтобы объяснить такие макромутации необходимо обнаружить скрытую третью силу, влияющую на процесс филогенеза, помимо случайных мутаций и естественного отбора. Роль такой силы может играть поведенческое приспособление. С. Бурлак пишет о том, что поведением животных помимо инстинктов, заложенных в генокоде, управляют навыки, которые приобретаются в течение жизни и передаются от особи к особи внутри популяции при помощи различных коммуникаций. Описывая поведение новых видов городских птиц, она замечает, что «подобные нетипичные для диких птиц варианты поведения распространяются за время гораздо меньшее, чем понадобилось бы в случае, если эти поведенческие характеристики возникли в результате мутаций» [5, с. 293]. Таким образом, следует предположить, что в определённый момент, после того, как внешние условия кардинально изменились, достаточно быстро изменяется и поведение. Поведение некоторых особей может попасть в точку неопределённости, когда инстинкты входят в противоречие с новым опытом. Наступает момент неустойчивости и происходит сингулярная макромутация, структурирующая отдельные мутации. В результате этого меняется генокод, схемы поведения закрепляются на инстинктивном уровне.

Творчество человека, характеризующееся сингулярными ментальными переходами (озарениями), есть не что иное, как гарантия выживания в будущем, определяющая вариативность поведения. Это то, что формирует новый генокод, новые архетипы. Например, Ю.И. Манин считает, что для характеристики современного человека наряду с архетипами К.Г. Юнга, уже необходимо учитывать новый архетип – «архетип пустого города». «С точки зрения глубинной психологии, мы ищем новых свидетельств реальности коллективного бессознательного в проявлениях проектного сознания» [10, с. 327].

Закончить статью хочется дискурсом с А. Бергсоном, который в своей работе [4] на интуитивном уровне сумел точно описать эволюцию жизни, описывая структуру фрактала и очерёдность аналитического и синтетического этапов. Пользуясь его же языком, можно сказать, что в основе его теории лежат несколько метафор. Первая, что внутри длительности времени содержится гораздо больше, чем отрезок от А до Б. Внутри его содер-

жится основное содержание творчества. «Движение представляет собой нечто большее. чем ряд положений, то есть возможных остановок» [4, с. 226]. Вторая, что в некоторый момент, в прошлом, была порождена жизненная волна, которая, накатываясь, отдельными волнами на материю, породила множественность эволюционных путей, один из которых привёл к рождению человека (многие закончились тупиком). И этот процесс состоит из чередования творческих порывов, происходящих в напряжении интуиции и дальнейшего их анализа при помощи интеллекта. Аналогии напрашиваются сами собой.

Но есть и несколько существенных отличий: в нашем представлении процесс эволюции происходит в чередовании трёх этапов: аналитического, хаотического и синтетического. Если у А. Бергсона направление синтетического и аналитического векторов направлены навстречу друг другу, то в нашей концепции они перпендикулярны (такой вид направленности выравнивает творческий пик, превращая фрактал бытия в равномерно растущую структуру). Если А. Бергсон писал о жизненной волне, то в нашей концепции нужно скорее говорить о природной волне, одним из ответвлений которой является жизненная волна. Материя нам кажется устойчивой не потому, что она таковая, а потому, что цикл чередования аналитического, хаотического и синтетического периодов у неё несравненно дольше, чем период жизни человека и поэтому он сложен для восприятия. Там, где материя существует в составе системы, такая система осцилирует, когда же система находится в хаотическом периоде, материя расщепляется на корпускулы. Таким образом, можно предположить, что волновой дуализм, дискурс вокруг которого длится уже около ста лет, описывает два процесса одной системы распределенные во времени.

Резюмируя сказанное, повторим основные выводы. Модель фрактала хорошо описывает структуру природных и ментальных систем: повторяемость при изменении масштаба и не дифференцируемость в каждой своей точке. Для описания эволюции рассматриваемых систем удобно применять модель нелинейного осциллятора. Показано, что, даже если система находится на аналитическом этапе существования, то её подсистема может находиться на этапе синтеза, что обеспечивает фрактальность бытия. Используя эти модели, удаётся примирить старые антагонистичные идеи, показав их разнесённость во времени, расширяя таким образом, принцип дополнительности. Применяя эти модели можно глубже понять природу различных систем и попробовать экстраполировать их эволюцию в будущее, включая глотогенез, но это требует специальных исследований.

Литература

1. Арнольд В.И. Теория катастроф. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 136 с.
2 Арнольд В.И. Первые шаги математического анализа и теория катастроф. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 96 с.
3. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 398 с.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Академический проект, 2015. 320 с.
5. Бурлак С. Происхождение языка. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 464 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015. 736 с.
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2015. 320 с.
8. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
9. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
10. Манин Ю.И. Математика как метафора. 2-е изд., доп. М.: МЦНМО, 2010. 424 с.
11. Ошо Рождение любви. М.:АСТ, 2010. 349 с.
12. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2014. 304 с.
13. Стригин М.Б. Метафора – шифр бытия // Евразийский юридический журнал. 2017. №6 (109) С. 313 – 317.
13. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 20. М.: Партиздат, 1934. С. 339 – 626.
14. Хайдеггер М. Лекции о метафизике. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2014. 176 с.
15. Хомский Н. О природе и языке. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 288 с.

References

1. Arnol'd V.I. Teorija katastrof. 7-e izd. M.: LENAND, 2016. 136 s.
2 Arnol'd V.I. Pervye shagi matematicheskogo analiza i teorija katastrof. 2-e izd. M.: LENAND, 2015. 96 s.
3. Bergson A. Izbrannoe: Soznanie i zhizn'. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 398 s.
4. Bergson A. Tvorcheskaja jevoljucija. M.: Akademicheskij proekt, 2015. 320 s.
5. Burlak S. Proishozhdenie jazyka. M.: Astrel': CORPUS, 2012. 464 s.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Jeksmo, 2015. 736 s.
7. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. M.: Izdatel'stvo AST, 2015. 320 s.
8. Lakoff D. Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govorjat nam o myshlenii. M.: Gnozis, 2011. 512 s.
9. Mandel'brot B. Fraktal'naja geometrija prirody. M.: Institut komp'juternyh issledovanij, 2002. 656 s.
10. Manin Ju.I. Matematika kak metafora. 2-e izd., dop. M.: MCNMO, 2010. 424 s.
11. Osho Rozhdenie ljubvi. M.:AST, 2010. 349 s.
12. Prigozhin I. Porjadok iz haosa: novyj dialog cheloveka s prirodoj. M.: Editorial URSS, 2014. 304 s.
13. Strigin M.B. Metafora – shifr bytija // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2017. №6 (109) S. 313 – 317.
13. Jengel's F. Dialektika prirody // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Tom 20. M.: Partizdat, 1934. S. 339 – 626.
14. Hajdegger M. Lekcii o metafizike. 2-e izd., dop. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 176 s.
15. Homskij N. O prirode i jazyke. M.: URSS: LENAND, 2017. 288 s.

Strigin M.B., Candidate of Physical and Mathematical Sciences (Ph.D.),
South Ural State University

ANALYTICAL AND SYNTHETIC STAGES OF EVOLUTION OF ARBITRARY SYSTEMS: ONTOLOGICAL FEATURES AND CHARACTERISTICS

Abstract: the article suggests a hypothesis that the evolution of an arbitrary system can be described using the model of a nonlinear oscillator, which allows one to assume their unified ontology. The assumption about the universality of the main features of the ontology of all possible systems of both living and non-living nature, mental concepts, regardless of their hierarchy, was made. This model allows taking a fresh look at the ontological applicability of the laws of dialectics. It is shown that in those moments when we are able to observe a certain order in the system under consideration, it is under the influence of only two forces. Otherwise, the system falls into the zone of instability, where it can not be described. The moment the system leaves the instability zone is accompanied by a singular birth of a new structure, which resumes evolution under the influence of two forces, like an oscillator. Singular transitions of the system, as well as subsystems and supersystems, ensure the fractality of the global structure. A hypothesis is advanced and justified that the fractal model is applicable to the description of being.

Keywords: system, order, fractal, oscillator, analyticity, singularity, dialectics, chaos

Шуралёв А.В., кандидат философских наук, доцент,
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

ВНУТРИ- И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация: актуальность выбранной автором данной статьи темы связана как с современными внутри- и межконфессиональными отношениями в западноевропейском обществе, так и влиянием, какое они оказывают сегодня на мировые социально-экономические и политические процессы в целом. В своей статье автор показывает главные причины возрождения религии и церкви в Западной Европе и как они влияют на все отношения в современном обществе.

Ключевые слова: Второй Ватиканский собор, христианство, мусульманство, буддизм, глобализм, неокульты, этноконфессиональные конфликты

Доктрина религиозной свободы, которую провозгласил Второй Ватиканский собор (1962-1965 гг.), предоставила христианской церкви новые перспективы развития, а государство в Западной Европе получило возможность построить общество на новых структурных и идеологических основах. Государственная политика толерантности в отношении церкви, теперь подразумевает под собой свободное развитие любой религии и церкви, что не всегда укладывается в рамки прежних религиозных догм и систем католицизма, православия и мусульманства. Никто не подозревал, что церковь вновь станет реальной силой в обществе, а тем более достигнет одного из первых мест в нём. Все эти исторические для института церкви события, из которых, правда не все церкви могли выйти победителями, многие общественные силы не могут до сих пор признать и правильно оценить[1].

В современной Западной Европе позиции христианской церкви, которая всегда представляла главный рычаг влияния государства на общественное сознание, настолько сильны, что она превратилась в одного из главного культурного оператора не только в западноевропейском обществе, но и в мире. Этому сильно способствовала её роль, какую она играла в борьбе двух общественно-политических систем во время холодной войны, что подтверждают как отечественные, так и зарубежные научные источники[2].

Политика «мультикультурализма» и «глобализма», с помощью которых капитализм выжил после Второй мировой войны, привела его в настоящее время к новой модернизации нацистских и фашистских идеологий в Европе и США. Современный национал-социализм подменяет марксистско-ленинское понимание прогресса в истории, и умышленно маскирует стремление капитализма вновь продолжить своё бытие.

Не последнее место в своей борьбе с другими странами мира, идеологи капитализма отводят церковному институту, модернизированному под постиндустриальное общество. Религиозные войны и конфликты стали реальной повседневностью в мире. А современные социальные сети, создаваемые религиозными сообществами, стали более эффективными, чем, например, сообщества, организованные по национальному принципу. Огромную роль здесь сейчас играют глобальные средства массовой коммуникации и в первую очередь Интернет. Современные теле-интернет-проповедники оказывают сильнейшее влияние на взгляды и мнения не только своих сограждан, но и самой разнообразной аудитории, разбросанной по различным уголкам земного шара.

Эти религиозные организации представляют собой церковные организации «нового типа», основанные не на патриархальной религиозности, а на использовании новейших средств массовых коммуникаций для агрессивной религиозной пропаганды. Духовные операторы человечества нашли для человеческого общества в XXI века новые методы политического клерикализма, при котором известные проповедники играют роль «серых кардиналов» при основных международных политических игроках[3].

Одновременно, эти церковные организации «нового типа», также являются сегодня мощным средством противодействия глобальной модернизации мира. Проповедники, имеющие в своем распоряжении значительные финансовые средства, в состоянии канализировать социальные и политические протесты, особенно в странах, материально опустошенных в результате всемирного экономического кризиса, резкого спада производства и массовой безработицы. Религиозные активисты могут использовать священные тексты и исторические традиции для подогревания недовольства населения, апеллируя к социальной справедливости.

После известных событий 1991 года, наша страна изменила свой геополитический статус и

вектор дальнейшего исторического развития, а в обществе стала господствовать чуждая ему идеология и насаждаться клерикализм.

Это вызвало волну национальных и религиозных конфликтов, которые стали ответной реакцией общества на коренную ломку сложившихся отношений в прежней общественно-экономической формации. До сих пор современное российское государство не может справиться с внутренними этноконфессиональными конфликтами, которые переросли в международный терроризм[4].

Современные идеологи буржуазного строя заявляют, что разрушение СССР есть закономерный процесс его развития. В настоящее время для дальнейшего развития нашей страны по капиталистическому пути используются разработки специалистов по рыночной экономике из Национального университета «Высшая школа экономики». Эти разработки и составляют всю их идеологию, под эгидой которой также осуществляется сегодня проект «Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики»[5].

Но факты истории доказывают, что социалистический строй в нашей стране имел шансы на дальнейшее существование, если бы они не были пресечены компрадорской буржуазией, появившейся в период перестройки в 1985-1991 гг. Несмотря на это, коммунизм, в виде социализма, победил навсегда и надолго, это доказано всем существованием современной цивилизации.

Лидеры христианской церкви заявляли ещё в период холодной войны, что социализм не смог обеспечить всем людям безбедное существование, что стало главной причиной его падения и дало победу капиталистической системе. Многие из этих лидеров провозглашали сделать капитализм доступным каждому человеку, чтобы не было бедных в мире, если этого не сделать, то и капиталистическая система падёт также как и социализм. Но эти заявления ни к чему не привели, а ещё больше отбросили человечество назад в прошлое. Бедные регионы усилили свою миграцию в богатые регионы мира, прежде всего, в Западную Европу, которая сделалась ареной борьбы за своё существование, как коренного населения, так и эмигрантов[6].

Современное человечество стоит перед проблемой выживания в этом веке, социальные революции не выдумка великих социологов, а их научное открытие, которые предупреждали, что несправедливое устройство общества и лишение большинства населения доступа к распределению материальных благ, всегда будут приводить к революции. Поэтому осталось мало времени для того, чтобы выбрать правильные ориентиры для своего движения вперёд и прогресс человечества будет связан с наукой, а не религией.

После крушения социалистической системы, в мире почти не осталось больше государств, где не было бы национальных меньшинств и этнических групп, которые не противостоят друг другу на почве религии, политики и культуры, и до сих пор никто из них не идёт на конструктивное разрешение и урегулирование своих межэтнических конфликтов. Особенно широко представлена эта этноконфессиональная коллизия в современной Западной Европе, где неоднородность этнического состава породила различного рода противоречия, напряжённость и жестокие конфликты между народами.

Начало этноконфессиональному противостоянию в Западной Европе было положено известными событиями в середине 60 годов XX века, когда молодое послевоенное поколение стремилось мирным путём осуществить переход от капитализма к социализму. Но всё переросло в массовые забастовки и манифестации, которые лишь послужили ускоренному реформированию капиталистической системы. А молодёжь в Западной Европе была обманута как своими правительствами, так и своими лидерами, которые были провокаторами христианской церкви. И вскоре, государство расправилось с этим молодёжным движением с помощью локальных войн, религиозного ренессанса и политики плюрализма[7].

Такая государственная политика также привела к гомосексуализму как явлению, следствием чего стала массовая эмиграции среди молодёжи, и одновременно, её наркотизация и алкоголизация. Этот молодёжный состав населения заменили иммигрантами с Востока, на которых государство апробировало в полном объёме такую же плюралистическую стратегию и тактику.

Правительство буржуазных стран всегда снимает «пар» в обществе с помощью эмиграции и иммиграции. Вот поэтому так мало осталось коренного населения в Западной Европе и сильно ухудшилось его демографическое положение. А дополнение ко всему этому влияние деструктивных «неокультов» и насаждение ислама.

Оживление или полное возрождение внутри и межконфессиональных отношений в современном западноевропейском обществе произошло сразу после 2 - мировой войны, которые особенно получили новый виток развития после окончания холодной войны между Западом и СССР. Второй Ватиканский собор и либеральная политика в отношении религии и церкви многих демократических государств Западной Европы во

второй половине XX века стали главными стимулами их прогресса в настоящее время.

Современные церковные институты в Западной Европе стали крупными политическими силами, создавшие специальные организации и фонды, которые самостоятельно могут осуществлять различные цели и задачи, необязательно связанные с проблемами своей религиозной общины, и не только среди западноевропейцев, но и в других странах мира.

Обострение противоречий во внутри- и межконфессиональных отношениях в западноевропейском обществе обуславливаются, прежде всего, изменением статуса прежних традиционных конфессий и их инфляцией у большинства населения Западной Европы, которое отдаёт предпочтение неокультам. А также, негативная демографическая ситуация с приростом коренного населения, иммиграцией из стран Востока, столкновением разных интересов и культурных ценностей представителей других цивилизаций, которые в итоге приводят к этноконфессиональным конфликтам.

[1] Религия в современном мире // Информационный бюллетень по материалам зарубежных средств массовой информации. М., 1991. №6. С. 26 – 27.

[2] Чэдвик О. Христианская церковь в холодной войне. / Оуэн Чэдвик; Предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; Пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN 978-5-519-51154-4.

[3] Рагимова Л.И. Межэтнические и межконфессиональные конфликты в современном обществе. Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. Вып. 6. С. 37 – 45.

[4] Хлюстов М.В. Теории конфликтов и реальные конфликты конца XX – начала XXI вв. / Аналитический доклад. Переработанная и дополненная редакция. Москва. 2011. 131 с.; Шуралёв А.В. Этноконфессиональные конфликты в Северной Ирландии. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования: сборник / сост. и общ. Ред. В.В. Шмидта, И.Н. Яблокова при участии Ю.П. Зуева, З.П. Трофимовой. Книга I (II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. М.: ИД «МедиаПром», 2010. С. 70 – 71; Шуралёв А.В. Североирландский конфликт: Этноконфессиональный этюд / Научная редакция д.ф.н., профессора И.Н. Яблокова. М., 2011. 216 с. ISBN 5-87387-002-0.

[5] Шуралёв А.В. Христианская церковь и новый мировой порядок // Современный ученый. 2017. Т. 2. №1. С. 162 – 176; Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. ISBN 978-5-519-60499-4.

[6] Попков В.А., Жирнов В.Д. «Российское Образование – 2020»: «дорожная карта в никуда:й школы. М.: 2009. 32 с.

[7] Шуралёв А.В. Христианская церковь и новый мировой порядок // Современный ученый. 2017. Т. 2. №1. С. 162 – 176; Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. ISBN 978-5-519-60499-4.

Литература

1. Ореханов Ю.Л. Секуляризация и постмодерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. Вып. 56 (6). С. 101 – 118.

2. Попков В.А., Жирнов В.Д. «Российское Образование – 2020»: «дорожная карта в никуда»: Учебное пособие для слушателей системы дополнительного профессионального образования преподавателей высшей школы. М.: 2009. 32 с.

3. Рагимова Л.И. Межэтнические и межконфессиональные конфликты в современном обществе. Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. Вып. 6. С. 37 – 45.

4. Религия в современном мире // Информационный бюллетень по материалам зарубежных средств массовой информации. М., 1991. №6. С. 26 – 27.

5. Хлюстов М.В. Теории конфликтов и реальные конфликты конца XX – начала XXI вв. / Аналитический доклад. Переработанная и дополненная редакция. Москва, 2011. 131 с.

6. Чэдвик О. Христианская церковь в холодной войне / Оуэн Чэдвик; Предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; Пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN 978-5-519-51154-4.

7. Шуралёв А.В. Этноконфессиональные конфликты в Северной Ирландии. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования: сборник / сост. и общ. Ред. В.В. Шмидта, И.Н. Яблокова при участии Ю.П. Зуева, З.П. Трофимовой. Книга I (II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. М.: ИД «МедиаПром», 2010. С. 70 – 71.

8. Шуралёв А.В. Североирландский конфликт: Этноконфессиональный этюд / Научная редакция д.ф.н., профессора И.Н. Яблокова. М., 2011. 216 с. ISBN 5-87387-002-0.

9. Шуралёв А.В. Христианская церковь и новый мировой порядок // Современный ученый. Белгород. 2017. Т. 2. №1. С. 162 – 176.

10. Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. ISBN 978-5-519-60499-4.

References

1. Orehanov Ju.L. Sekuljarizacija i postmodern: religioznye processy v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii i Evrope i ih social'no-bogoslovskaja refleksija // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie. 2014. Vyp. 56 (6). S. 101 – 118.

2. Popkov V.A., Zhirnov V.D. «Rossijskoe Obrazovanie – 2020»: «dorozhnaja karta v nikuda»: Uchebnoe posobie dlja slushatelej sistemy dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija prepodavatelej vysshej shkoly. M.: 2009. 32 s.

3. Ragimova L.I. Mezhjetnicheskie i mezhkonfessional'nye konflikty v sovremennom obshhestve. Sborniki konferencij NIC Sociosfera. 2014. Vyp. 6. S. 37 – 45.

4. Religija v sovremennom mire // Informacionnyj bjulleten' po materialam zarubezhnyh sredstv massovoj informacii. M., 1991. №6. S. 26 – 27.

5. Hljustov M.V. Teorii konfliktov i real'nye konflikty konca HH – nachala HXI vv. / Analiticheskij doklad. Pererabotannaja i dopolnennaja redakcija. Moskva, 2011. 131 s.

6. Chjedvik O. Hristianskaja cerkov' v holodnoj vojne / Oujen Chjedvik; Predisl. i primech. A.V. Shuraljov; Per. s angl. A.V. Shuraljov. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 292 s. ISBN 978-5-519-51154-4.

7. Shuraljov A.V. Jetnokonfessional'nye konflikty v Severnoj Irlandii. Voprosy religii i religiovedenija. Vyp. 2: Issledovanija: sbornik / sost. i obshh. Red. V.V. Shmidta, I.N. Jablokova pri uchastii Ju.P. Zueva, Z.P. Trofimovoj. Kniga I (II): Religiovedenie v Rossii v konce XX – nachale XXI v. M.: ID «MediaProm», 2010. S. 70 – 71.

8. Shuraljov A.V. Severoirlandskij konflikt: Jetnokonfessional'nyj jetjud / Nauchnaja redakcija d.f.n., professora I.N. Jablokova. M., 2011. 216 s. ISBN 5-87387-002-0.

9. Shuraljov A.V. Hristianskaja cerkov' i novyj mirovoj porjadok // Sovremennyj uchenyj. Belgorod. 2017. T. 2. №1. S. 162 – 176.

10. Shuraljov A.V. Religioznye obshhiny i mezhreligioznye otnoshenija v sovremennoj Zapadnoj Evrope. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 272 s. ISBN 978-5-519-60499-4.

Shuralev A.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sechenov First Moscow State Medical University

INTRA - AND INTERFAITH RELATIONS IN MODERN WESTERN EUROPE

Abstract: the relevance of the chosen by the author of the article topic is associated with modern intra - and inter-confessional relations in Western society and the influence which they exert on today's global socio-economic and political processes in general. In his article the author shows the main causes of the revival of religion and the Church in Western Europe and how they affect all relationships in modern society.

Keywords: the Second Vatican Council, Christianity, Islam, Buddhism, globalism, neculita, ethnic and religious conflicts

Цахаева А.А., доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой,
Аминов У.К., психолог МВД по РД,
Аминова Д.К., аспирант,
Дагестанский государственный педагогический университет

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ

Аннотация: в статье представлено авторское видение на предмет природы, типов проявления, специфики формирования адаптивного поведения личности, определяется его роль и место в адаптации личности. Движущими силами развития адаптивного поведения авторы считают потребность постоянно самоизменяться, чтобы соответствовать, и, одновременно, стремление индивида к стабилизации ядра Самости. Что неизбежно приводит к диалектической тенденции взаимо отрицания противоположностей-процессов стабильности и изменения. Таким образом, гегиелевские диалектические законы применимы, как методологические основания, к исследованию психологических явлений. При этом законы «борьба и единство противоположностей» и «отрицания отрицания» применяются как внутренние источники, импульсы, мотиваторы адаптивного поведения. Основной базой адаптивного поведения, с позиций данного закона, является борьба противоположно направленных векторов реализации адаптивного поведения: изменится, чтобы приспособиться и самосохраниться, чтобы не «раствориться в толпе». Авторы оперируют понятиями тождественное, адаптивное, противоположное, противоречие. Оперируя философскими категориями, авторы указывают на движущие силы развития адаптивного поведения, выделяя общий результат и направленность процесса этого развития. Принцип отрицания тождественен уничтожению старого способа поведения новыми актами, переходящими на целевой уровень результата такого поведения. Закон «отрицание отрицания» применительно к адаптивному поведению применим на уровне тезиса, антитезиса и синтеза.

Ключевые слова: личность, поведение, адаптация, движущие силы, ядро самости, тождественное, адаптивное, противоположное, противоречие

Развитие адаптивного поведения проходит на протяжении всего жизненного пути личности. Разнонаправленные акты этого процесса представляют собой диалектическое единство реализации работы движущих сил для перехода на следующий уровень данного вида поведения: от бессознательного желания соответствовать нормам и правилам социума до качественного преобразования себя под требования среды, то есть от пассивного течения по обстоятельствам до активного изменения и самоизменения. При этом степень сохранности самостного ядра зависит от возможности стабильной сохранности гармонии и равновесия. Безусловно, приспосабливание приводит, в некоторой степени, к тенденции устойчивого и неизменного самостного ядра. Подобная сила активности поиска инновационных техник саморазвиваться и является, на наш взгляд, движущей силой развития адаптивного поведения личности. Кажущиеся противоречия адаптации личностных структур как подгон под «злобу дня» и стремление к стабильности вполне объяснимы, если обратиться к диалектическим законам развития материи, в том числе и психической [1]. Закрепленные эффективностью функционирования поведенческие реакции, полученные в процессе адаптации, создают удобную атмосферу саморазвития, чем предвосхищают активные изменения «изнутри» [2]. Адаптивное поведение, в таком случае, экономит психические силы распространяя стереотипные формы реагирований, выбор вариативного компонента поведенческих стратегий, при этом происходит закрепление эффективной ситуации жизни. Личностное поведение не зеркалит объективную или субъективную действительность. Рефлексируя, реагирует тактики своего поведения. Рациональность не синонимизируется с развитием, а с движущейся активностью. Такое поведение становится экономным, но стереотипным, разрушающим индивидуальное личностное своеобразие. Утрачивается пластичность, адаптивность, успешная эффективность, а значит не будет конкурентоспособности и неповторимой уникальности. Таким образом, можно адаптивное поведение разделить на следующие виды: стереотипный и импровизирующий. Данный тип поведения наделен специфическим формированием: главным атрибутом социализации и механизмом индивидуализации, основанным на субъективности использования личностного развития [3].

При этом поведенческие стратегии адаптивного поведения субъектно-индивидуальны. Зависят не только от сценария и образа жизни, но от установок, социальных окружений, уровня активности ЦНС [4].

Если рассматривать критерий – масштаб, то адаптивное поведение можно разделить на макро- и микроорганизацию, являющуюся внутренними допинговыми условиями качественного и количественного использования нового уровня элементов тактик адаптивного поведения [5]. Трансформация прошлого опыта для продуктивности будущего, накапливает и усиливает работу движущих сил организации адаптивного поведения личности. Делая сложно направленной и способной к закреплению специфических культурных стратегией поведения.

Критическая величина акта адаптивного поведения определяется частью подсистемы, где личность нивелирует эталонные ситуации. Устанавливая те поведенческие образования, где более востребованы и задействованы самостное ядро личности и характеристики его компонентов.

Уровни развития качественно коррелируют с индивидуальными тратами психической энергии, экономят силы для собственно саморазвития. В это же время они за счёт энергозатратности поведения решают насущные задачи заданного уровня. Закрепление энергетически выгодных стратегий вызывают необходимость создания стереотипов адаптивного поведения, которые базируются на индивидуальном опыте и уже сложившихся в сознании индивида представлениях о способах реагирования в подобных случаях и данных условиях. Созданные стереотипы часто не совпадают с насущной реальностью, т.к. «дважды нельзя войти в одну и ту же воду» и в психической природе человека, это уже другая личность в новой социальной ситуации, только внешне подобной, которую можно идентифицировать как знакомая [5]. Многие люди осознавая и понимая, но всё же не учитывая в повседневной жизни стихийные изменения «изнутри» и «снаружи», используют «рефлекторную копию» чужого поведения поведения, так сказать, проекцию, тем самым дисгармонируя со средой, выпадая из нее синдромом «белой вороны». Основные законы реализации и организации адаптивного поведения резко трансформируются во время уровневого перехода, и этот факт можно назвать дискретным адаптивным поведением. Тогда перестраивается и перенаправляется в иное русло, с новыми целями и задачами психическая энергия, перегруппировывается ее материал. Но если этой энергии недостаточно для осуществления поведенческого акта, то возможна иллюзия движения перехода, а на самом же деле происходит сброс на предыдущий уровень развития, который является тоже движением, но направлен назад и не может расцениваться как развитие. Регрессом его тоже пока нельзя назвать, так как самооценивается он как позитивное изменение и не противоречит ценностям цивилизации. На этом этапе происходит переоценка, психо-энергетическая перезагрузка материала, анализ целей и способов, что свидетельствует о наличии границ адаптивного поведения. Границы есть и у поведения – это покой, а что касается адаптивного поведения, то его границы определяются этнической и субъективной ментальностью, индивидуальными и макро – культурными аттитюдами и установками, как атрибутами внешних рамок. Внутренними границами данного вида поведения могут выступать регулятивная система, интеллектуальная деятельность как проективно-оценочная, духовно-нравственная как регламентатор поведения. Движущими силами адаптивного поведения как одновременно механизма самосохранения и индивидуальной психологической защиты, становится процесс экономии психической энергии. Так, например, личность ожидающая признания социума, уподобляется ему, избегает адаптивный шок, и не реализует адаптивное поведение.

Мы, стремясь к экономии психический энергии, идем по пути наименьшего сопротивления, приспосабливая себя к требованиям окружающих. Тогда логично силой движения считать механизмы защиты и самосохранения. Следует в этом случае говорить о пассивном типе адаптивного поведения [6-8].

Экономя психический ресурс, самопрезентируя энергетически выгодную тактику «Свой среди своих, свой среди чужих», выбирается поведенческая стратегия Молчалина. Это удобный милый, услужливый человек, ведомый и управляемый. Архиценная стратегия адаптивного поведения считается стратегия принятия ценностей большинства, тогда исключается творческое активное участие личности в преобразовании среды. Философской остается проблема – адаптировавшаяся личность – это хорошо или плохо с точки зрения общечеловеческих ценностей.

Современная реальность свидетельствует о психике дискретной системе, претерпевающей состояния «активности-пассивности».

Именно эти психические «качели» не дадут нам повода утверждать о постоянной и полной адаптации личности к деятельности, среде, условиям или чему-либо другому. Так, мы можем заключить, что движущими силами развития адаптивного поведения личности служит социальный запрос и индивидные возможности его реализации.

Литература

1. Аминов У.К., Аминова Д.К., Цахаева А.А. Общая и экспериментальная психология для студентов бакалавриата по направлению "психолого-педагогическое образование": Учебное пособие. Махачкала, 2016.

2. Аминов У.К. Изучение ценностных конструктов личности будущего психолога при строительстве рефлексивного я как компонента адаптивного ресурса развития // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2013. №2 (23). С. 7 – 11.

3. Аминов У.К. Ценности и ценностные ориентации личности: теоретический анализ феномена. НаукаПарк. 2015. №6 (36). С. 21 – 24.

4. Аминов У.К., Аминова Д.К. Законы диалектической активности как методологические основания психологического исследования личности в новых условиях // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2014. №3 (28). С. 6 – 11.

5. Цахаева А.А. Практика преподавания педагогической психологии в дагестанском образовательном пространстве. В сборнике: Гуманизация инновационного образования в современных условиях: перспективы и достижения. К 120-ти летию Л.С. Выготского: материалы 5 -ой межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 2016. С. 10-13.

6. Цахаева А.А., Аминова Д.К., Аминов У.К. Рефлективное я как адаптационный потенциал профессионального развития личности будущего психолога //Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3. №4. С. 6 – 9.

7. Цахаева А.А. Противоречия как движущая сила формирования адаптивного поведения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2009. №4. С. 131 – 136.

References

1. Aminov U.K., Aminova D.K., Cahaeva A.A. Obshhaja i jeksperimental'naja psihologija dlja studentov bakalavriata po napravleniju "psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie": Uchebnoe posobie. Mahachkala, 2016.

2. Aminov U.K. Izuchenie cennostnyh konstruktov lichnosti budushhego psihologa pri stroitel'stve refleksivnogo ja kak komponenta adaptivnogo resursa razvitija // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2013. №2 (23). S. 7 – 11.

3. Aminov U.K. Cennosti i cennostnye orientacii lichnosti: teoreticheskij analiz fenomena. NaukaPark. 2015. №6 (36). S. 21 – 24.

4. Aminov U.K., Aminova D.K. Zakony dialekticheskoj aktivnosti kak metodologicheskie osnovanija psihologicheskogo issledovanija lichnosti v novyh uslovijah // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2014. №3 (28). S. 6 – 11.

5. Cahaeva A.A. Praktika prepodavanija pedagogicheskoj psihologii v dagestanskom obrazovatel'nom prostranstve. V sbornike: Gumanizacija innovacionnogo obrazovanija v sovremennyh uslovijah: perspektivy i dostizhenija. K 120-ti letiju L.S. Vygotskogo: materialy 5 -oj mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2016. S. 10-13.

6. Cahaeva A.A., Aminova D.K., Aminov U.K. Reflektivnoe ja kak adaptacionnyj potencial professional'nogo razvitija lichnosti budushhego psihologa //Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. T. 3. №4. S. 6 – 9.

7. Cahaeva A.A. Protivorechija kak dvizhushhaja sila formirovanija adaptivnogo povedenija // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2009. №4. S. 131 – 136.

Tsakhaeva A.A., Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Professor, Head of Department,
Aminov U. K., Psychologist of the MIA of Dagestan,
Aminova D.K., Postgraduate,
Dagestan State Pedagogical University

DRIVING FORCES OF THE DEVELOPMENT OF ADAPTIVE BEHAVIOR OF PERSONALITY: METHODOLOGICAL CONSIDERATIONS

Abstract: the article presents the author's vision on the subject of the nature, types, symptoms, specifics of formation of adaptive behavior of the individual, its role and place in the adaptation of personality is determined. The authors consider as the driving forces for development of adaptive behavior the need to change yourself constantly to match, and at the same time, the desire of the individual to stabilize the core of the Self. Which inevitably leads to the dialectical tendencies of mutual negation of the opposites of the processes of stability and change. Thus, hegelian dialectical laws are applicable as methodological foundations to the study of psychological phenomena. While the laws of "struggle and unity of opposites" and "denial" are applied as internal sources, pulses, motivator of adaptive behavior. The main base of adaptive behavior, from the standpoint of this law is to fight the oppositely directed vectors of realization of adaptive behavior: change, to adapt and to preserve ourselves, to not "blend in the crowd." The authors use the concept of identical, adaptive, opposite, a contradiction. In terms of philosophical categories, the authors point out the driving forces for the development of adaptive behavior, highlighting the total score and the direction of the process of this development. The principle of negation is identical with the destruction of the old way new acts rising to the target level of the result of such conduct. The law of "negation of the negation" in relation to adaptive behavior is applicable at the level of thesis, antithesis and synthesis.

Keywords: personality, behavior, adaptation, driving forces, core self, identical, adaptive, opposite, contradiction

Качабеков А.Г., кандидат философских наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический университет

КРИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Аннотация: критическая функция социальных наук в статье рассматривается как важная предпосылка осуществления социальными науками других своих функций – описательной, объяснительной, прогностической, практической (прикладной), просветительской. Выделены структуры, процессы в современном обществе, которые требуют тщательного критического анализа. Подчеркнута необходимость критического анализа и некоторых явлений, тенденций в самих социальных науках для повышения качества получаемых результатов.

Ключевые слова: критическая функция; объекты критического анализа в социальной деятельности; картины реальности; парадигмы анализа

Развитие критической функции социальных наук является важной предпосылкой более эффективного осуществления или описательной, объяснительной, прогностической, практической (прикладной), просветительной, воспитательной функций.

Критическая функция социальных наук предполагает выявления всего негативного, нежелательного, неприемлемого с определенной ценностной позиции не только в социальной реальности(в общественных отношениях, структурах, институтах, в поведении, деятельности социальных субъектов, а также в их сознании, психики), но и в самих социальных науках, возникающих там картинах социальной реальности, парадигмах, процедурах, методах исследования, получаемых результатах с точки зрения определенных критериев и эталонов научности. При этом учитывается, что не может быть социальной науки, свободной от ценностей; необходимо только, чтобы та или иная ценностная позиция исследователя не вела к игнорированию или искажению определенных сторон, свойств, связей социальных объектов, факторов, определяющих их функционирование и развитие, не порождала бы некоторые заблуждения. Важно, чтобы у исследователя срабатывала критическая рефлексия над своей ценностной позицией в отношении объекта изучения и характером, последствиями ее влияния на различные этапы, средства и результаты познавательной деятельности.

Критическое отношение к социальной деятельности, несомненно расширяет, обогащает проблемное поле каждой социальной науки. Вместе с тем оно позволяет охватывать факторы, определяющие состояние, функционирование, развитие социальных явлений, которые или вообще игнорировались, или же не удостаивались достаточного внимания.

В массовых масштабах на фоне удивительного легковерия населения и полной беззаконности мошенников и аферистов; это общий разгул преступности с чудовищными по своему цинизму преступлениями; это культ бандитского обреза жизни, его языка и символов; это массовая коррупция правоохранительных органов; это издевательское, наплевательское отношение к людям знания, науки и подлинной культуры вместе с культом подделок под искусство, пошлостью, наглостью в средствах массовой информации; это миллионных беспризорных детей при живых родителях и…многое, очень многое другое, чего просто нельзя не заметить [1]. Указанные и некоторые другие проявления варварства в цитируемой монографии не только описаны, но и объяснимы на достаточно высоком уровне с раскрытием определяющих их взаимодействующих факторов на различных уровнях и в различных сферах общественной жизни, относящихся и к истории ее, и к природе человека в единстве биологических и социальных свойств его.

Не может не стать объектом критического отношения процесс виртуализации социальной реальности в современном информационном обществе (это-процесс неизбежный, закономерный). Виртуализация предполагает создание с помощью некоторых знаков, символов образов социальных явлений, некоторые значительно отклоняются от реальных или подлинных социальных объектов, искажают их содержание, сущность, или же таких образов, у некоторых вообще отсутствуют референты в реальности. Известно, что виртуализация осуществляется использованием новейших информационно-электронных технологий, СМИ. Благодаря виртуализации видимость, нечто визуальное возводится в ранг реальности, что способствует возникновению различных иллюзий, заблуждений в массовом сознании.

Массовые индивиды благодаря деятельности СМИ ограничиваютнапример: восприятием каких-то имиджей политиков, сведениями, даже сплетнями об их частной жизни, их выступлениями на каких-то митингах, зрелищах, спортивных соревнованиях, но крайне редко интересуются рутинами политической жизни, деятельности органов

власти, управления, механизмами принятия и реализации или определенных решений, их отношениями с рядовыми гражданами, реальными доходами и уровнем жизни, потребления чиновников, уровнем эффективности их деятельности и.т.п. Виртуальная жизнь кажется массам гораздо более интересной, привлекательной, даже очаровательной, нежели реальное свое бытие. И они проявляют гораздо меньше интереса к реальному бытию, крайне редко проявляют желание разобраться в нем, осмыслить его. А это расширяет возможности манипулировать массовым сознанием, навязывать ему различных иллюзий. Можно утверждать, что виртуализация уводит внимание не только рядовых индивидов, но и некоторых социальных ученых от подлинного, непрозрачного, скрытого в социальной деятельности, не позволяет различать видимость, кажимость и сущность социальных объектов.

Критическое отношение к себе вызывает современное «общество потребления» с утвердившимся в нем культом потребительствапри широком распространении демонстративно-престижного типа потребления(когда потребителя интересуют не полезные, «функциональные» свойства вещей, товаров, а то, насколько данный товар выступает знаком, символом его социального престижа, социального статуса в глазах других людей). Широко развертывается своеобразная гонка, состязание в потреблении, когда каждый старается не отставать от других по стандартам, уровню потребления. При этом мало кто задумывается над степенью разумности своих потребностей и над тем, насколько его потребительские притязания и уровень потребления соответствуют затратам его труда, его вкладу в материальное и духовное благосостояние общества. Можно сказать, что в «обществе потребления» люди становятся «рабами» вещей, товаров, которые начинают господствовать над ними. У потребителей формируется своеобразное представление об обществе как огромном складе(хранилище) товаров, услуг. Говоря о негативных последствиях становления общества потребления, указывают, что оно ведет к «стремительному загрязнению окружающей среды и истощению природных ресурсов, распаду института семьи, снижению рождаемости, увеличению доли населения с избыточным весом, росту уровня преступности, социальной дезорганизации и психических заболеваний; высокому уровню потребления алкоголя, значительному росту самоубийств и в конечном счете к деградации населения. Расцвет общества потребления имеет своей обратной стороной вымирание этого общества, которое, впрочем, будет отчетливо заметно лишь в долгосрочной своей перспективе…[2] Распространение потребительства с помощью СМИ, рекламных, индустрии развлечений, сферы услуг ведет к усилению ориентации массовых индивидов на наслаждения, телесные удовольствия при ослаблении них ориентации на напряженный, производительный труд. Современные СМИ почти не уделяют внимания пропаганде ценностей труда с добросовестным отношением к нему, при проявлении чувств долга, совести, моральной ответственности в трудовом процессе. При отсутствии у индивидов ориентации на напряженный, творческий труд вряд ли можно формировать у них способности к самоограничению, самодисциплине, самоконтролю.

Много сторон, явлений, процессов, требующих критического осмысления, содержится в российской экономике, играющей определяющую роль по отношению к явлениям, процессам социальной, политической, правовой, культурной, духовной, информационной жизни обществ (разумеется, все они оказывают обратное влияние на экономику). В частности, негативные последствия может иметь сохраняющаяся пока неопределенность отношений собственности, их «размытость», излишняя многосубъектность(когда отсутствует четко выраженная персональная ответственность за характер пользования собственностью в отношении эффективности его). В российской экономике широко распространены теневые отношения с уклонением их официальной регистрации предприятий и сделок, умышленным искажением условий их функционирования, осуществления. Значительные масштабы имеет криминальная экономика(так называемый «черный рынок»), которая имеет противоправный характер, запрещена законом(например, наркобизнес, контрабанда, рэкет, проституция и др.). Широко распространено так называемое оппортунистическое поведение, т.е. бесчестное, с проявлениями обмана, вероломства, мошенничества афер и т.п.

Эффективность российской экономики снижается и вследствие неоптимальной ее отраслевой структуры, приобретшей одностороннюю сырьевую направленность, оказывается на «нефтегазовой игле». У нее преобладают отрасли добывающей промышленности при весьма слабом развитии отраслей перерабатывающей промышленности, производства электроники, сетевого оборудования, приборостроения, даже некоторых отраслей легкой, пищевой промышленности; недостаточно используются возможности развития аграрного сектора при наличии в стране огромных массивов необрабатываемых земель (более 30 млн.гектаров).

Недостаточно благоприятным с точки зрения инвестиционной привлекательности, вероятности

потери инвестиции и доходов от них, наличия различных рисков для инвесторов(обычно выделяют виды или показатели риска: законодательный, политический, социальный, экономический, финансовый, криминальный, экологический) можно считать инвестиционный климат в российской федерации. Этот фактор тоже оказывается предметом критического отношения. На состояние инвестиционного климата у нас негативное влияние оказывают криминализация экономических отношений, тотальная коррупция, наличие административных барьеров для начала, расширения предпринимательской деятельности.

Подвергая критическому анализу состояние российской экономики, нельзя не затронуть экономическую политику нашего государства, которая включает стратегические цели, программы и концертные мероприятия при управлении экономикой государством для решения определенных задач. Российское правительство в официальных документах часто провозглашало такие цели и направления экономической политики, как: создание эффективной системы государственного управления экономикой(в частности, на основе приватизации и реструктуризации государственной собственности), повышение открытости экономики, создание благоприятных условий для развития «человеческого капитала», инновационное развитие отраслей перерабатывающей промышленности, создание благоприятных макроэкономических условий развития снижением налогового бремени, снижением инфляции и процентных ставок и др. Высшие чиновники у нас часто говорили о необходимости модернизации всего общества, диверсификации экономики, внедрения новейших технологий, создания многоотраслевой экономики, преодоление односторонней ориентации ее на добычу сырья, углеводородов, повышения доли НИОКР в развитии высокотехнологичных производств и.т.д. Однако все эти стратегические цели, задачи, призывы, обещания оказались декларативными, на уровне виртуальной реальности. Существенных положительных сдвигов в состоянии российской экономики(по крайней мере до введения экономических санкций странами Запада) не было. Конечно же, нуждается в специальных исследованиях экономическая политика российского государства при объективном, критическом подходе к ней. Раскрывая причины низкой эффективности экономической политики государства, видимо, надо учитывать, во-первых, заинтересованность некоторых представителей правящей элиты(и на федеральном, и на региональном уровнях) в сохранении сырьевой, ресурсной ориентации экономики(им это было выгодно); во-вторых, отсутствие опыта, традиции, когда с чиновников требуют осуществления в действительности декларируемых целей, проектов, решений и.т.п.(они должны нести судебную, моральную ответственность, если те же реализуются).

Однако в критическом анализе состояния российской экономики нельзя ограничиваться только декларациями, решениями, интересами, действиями правящей элиты, и «деловыми, морально-психологическими качествами. Здесь же надо принимать во внимание происхождение, социальные, деловые, моральные качества относительно молодого российского предпринимательского класса и других участников рыночных отношений. Надо все же учитывать, что собственниками в результате грабительской приватизации у нас становились представители бывшей партийно-советской номенклатуры или же мафиозных кланов, которые не обладали вообще «рыночной памятью», не отличались предпринимательскими способностями, предприимчивостью, инициативностью, самостоятельностью, новаторством, энергичностью в ведении хозяйства. Российские собственники думали больше всего о личном обогащении, потреблении не всем доступных материальных благ, меньше заботились о накоплении капитала для дальнейшего развития производства с обновлением, совершенствованием технологической базы его. Они не имели и сейчас не имеют опыта выполнения требований этики бизнеса, не были готовы соблюдать социальную ответственность бизнеса. Многие наши бизнесмены уходили в сферу спекулятивной торговли, не желая заниматься бизнесом в реальном секторе экономики. Представители олигархического капитала, вступившего в симбиоз с властными структурами, заняв господствующие позиции в нефтяной и газовой промышленности, алюминиевой промышленности и черной металлургии, извлекая огромные личные доходы, нисколько не заботились о развитии высокотехнологических отраслей производства. Определенные изменения, не способствующие созданию эффективной экономической системы, где использовались бы новейшие технологии, достижения современного этапа научно-технической революции, произошли и в психологии поведении рабочего класса. Надо все же признать определенное снижение уровня профессиональной подготовки, квалификации, трудовой дисциплины, самоотдачи в трудовом процессе у рабочего класса. В сознании современного общества в целом упал престиж напряженного производительного труда.

Конечно же, в критическом анализе-объяснении причин недостаточной эффективности экономической системы можно охватить и некоторые другие факторы. Такой анализ, несомненно,

может быть продуктивным и полезным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Невозможен объективный научный анализ системы власти и управления без критического отношения к ней. За последние десятилетия у нас происходило чрезмерное усложнение аппарата управления, чиновничества. Возникали новые и новые органы управления, подразделения, службы, комитеты и.т.п. в них при неуклонном росте численности чиновников. В то же время снижался уровень эффективности системы управления. Это отчасти связано с тем, что подбор чиновников те или иные органы управления происходит без конкурса, без конкуренции претендентов на те или иные должности. При этом не учитываются профессионально-деловые, морально-психологические качества назначаемых на определенные должности, а исходят из соображений знакомства, личной преданности, этнической принадлежности, возможности совместного совершения коррупционных сделок, акций «социального обмена», обмена дарами, услугами и т.п. Многие «доходные» должности просто продаются (за определенные ставки денег). Органы управления вводят новые и новые разрешительные процедуры, запреты, проверки различных предприятий, организаций, и все это используется для коррупционных сделок. В деятельности аппарата управления преобладают ритуально-церемональные,формально-бумажные, «показушные» процедуры, средства, различные совещания, заседания, конференции, распоряжения, графики, справки, отчеты и т.п. при отсутствии реальных, полезных результатов.Узкокорыстные, номенклатурные интересы чиновников берут верх над интересами общественными, общегосударственными. В значительной степени это связано с отсутствием действенного контроля за работой органов управления, исполнительной власти, администрации всех уровней со стороны выборных, представительных органов власти и различных институтов гражданского общества (общественных объединений, ассоциаций граждан и др.). Необходим общественный контроль, например, за тем, как расходуются чиновниками государственные финансовые ресурсы, как реализуются принимаемые ими нормативные правовые акты, официальные решения, насколько это соответствует критериям оптимальности, эффективности, какова реальная практика назначения чиновников, как они реагируют на нужды, запросы, требования рядовых граждан и т.д.

На различные стороны общественной жизни существенное влияние оказывают состояние социально-классовой структуры общества, процесс социальной стратификации и социальной мобильности. Критическому анализу должны подвергаться, в частности, слишком резко выраженная социальная дифференциация по размерам доходов, огромная пропасть между доходами, рост численности деклассированных элементов, социальных маргиналов, граждан с крайне низким уровнем доходом. Утверждают, что по данным исследований у нас около 14 миллионов россиян находятся «на доке», 4 миллиона бомжей, 4 миллиона социальных сирот, 3 миллиона нищих и 3 миллиона проституток, миллион в заключении, тюрьмах; помимо этого, 30 миллионов пожилых, уровень дохода которых крайне низкий [3]. Все это, конечно же, негативно сказывается на состоянии массового сознания, правопорядка в стране, нравов общества.

Особого внимания в критическом анализе изменений в современном обществе заслуживает моральный кризис, упадок нравов в нем. В современном обществе, действительно, усиливаются проявление морального релятивизма, моральной индифферентности, когда отсутствует желание воспринимать, оценивать какие-то социальные действия, поступки в понятиях добра-зла, долга, чести, совести, стыда, моральной ответственности, справедливости, человечности и др. Умножаются проявления аморализма, цинизма, наглости, хамства, бесстыдства, жестокости, агрессивности, алчности, лжи, фальши, притворства и т.п. Все это требует критического осмысления изменений, происходящих в психике, поведении массовых индивидов на современном этапе.

Следует признать, что в социальных науках нередко встречаются наивные представления о природе человека, игнорирующие, в частности, сферу бессознательного в нем, соответствующие инстинкты, телесные влечения, страсти, аффекты, так называемые механизмы психологической защиты(рационализацию, проекцию, регрессию, компенсацию, сублимацию и др.). Такие представления о человеке, о социальных типах личности также нуждаются в критическом анализе, преодолении. Без подлинно научных, реалистических представлений о человеке, социальных субъектах неизбежны различные заблуждения в исследованиях объективных общественных отношений, структур процессов.

Критический анализ различных социальных структур, отношений, процессов стимулирует у социальных исследователей также критическое отношение к ущербным картинам социальной реальности, односторонним парадигмам анализа социальных явлений, увлечению отдельными методами исследования, отклонениям от некоторых критериев-требований научности и др.

Требуют критического отношения, в частности, встречающиеся в социальных науках картины реальности, когда абсолютизируется одна из сторон

таких дихотомий, как: холизм- индивидуализм; объективное – субъективное; необходимое – случайное; порядок – хаос; сознательность – стихийность; сознательно регулируемое – спонтанное; рациональное – иррациональное. Понятно, что односторонние, упрощенные картины социальной реальности не позволяют приблизиться к отношению полной, объективной истине. Критическому анализу должны подвергаться ориентации некоторых групп исследователей на односторонние, ограниченные парадигмы анализа, не позволяющие достигнуть адекватной, полноценной истины (таковы, например, в социальной науке парадигмы позитивизма, феноменологической, понимающей социологии, социологии повседневной жизни, постмодернизма).

Предметом критического анализа могут стать проявления эмпиризма или априоризма в социальных науках. Эмпиризм преувеличивает роль, значение эмпирических методик, процедур (наблюдение, опросов населения, контент-анализа различных текстов, социометрической процедуры и др.), ограничивается использованием наиболее доступных, «экономных» методов исследования (например, анкетирование или интервью). Эмпиризм сводится в основном к сбору фактов, данных, их описанию – без многомерного, глубокого их объяснения использованием или формулированием необходимых для этого теоретических положений. Априоризм преувеличивает возможности внутреннего опыта исследователей, их интроспекции или эмпатии, дедуктивных выводов в формулировании теоретических положений, которые якобы не нуждаются в проверке эмпирическими дельными, фактами. Априоризм часто принимает форму умозрительно-спекулятивного теоретизирования с пренебрежением к повседневному социальному опыту, реальным социальным фактам, процессам.

В социальных науках наблюдается много еще отклонений от критерий научности, которые нуждаются в тщательном критическом анализе.

Разумеется, критикуя какие-то явления, процессы в социальной реальности, а также в ее познании, социальные науки в то же время должны занимать конструктивную позицию, предлагая позитивные изменения, преобразования, нечто желательное, приемлемое вместо отвергаемого.

Литература

1. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007. С. 78.
2. Сапожников Е.И. Общество потребления в странах запада // Вопросы философии, 2007. №10. С. 62.
3.Иванченко А.С., Максименко Е.А. Общество потребления в социологическом дискурсе («круглый стол») // СОЦИС.2010. №11. С. 51.

References

1. Motroshilova N.V. Civilizacija i varvarstvo v sovremennuju jepohu. M., 2007. S. 78.
2. Sapozhnikov E.I. Obshhestvo potreblenija v stranah zapada // Voprosy filosofii, 2007. №10. S. 62.
3.Ivanchenko A.S., Maksimenko E.A. Obshhestvo potreblenija v sociologicheskom diskurse («kruglyj stol») // SOCIS.2010. №11. S. 51.

Kachabekov A.G., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State Pedagogical University

A CRITICAL FUNCTION OF SOCIAL SCIENCES

Abstract: the article deals with the critical function of the social sciences as an important prerequisite for the realization of such functions as descriptive, explanatory, prognostic, practical (applied), educational. The author points out the structures and processes in modern society that require careful critical analysis. The need for a critical analysis of some phenomena and trends in the social sciences to improve the quality of the results are stressed.

Keywords: critical function; objects of critical analysis in social activity; pictures of reality; paradigms of analysis

Красова Е.М.,
Мурманский арктический государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И.А. ИЛЬИНА О СУБЪЕКТЕ ПРАВА

Аннотация: в статье проанализированы взгляды И.А. Ильина на субъект права, сформулированные им еще в начале XX века. Рассмотрено понимание им объема и содержания понятия «субъект права» и его соотношение с понятиями «правоспособность» и «дееспособность». Изучено представление И.А. Ильина об оптимальном сочетании индивидуальной и государственной воли, а также элементов корпорации и учреждения в деятельности государства. Сделан вывод о том, что все эти представления имеют современное значение, так как позволяют решать довольно сложные проблемы понимания субъекта права.

Ключевые слова: субъект права, правоспособность, дееспособность, волеизъявление, корпорация, учреждение

В поисках ответов на многие вопросы современности нам нередко приходится обращаться к творческому наследию великих мыслителей прошлого. При этом мы зачастую обнаруживаем, что идеи, сформулированные много десятилетий назад, продолжают сохранять свою актуальность и в наши дни. Это в полной мере касается теоретического богатства русской философии, и, в частности, работ такого ее достойного представителя, как Иван Александрович Ильин. Тонкий философ и глубокий политический мыслитель, он оставил после себя такие идеи, которые и сейчас помогают нам находить решение самых сложных и запутанных проблем. Его творчество содержит ориентиры, дающие нам возможность не сбиться с пути на трудной дороге познания истины.

Один из таких сложных вопросов, споры по поводу которого не умолкают уже в течение продолжительного времени, касается различных аспектов понимания субъекта права. И философы и правоведы ведут непрерывные дискуссии о том, кого можно считать субъектом права, каковы его отличительные признаки, каким образом субъект права может использовать свой статус, какие виды субъекта права можно выделить и как они соотносятся между собой и по многим другим вопросам. Конечно, объем журнальной статьи не позволяет подробно рассмотреть все эти вопросы, но мы попробуем обратиться к наиболее принципиальным из них и проанализировать то, как они решались в творчестве И.А. Ильина.

Вполне очевидно, что представление И.А. Ильина о субъекте права постепенно менялось в течение его жизни. Оно не только конкретизировалось и содержательно наполнялось, но и получало все более глубокое философское обоснование. Тем не менее, на каждом из этапов творческого пути мыслителя его понимание субъекта права сохраняло некий инвариант, позволявший сохранять целостность его взглядам. Не затрагивая сейчас вопрос о развитии учения И.А. Ильина о субъекте права, остановимся на к тех идеях, которые составляют фундамент его учения и позволяют внести ясность в ряд сложных современных проблем, связанных с пониманием этого феномена.

Для этого обратимся к работе «Общее учение о праве и государстве», вышедшей чуть более ста лет назад – в 1915 году. В ней И.А. Ильин рассматривает субъект права еще преимущественно с формально-юридической точки зрения. Позже он задумается о духовной сущности субъекта права, о тех основаниях его существования, которые выходят за пределы социально задаваемых границ. А в этой работе И.А. Ильин юридически скупо, но вполне основательно устанавливает ряд условий, которые в своей совокупности конституируют субъект права.

Прежде всего, И.А. Ильин дает определение субъекта права. Им он предлагает считать «того, за кем право признает известные полномочия, запретности и обязанности» [3, с. 89], другими словами, того, кто является правоспособным. При этом объем правоспособности человека может быть разным и зависит от конкретных правовых норм. В свою очередь, правовые нормы определяют этот объем в зависимости от наличия у человека предусмотренных этой нормой свойств, совершенных (или несовершенных) им поступков или на основе его принадлежности к определенной группе людей.

Таким образом, характеристика «субъект права» рассматривается И.А. Ильиным в качестве постоянной величины: нельзя быть субъектом права в большей или меньшей степени, или быть субъектом права в одном отношении и не быть в другом. А характеристика «правоспособность» берется им в качестве величины переменной. Субъект права может иметь больше или меньше прав и обязанностей, или быть правоспособным в одном отношении и не быть в другом. Тем не менее, наличие хоть какой-то, пусть даже самой минимальной, правоспособности является необходимым условием того, чтобы кто-либо был признан субъектом права. Это означает, что диапазон «колеба-

ния» правоспособности какого-либо конкретного субъекта права не должен доходить до нулевой точки, иначе у него исчезает сам статус субъекта.

От правоспособности И.А. Ильин четко отличает дееспособность, которая у субъекта права может вовсе отсутствовать, что проявляется как невозможность «совершать такие действия, которые увеличивают или уменьшают правовые состояния людей» [3, с. 92]. Это означает, что диапазон колебаний дееспособности, в отличие от правоспособности, включает в себя и нулевую точку, при которой статус субъекта права не исчезает.

Важно отметить также, что понимание И.А. Ильиным природы правоспособности противостоит точке зрения правового позитивизма. Правовые нормы, определяющие границы правоспособности, согласно ему, должны порождаться не произволом законодателя, но вытекать из характеристик и действий самих субъектов права. Практическая реализация такого подхода позволяет, с одной стороны, защитить субъекты права от необоснованных правовых ограничений, а с другой стороны, побудить их к социально активным действиям, направленным на легитимное расширение имеющейся у них правоспособности.

Далее И.А. Ильин отвечает на вопрос о том, кого в принципе можно считать субъектом права. Он декларирует, что субъектом права может быть только человек. Это заявление идет в разрез с тенденцией, набирающей моду в последние десятилетия, заключающейся в том, чтобы признать субъектом права животных. Борьба за включение этой нормы в законодательство ведется сейчас во многих странах. А в Германии, Испании и Швейцарии и ряде других стран животные уже наделены правами.

Признание животных субъектами права является восстановлением аналогичной нормы, которая существовала в средневековом западноевропейском праве: тогда животных нередко судили наравне с людьми. Подробно исследовавший этот вопрос П.Ш. Берман отмечает, что в основе этой практики лежало непонимание принципиального отличия человека от животных, заключающегося в осознанности человеком его действий. Он приводит в пример рассуждения французского адвоката 16 века Варфоломея Шассини, который заявлял, что «домашние животные, уличенные хозяином в плохом поведении, часто демонстрируют понимание своей вины; следовательно, заключал он, животные могут отличать добро от зла, и, значит, их можно судить и наказывать в уголовном порядке» [2, с. 45].

И в нашей стране есть юристы, которые заявляют о том, что статус субъекта права вполне может быть признан за животными. Например, предлагается приравнять их к недееспособным лицам. Так, 11 ноября 2016 г. в Общественной палате РФ в рамках круглого стола «Содержание безнадзорных животных в условиях мегаполиса» первый заместитель председателя Комиссии Общественной палаты РФ по развитию социальной инфраструктуры, местного самоуправления и ЖКХ А.Ю. Кирьянов предложил внести изменения в Гражданский кодекс РФ. Суть этих изменений в том, что животное предполагается рассматривать как субъект права с ограниченной дееспособностью, а хозяина – как его опекуна. Реализация этой идеи на практике потребовала бы признания за животными правоспособности.

И.А. Ильин называет такую точку зрения нелепой. Он пишет: «Право создается человеком и распространяется только на людей» [3, с. 91]. Мыслитель исходил из того, что для признания кого-либо субъектом права недостаточно элементарного проявления сходных с человеком качеств. Человек, в соответствие с традицией русской религиозной философии, рассматривался им во всей целостности его проявлений, как единство тела, души и духа. Поэтому, если поведение животного внешне иногда напоминает поведение человека в аналогичной ситуации, то это еще не является поводом для наделения его статусом субъекта права, так как ему не дано одно из важнейших отличительных свойств человека – приобщенность к духовному источнику морального поведения.

Надо отметить, что в решении этого вопроса И.А. Ильин следовал за В.С. Соловьевым, который рассматривал моральный поступок как исключительно человеческую способность. Согласно В.С. Соловьеву, человек, в отличие от животного, «может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону» [6, с. 114]. В согласии с этим и И.А. Ильин пишет о сущности человека, как «духовно-нравственного существа», благодаря чему он «имеет не только правовую, но и *моральную* обязанность *повиноваться праву*» [3, с. 80].

Инстинктивный характер поведения животных сообщает им совершенно другую мотивацию, продиктованную материальными условиями их жизни, а не духовными принципами. Поэтому, отношение к животным как субъектам права, практически, равнозначно обидам на ветер из-за того, что он слишком сильно дует или претензиям к морозу за то, что он обжигает лицо. Ведь и здесь и там мы сталкиваемся с проявлением природных процессов, протекающих по естественным законам. Разница только в том, что в случае с животными мы встречаемся с поведением, которое внешне в значительно большей степени, чем дру-

гие природные процессы, напоминает нам поведение человека, что невольно подталкивает нас к антропоморфизму в его оценке, но не дает оснований для наделения животных статусом субъекта права.

В-третьих, И.А. Ильин категорически заявляет о том, что субъектом права является всякий человек. Согласно ему, этот статус имеется у любого человека, независимо ни от каких признаков и обстоятельств – безусловно. В этой связи И.А. Ильин считает заблуждением мнение древнеримских юристов о том, что раб не является субъектом права. Признать подобный взгляд, по его мнению, значит рассматривать действия раба вне их подчинения правовым нормам. Ведь, как резонно замечает И.А. Ильин, «самое подчинение господину налагало на рабов правовую обязанность повиновения» [3, с. 91].

Для нас это мнение И.А. Ильина гораздо важнее, конечно, не столько в отношении того, как понимать статус рабов, сколько в отношении тех категорий современных нам людей, у которых в силу ряда обстоятельств значительно сужена, или в каких-то отношениях совсем отсутствует правоспособность. Это, например, категория детей или душевнобольных людей. С точки зрения И.А. Ильина отсутствие полной правоспособности не мешает этим людям оставаться субъектами права.

Данная точка зрения противостоит взгляду, согласно которому люди с ограниченной правоспособностью представляют собой неполноценный или даже фиктивный субъект права. При этом мнение И.А. Ильина представляется гораздо более приемлемым и обоснованным, так как в противном случае людей, лишенных статуса субъекта права, придется признавать объектами права, что противоречит самой субъектной сущности человека. Те или иные ситуационные состояния, в которых оказывается субъект права, не могут отменить его принадлежность к роду существ, создающих право и руководствующихся им.

Именно для решения этого вопроса у И.А. Ильина находит свое применение отмеченное выше различение правоспособности и дееспособности. Детский возраст или наличие серьезного психического заболевания не могут полностью лишить человека правоспособности и он, таким образом, остается несомненным субъектом права. Такой субъект лишен лишь дееспособности: у него остается сама возможность иметь права и обязанности, но он не может осуществлять их своими собственными действиями, также как не может и отвечать за те последствия, которые при этом наступают.

Интересные размышления по этому поводу, перекликающиеся с мнением И.А. Ильина, имеются и у современных теоретиков, например, у К.Х. Момджяна. Он задается вопросом о том, «можно ли считать субъектом деятельности пациента в момент, когда он в состоянии общего наркоза подвергается хирургической операции» и отвечает на него, утверждая, что в подобной ситуации люди лишь исполняют роль объекта, а на самом деле это «люди, «рожденные быть» субъектами во всех иных ситуациях» [5, с. 251]. В самом деле, например, исполнение актером роли орла не лишает его человеческой сущности и не придает ему сущность этой птицы: он вряд ли сможет самостоятельно подняться в воздух и парить там, в ожидании добычи. Здесь мы также имеем дело лишь с временной и приблизительной имитацией поведения другого существа, не лишающегося, при этом, своей родовой сущности.

В-четвертых, И.А. Ильин дополняет понимание субъекта права такой характеристикой, как способность «решать и объявлять свое решение или же обнаруживать его в форме внешних поступков» [3, с. 92]. При этом И.А. Ильин вносит ясность в еще один сложный аспект проблемы понимания субъекта права: он отмечает, что указанную способность не следует называть «волеизъявлением», так как «человеку нередко приходится решать и поступать не так, как это ему подсказывает его интерес» [3, с. 93].

Это тонкое замечание имеет большое значение для правильной трактовки роли и характера воли в поведении субъекта права. Действительно, если ограничиться заявлением о том, что у права имеется волевой характер, то это может привести к серьезному искажению в понимании сущности субъекта права. Есть опасность понимания этого положения в том смысле, что в основе права лежит субъективная воля. Поэтому И.А. Ильин, заменяя термин «волеизъявление» на термин «решение», тем самым стремится минимизировать волюнтаристский момент в поведении субъекта права. Любой субъект (если только он субъект права) действует в условиях, которые задаются объективными правовыми нормами и вынужден соотносить свои поступки с требованиями этих норм.

Позже эта идея была развита С.С. Алексеевым, который подчеркивал, что правоотношения, прежде всего, обуславливаются государственной волей, которая сама определяет, как они связаны с индивидуальной волей. А это означает, что роль индивидуальной воли в правоотношениях нельзя преувеличивать: даже в тех случаях, когда от воли отдельных лиц зависит возникновение правоотношений (например, в случаях договорных обязательств), такая зависимость носит вторичный, производный характер» [1, с. 250].

И, наконец, в-пятых, И.А. Ильин выделяет два вида субъекта права: индивидуальный субъект или

«физическое лицо» и единство многих людей или «юридическое лицо». Он отмечает, что первый из них существует «от природы», а второй является результатом объединения людей. При этом И.А. Ильин указывает на два необходимых условия существования юридического лица. Первое условие: единство цели у объединяющихся людей. Второе условие: общий для всех их интерес [3, с. 93].

В этом отношении самым примечательным для нас является подразделение юридических лиц на две разновидности: корпорация и учреждение. В первом случае люди сами входят в создаваемое ими юридическое лицо, активно действуют в нем и управляют им. Корпорация строится снизу вверх. В случае же с учреждением юридическое лицо «может быть организовано *помимо* тех людей, интересам и целям которых оно будет служить» [3, с. 94]. Оно строится сверху вниз. Здесь ключевым моментом оказывается не самодеятельность входящих в учреждение физических лиц, а решения управляющих учреждением людей.

Значительно позднее, в 1949 году И.А. Ильин применит это разделение видов юридического лица к анализу государства, как «многоголового» субъекта права. Он блестяще продемонстрировал, что принципы построения обоих видов юридического лица в приложении к государству, в конечном счете, приводят к отрицательным последствиям. Доведенный до логического завершения принцип корпорации «погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к *анархии*», а принцип корпорации «погасит всякую человеческую самодеятельность, убьет свободу личности и духа и приведет к *каторге*» [4, с. 100]. Поэтому И.А. Ильин предложил «третий путь», который бы сочетал в себе черты, как корпорации, так и учреждения. По его мнению, в государстве есть дела, «которые могут вестись только по принципу властного предписания, назначения и взыскания», а есть такие, «в которых необходимо самоуправление» [4, с. 102]. Мыслитель верил в то, что будущая российская государственность сумеет найти форму, оптимально сочетающую в себе свойства и корпорации и учреждения, что позволит русскому народу полностью раскрыть свой исторический характер.

В целом, предпринятый анализ пяти основных положений, касающихся представления И.А. Ильина о субъекте права, показывает, что это представление, не смотря на то, что оно сформировалось ужу более ста лет назад, имеет актуальное современное значение. Четкое разграничение им понятий «субъект права», «правоспособность» и «дееспособность» позволяет правильно определить возможности и границы деятельности субъектов права. Мыслитель убедительно показал, что объем понятия «субъект права», с одной стороны, включает в себя только человека, а с другой стороны, не исключает из него никого из людей. Далее, он определил истинную роль волевого аспекта в деятельности субъекта права и показал, каким должно быть оптимальное построение такого специфического субъекта права, как государство. Таким образом, И.А. Ильин осветил все ключевые проблемы, связанные с пониманием субъекта права и определил достаточно обоснованные пути их решения.

Литература

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.

2. Берман П.Ш. Уголовные процессы над животными и неодушевленными предметами (Обзор работы) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право: Реф. журнал/РАН. ИНИОН. М., 1997. N1. С. 42 – 47.

3. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. С. 45 – 147.

4. Ильин И.А. Что есть государство – корпорация или учреждение? // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 98 – 105.

5. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., КД «Университет», 1997. 448 с.

6. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1990. С. 47 – 548.

References

1. Alekseev S.S. Sobranie sochinenij. V 10 t. [+ Spravoch. tom]. Tom 3: Problemy teorii prava: Kurs lekcij. M.: Statut, 2010. 781 s.

2. Berman P.Sh. Ugolovnye processy nad zhivotnymi i neodushevlennymi predmetami (Obzor raboty) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo: Ref. zhurnal/RAN. INION. M., 1997. N1. S. 42 – 47.

3. Il'in I.A. Obshhee uchenie o prave i gosudarstve // Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 4. – M.: Russkaja kniga, 1994. S. 45 – 147.
4. Il'in I.A. Chto est' gosudarstvo – korporacija ili uchrezhdenie? // Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 2. Kn. 1. M.: Russkaja kniga, 1993. S. 98 – 105.
5. Momdzhjan K.H. Vvedenie v social'nuju filosofiju: Ucheb. posobie. M.: Vyssh. shk., KD «Universitet», 1997. 448 s.
6. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra // Soch. v 2 t. T. 1. M.: «Mysl'», 1990. S. 47 – 548.

Krasova E.M.,
Murmansk Arctic State University

THE CONTEMPORARY SIGNIFICANCE OF I.A. ILYIN'S VIEW ABOUT THE AGENT OF LAW

Abstract: the article analyzes the views of I.A. Ilyin on the agent of law, formulated in the early XX century. Ilyin's understanding of the scope and content of the concept of "agent of law" and its relationship with the concepts of "legal ability" and "legal capacity" is studied. I.A. Ilyin's idea of the optimal combination of the individual and state will as well as elements of corporations and institutions in the state are analyzed. The author concludes that all these views have contemporary significance because they can solve complex problems of understanding the subject of law.
Keywords: agent of law, legal ability, legal capacity, corporation, establishment

Ковалева Г.П., кандидат философских наук, доцент,
Кемеровский технологический институт пищевой промышленности

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПТОВ МИР (КОСМОС) И ДУХОВНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА

Аннотация: в данной статье предпринимается поиск эмпирических истоков философии космизма через обнаружение концептов «космос» и «духовность» в античной философии, прослеживание их развития и интерпретаций в истории философской мысли. В философии космизма мир (космос) и духовность являются не только базовыми специфическими понятиями, но и центральными философскими концептами. Космос рассматривается с двух позиций: 1) как реальное материальное явление беспредельной эволюции природы (физическая реальность); 2) как идеальное образование, порожденное интенцией мыслителей на основе имеющегося знания о мире (в сочетании мистической, чувственной, интеллектуальной интуиции и философского мировоззрения). Духовность понимается онтологически, как неотъемлемое свойство природы-космоса и человека.

Ключевые слова: космос, духовность, философия космизма, концепт

На рубеже XX-XXI веков в конструировании моделей мира особое место занимает философия космизма. В последние десятилетия этой философии уделяется повышенное внимание со стороны представителей различных областей науки и культуры. В самом общем виде космизмом принято называть совокупность философских и культурологических направлений, для которых характерна идея единства человека и космоса. Космизм базируется на особом прочувствовании Вселенной, отношении человека к ней (научно-осмысленном, философско-эвристическом или эмоционально-личностном). Все это позволяет говорить о том, что космизм как мировоззрение обусловлен самой природой человека как планетарного и космического существа, строится на принципах системного единства мира и человека. Поэтому «Homo sapiens это всегда Homo cosmicos» [2, с. 7].

Первоначально в истории философии было выделено направление русского космизма. В последние годы историософски границы космизма стали расширяться. Был выделен трансцендентный космизм – направление в космизме, базирующееся на метафизике всеединства и представлениях о трансцендентном первоначале мироздания. В данной статье предпринимается поиск эмпирических истоков философии космизма через обнаружение концептов «космос» и «духовность» в античной философии, прослеживание их развития и интерпретаций в истории философской мысли.

Философские идеи космизма уходят своими корнями в мировоззрение Древнего Мира. Уже в мифологии древности прослеживаются идеи о неразрывной взаимосвязи Жизни, Человека и Мира (древнеиндийские «Веды», учение зороастризма, славянский ведический космизм, древнегреческие мифы и др.). Понятие «мир» имеет разную интерпретацию. В философской традиции мир – это космический Универсум, природа, Вселенная, бытие и т.д. В философских и обыденных представлениях античности мир рассматривался как живой, одушевленный космос (природа), в единстве и противоречивости идеальных и материальных составляющих. Человек являлся органической частью гармонично обустроенного мира.

Первоначально космологические представления о «живой Вселенной» обнаруживаются у античных натурфилософов (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит и др.). В дальнейшем они концептуализировались в космистских учениях Платона, Аристотеля, Плотина и др., развивались мыслителями Средневековья и Нового времени (Ориген, Н. Кузанский, Дж. Бруно, Ф. Шеллинг, Гёте и др.). Идея «живой Вселенной» занимает центральное место в русском космизме (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.).

Первые философские учения космизма носили объективно-идеалистический характер. Эта традиция начинается с Платона – основателя объективного идеализма. Всеединство «живой Вселенной», ее эволюция обусловливались наличием некоего трансцендентного первоначала космического бытия (Единое-Благо), эманирующая энергия которого являлась источником существования и развития мира (Плотин). Уже в философии космизма Платона единый космос разделен на идеальный (умопостигаемый) и материальный (чувственно-постигаемый) мир, связующим звеном между которыми был человек, сочетающий в себе качественность обоих миров. Космическое первоначало и идеальный мир воспринимались человеком как трансцендентное (т.е. выходящее за пределы его жизненного опыта). Поэтому особенностью объективно-идеалистических учений космизма является то, что трансцендентное человеку выступает синонимом идеального.

Античные натурфилософские учения космизма старались объяснить природу из ее самой. Первоначально предметом размышлений у натурфилософов была философия природы, гораздо позднее начались исследования отдельных предметов физического мира. Можно обнаружить, что постепенно астрономическое знание стало частью философских размышлений, наметилось единство философии и зарождающегося естествознания. Понятие «природа» начинает диалектически расслаиваться на противоположности: 1) природа, которая есть, рождается, возникает, существует (видимый материальный мир); 2) сущность природы – как то, что неочевидно, что нужно выявить, найти (умозрительный мир). Таким образом, характерной чертой космизма античности является то, что космос, или природа, трактовалась как гармонично обустроенная целостность, как Универсум, органично сочетающий в себе идеальные и материальные стороны бытия, основой которых является некое трансцендентное первоначало, энергия которого представляет собой творческую, духовную силу, дающую жизнь и направление эволюции всему мирозданию. Человек понимался как единство духовных и материальных составляющих – души (растительной, животной, разумной) и тела. В человеке, как органической части мироздания, проявлялась качественность космоса: эйдос (дух как проявление Единого-Блага и Ума-Нуса), душа (как аспект Мировой Души), тело (как аспект материи, одна из ее форм). Поэтому уже в космистских учениях Платона, Аристотеля, Плотина наблюдается взаимосвязь понятий «космос» и «духовность», что позволяет говорить о космологическом аспекте духовности.

Античные космологические интерпретации мира на основе представлений о всеединстве (единородности) космоса и человека, духовных основах мироздания определили ракурс всей последующей философии космизма. В Средние века христианские мыслители пытались приспособить древнегреческие теоретические схемы к своим практическим нуждам. С позиций креационизма первопричиной мира был Абсолют-Бог, а космосом считались три области: земная жизнь, Божественный рай и ад, находящийся под землей. Духовность понималась в качестве божественного дара, являлась проявлением в человеке Божественного духа. Но поскольку Бог понимался как творец космической природы и человека, то наличие в человеке духовного начала можно трактовать как космологическое свойство. То есть человек изначально сотворен Богом как духовное существо, именно наличием духовности он отличается от представителей животного и растительного мира. Из-за господства христианской теологии, лишь у немногих мыслителей средневековья можно обнаружить отдельные идеи космизма. Например, в творчестве Оригена, Дж. Бруно, Бёме и некоторых других представителей культуры этого периода прослеживается синтез античного космизма с христианским учением.

На научно-философскую картину мира в XVI – XIX вв. повлияла гелиоцентрическая концепция. Вселенную стали понимать не как совокупность однажды сотворенных вечных и совершенных тел, а как совокупность астрономических материальных объектов, взаимодействующих между собой и постоянно эволюционирующих. Механистические трактовки Вселенной привели к мировоззренческому расколу в понимании взаимосвязи мира (Космоса), человека и духовности. В экзистенциальном плане человек оказывается выше природы, «он сам – наилучшая природа, он сам – наивысший абсолютный дух. И это абсолютизирование человеческой личности… – антропоцентризм»[3,с.376]. Натуралистическая традиция господствует и в понимании духовности, которая трактуется как свойство человеческой психики, проявление душевных качеств, как особенности сознания, обусловленные биологическими факторами. Но философия космизма продолжает развиваться. Например, в творчестве Ф. Шеллинга философские идеи космизма увязываются с достижениями естествознания. Космос рассматривается как живое существо, имеющее источником своего существования трансцендентного Абсолюта-Бога, дифференциацией которого являются идеальные и материальные стороны мироздания. С точки зрения Ф. Шеллинга, человек является соединением идеального и материального миров, сочетая в себе эту двуединую качественность космоса. Благодаря наличию в космосе Мировой Души человек способен к интеллектуальной деятельности духовному развитию.

Несмотря на то, что учения космизма зародились еще в Древнем мире, концептуальную целостность они приобрели только в русском космизме. Платоново-шеллингианская традиция представлений о трансцендентном первоначале мироздания, духовных устоях космоса и человека нашла свое дальнейшее развитие в русской метафизике всеединства, родоначальником которой является В.С. Соловьев. Собственно с творчества В.С. Соловьева русская философия вошла в период систем, и самой первой философской системой стала метафизика всеединства. Не случайно последователей этого направления – С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева и др. называют православными метафизиками.

В XX веке в России зарождается направление естественнонаучного космизма, представители

которого (прежде всего, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский), опираясь на достижения частных наук, рассматривали космос в качестве живого организма, а земную жизнь и человека – космическим явлением. К.Э. Циолковский рассуждая о Первопричине космоса, тем самым признавал наличие не только материальной, и трансцендентной, духовной жизни во вселенной. А.Л. Чижевский считал Землю с ее биосферой и человечеством продуктом творческой энергии Солнца и космических тел. Он ввел понятие психической энергии, под которой подразумевал космическую энергию, трансформированную человеком.

Таким образом, между трансцендентным и естественнонаучным космизмом имеются точки соприкосновения. Они выражены не только в общих онтологических взглядах на устройство космоса и место человека в нем (модель макрокосм – микрокосм), но и в том, что основные базовые понятия «космос» и «духовность», начиная с эпохи античности и до настоящего времени приобретают форму философских концептов. Понятие и концепт являются двумя формами мышления. Но если в понятии в строго логической форме отражена качественность предмета, то в концепте содержание понятийных форм расширяется с помощью чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции, окрашивается личностными впечатлениями, ощущениями, переживаниями, домысливанием, порождая на базе уже существующих философских концептов новый авторский концепт. Таким образом «космос» и «духовность» являются не только основными базовыми понятиями философии космизма, начиная со времен античности, но и авторскими концептами мыслителей этого направления. В целом вся философия космизма – это система авторских концептов (космистские учения отдельных мыслителей, труды по их изучению и интерпретации современными представителями научного сообщества). Все эти работы интегрируются на современном этапе в целостное направление – философию космизма.

Таким образом, на протяжении всей философии космизма (начиная с античности и до Нового времени) представления о космосе и духовности соединяли в себе не только натуралистические тенденции, но и метафизические интерпретации. Космос рассматривался не только как физическая реальность, познаваемая на основе естествознания и категориально-теоретического аппарата, но и как живой организм, важнейшей органической составляющей которого является интеллектуально и духовно развивающийся человек. Дух, душа, духовность понимались не только как метафорические аналоги разума, психики, морали и др., но и как проявление качественной специфики космоса в человеке.

Постнеклассическая наука, опираясь на междисциплинарные, комплексные исследованиям объекта, стала включать в свою сферу человека с его способностью к познанию, анализу, творческим преобразованиям. В процессах исследования стали учитываться аксиологические факторы, принцип исторической реконструкции и др. В науке, методологии и философском осмыслении обозначились «человеческие ориентации», тенденции экологизации и гуманизации науки, появляется инвайроментальное (экологическое) направление. Космос начинает рассматриваться с позиций самоорганизации и холизма (целостности), включающей человека. Возрождается интерес к метафизическим трактовкам космоса и духовности. Метафизически духовность понимается в соотнесенности с абсолютными ценностями, ориентируя человека на некий универсальный смысл бытия, на устремления к трансцендентному.

В связи с вновь возросшим интересом к метафизической проблематике, актуализируются исследования философии космизма в его различных версиях. Современных исследователей интересует вопрос: почему русские космисты философско-религиозного направления (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий и др.) на основе православной метафизики отстаивали идею о первичности идеального мира по отношению к человеку и физической природе. Несмотря на то, что их мировоззренческие концепты строились на религиозно-мифологических конструкциях, важно то, что они развивали идеи космического предназначения человека, деятельного отношения людей к миру и др.

Русские космисты естественнонаучного направления (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев, Н.А. Умов и др.) в представлениях о Вселенной опирались на достижения естествознания. Космос и его эволюция трактовались с позиций естественных процессов, как пространственно-временной континуум. Человек рассматривался как продукт эволюции высокоразвитой материи. В своих философских построениях ученые-космисты сочетали естествознание и метафизику, интуитивизм и рациональность. Их учения содержат гуманистическую, идейную и активно-эволюционную направленность, желание использовать энергии космоса на пользу человечества, планеты Земля, всего мироздания.

Если русский космизм представляет собой национальную (горизонтальную) философскую ветвь, то трансцендентный космизм – это интернациональная (вертикальная) ветвь, интегрирующая космистские мировоззрения различных исторических эпох: метафизико-спекулятивный космизм Античности, тео-космизм Средневековья и Нового времени, русский тео-антропокосмизм. Спецификой трансцендентного космизма являются представления о духовности. Именно в трансцендентном космизме онтологически человек рассматривается не просто в рамках модели макрокосм – микрокосм, но с включением духовности как важнейшего параметра универсальной эволюции. Традиционная онтологическая схема расширяется до конструкта: мир (космос) – человек – духовность. Особенностью трансцендентного космизма является так же и то, что в его онтологии обнаруживаются идеи холизма, всеединства, организмизма, энергизма, ноосферы, духовности и др., связывающие это направление с современной концепцией «универсальной эволюции».

Так же специфика этой версии космизма выражена в проблеме трансцендентного, которая на протяжении всей историософии является одной из основных философско-метафизических проблем. В ее рамках ставится вопрос о некоторой находящейся за пределами материального мира идеальной реальности, являющейся первоначалом, первоосновой мира. Например, С.Н. Булгаков прямо заявляет, что «Бог есть трансцендентное» [1, с. 24]. Первооснова, или сверхсущее, рассматривается как цементирующее начало всего существующего, онтологическая основа, обеспечивающая целостность и гармоничность Универсума, возможность природной и духовной эволюции для человека. В проблеме трансцендентного нашли отражение, прежде всего, экзистенциальные потребности людей. Благодаря представлениям о трансцендентном человек способен ощущать себя микрокосмом, включенным в универсальную эволюцию.

Таким образом, представления о космосе и духовности прошли длительную историософскую эволюцию. Современные трактовки космоса базируются на научно-синергетической парадигме, опирающейся на холистическое мировидение, системный подход. Реальность описывается не как совокупность тел в пространстве природы, а как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. То есть современная модель мироздания рассматривает мир (космос) как целостность, она формируется в результате взаимодействия естествознания, философии, культуры, наук о человеке.

В философии космизма мир, или космос продолжает оставаться не только базовым специфическим понятием, но и центральным философским концептом. Он рассматривается с двух позиций: 1) как реальное материальное явление беспредельной эволюции природы (физическая реальность); 2) как идеальное образование, порожденное интенцией мыслителей на основе имеющегося знания о мире (в сочетании мистической, чувственной, интеллектуальной интуиции и философского мировоззрения).

Из античной схемы «макрокосма – микрокосма» начало формироваться мировоззренческое представление о Вселенной как физическом целом, законы функционирования которого доступны для познания человеческим разумом. В ракурсе этой схемы даются современные представления о духовности, хотя истоки этих представлений были заложены еще в эпоху античности Платоном, Аристотелем, Плотином, развивались Оригеном и Ф. Шеллингом, и нашли наиболее яркое выражение в «метафизике всеединства» В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Н.А. Бердяева. Но поскольку духовность у выше обозначенных мыслителей понимается онтологически, как неотъемлемое свойство природы-космоса и человека, то, следовательно, это понятие можно раскрывать с помощью современных методологий на основе рационалистических представлений.

Литература

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994.
2. Демин В.Н. Тайны Вселенной. М.: Вече, 1998.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.

References

1. Bulgakov S.N. Svet nevechernij. M.: Respublika, 1994.
2. Demin V.N. Tajny Vselennoj. M.: Veche, 1998.
3. Losev A.F. Filosofija. Mifologija. Kul'tura. M.: Politizdat, 1991.

Kovaleva G.P., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kemerovo Technological Institute of Food Technology

EXPERIENTIAL ORIGINS OF CONCEPTS OF THE WORLD (SPACE) AND SPIRITUALITY IN THE PHILOSOPHY OF COSMISM

Abstract: in the article the search for empirical origins of the philosophy of cosmism through the discovery of concepts "cosmos" and "spirituality" in ancient philosophy, tracking their development and interpretation in the history of philosophical thought is made. In the philosophy of cosmism world (cosmos) and spirituality are not only the basic specific concepts, but also central philosophical concepts. Space (cosmos) is considered from two perspectives: 1) as a real physical phenomenon the infinite evolution of nature (physical reality); 2) as a perfect education intention generated by thinkers on the basis of available knowledge about the world (combined mystical, sensual, intellectual intuition and philosophical outlook). Spirituality is understood as ontologically, as an inherent feature of the nature of the universe and man.

Keywords: space, spirituality, philosophy of cosmism, concept

Шуралёв А.В., кандидат философских наук, доцент,
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ И СТРУКТУРА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация: автор данной статьи стремится показать, что аграрная жизнь в средневековой Европе обычно протекала в традиционных деревенских общинах, где каждый владел своей частью общинной земли и был у каждого на виду. Община естественное сложившееся надсемейное объединение людей, связанное общими интересами, иногда общностью происхождения, эмоциональным или культурным единством, как земляческая, эмигрантская, религиозная. У каждого народа Европы она имела свое название: марка у немцев, у русских она называлась вервь, у англичан – керла и т.д. В современной Западной Европе религиозные общины составляют по-прежнему немаловажное звено всей системы общественных отношений.

Ключевые слова: религиозные общины, католицизм, протестантизм, православие, нетрадиционные культы, государство и церковь в Западной Европе

Религиозная община, является первичным звеном религиозной иерархии и выполняет всегда роль поддержки религиозной иерархии той или иной религии – вне зависимости от того считается она автономной, возглавляемая советом или избранным лидером, либо она возглавляется ставленником религиозной иерархии. Сплочённость и активность членов религиозной общины, основанной на религиозной вере, позволяет оказывать огромное влияние на окружение, в котором находится община. Всё это способствует распространению той религии, которую представляет религиозная община.

Основателем первой христианской общины в Западной Европе является апостол Петр. В дальнейшем, ее развитию и распространению послужила миссионерская деятельность второго первоверховного апостола церкви Павла, благодаря которому общины появились повсеместно в Римской империи. Первоначально, организационная структура христианской общины представляла священников (пресвитеров, дьяконов, епископов) и мирян. По своему социальному происхождению они происходили как из бедного, так и богатого сословия. Из этих первоначальных общин и создалась первая христианская церковь.

Неспособность Римской империи продолжать поступательное социальное и политическое развитие привела к тому, что около IV века наступила эпоха застоя, но произошло это лишь после создания мощного могущественного института – католической церкви. Хотя ранее христианство представляло собой революционное по духу движение бедных и обездоленных, оспаривающих моральную правомерность существовавшего государства, и было верой меньшинства, согласного на гонения и на смерть в качестве свидетелей Господа, ему суждено было в поразительно короткое время превратиться в официальную религию Римского государства. По мере того, как общественное устройство Римской империи закатывалось, принимая форму феодального строя, начала меняться в течение 1000 лет и социальная структура католической церкви. Теряла свое значение пророческая установка, которая поощряла сомнение и критику в отношении светской власти, попиравшей принципы любви и справедливости.

Католицизм является главным, в современной Западной Европе, традиционным религиозным направлением. К традиционным религиям относятся религиозные комплексы, сохранившиеся на протяжении длительного времени и передающиеся последующим поколениям на определённой территории, среди определённого этноса и общности людей.

Католицизм, распространён среди большинства современного населения Франции, Бельгии, Испании, Италии, Португалии, Ирландии, Австрии, Литвы, Чехии, Венгрии, Словакии, Словении, Хорватии и Мальты. В Нидерландах и Швейцарии католиками считают себя лишь половина населения этих стран[1].

Протестантизм является вторым традиционным религиозным направлением в Западной Европе, вышедшим из недр католицизма. Он возник с разрушением феодализма и победой капиталистических отношений во многих странах Северной Европы. Несмотря на многие различия в религиозном культе и практике, основное же отличие протестантизма от католицизма состоит в уровне развития капитализма в государствах его исповедующих. Протестантизм представлен, прежде всего, в Северной и Северо-Восточной Европе. В странах скандинавского полуострова, Великобритании, Нидерландах, Швейцарии,

Германии протестантизм преобладает перед другими конфессиями.

Православие, как третье традиционное религиозное направление, представлено, прежде всего, в странах Южной Европы: Сербии, Болгарии, Греции. Есть его последователи, также и среди населения в других странах Западной Европы, но в них оно не превалирует, как в первых.

Церковь, как социальный институт, в современной Западной Европе представлен как особый бюрократический аппарат. Это, прежде всего, касается традиционных вероисповеданий. Самой главной бюрократической системой является Ватикан – город-государство, организующий систему деятельности католической церкви в странах и подведомственных ему диоцезах. Католическая церковь, является одной из христианских церквей, отличающаяся строгой централизацией и иерархией, монархический центр – папство, глава – папа Римский. Его Резиденция – Ватикан. Для католической церкви характерно резкое различие между мирянами и духовенством.

В протестантизме единого центра нет. В странах Западной Европы существуют как большие объединения протестантских церквей, которые могут являться государственными, так и маленькие секты, не имеющие никакой структурной организации. Сами протестанты заявляют, что главой их церкви является Иисус Христос, и поэтому не позволяют над собой никой узурпации власти. Хотя некоторые направления, например англиканство, возглавляет английский монарх, а Всемирную Лютеранскую Федерацию её Президент. Большое значение в руководстве протестантскими церквями, имеет, прежде всего, религиозная община. Протестанты всегда считались революционерами, которые воспротивились католической церкви во главе с папой римским. С протестантизмом, также, связано мировое экономическое производство, не только в Западной Европе, но и во всём мире. С разрушением средневековой структуры общества и возникновением современного производства, значение и функция труда сильно изменилась. Это повлияло на всю жизнь протестанта. Вместо деятельности, несущей в себе удовольствие, труд стал обязанностью и мучением. Поэтому, в протестантских странах, процент самоубийств выше, чем в католических странах. Это, прежде всего, связано с тем, что в отличие от протестантизма, католическая церковь воздействует на своих верующих с помощью чувства вины перед богом[2].

Православие в Западной Европе представлено многими центрами. Прежде всего, это Поместные церкви, в лице их руководителей: патриарх Болгарской православной церкви, патриарх Румынской православной церкви, патриарх Греческой православной церкви, и др. Другие подчинены Вселенскому патриарху, как например: Архиепископия православных русских церквей во Франции (была подчинена до 1990 года, а затем перешла в юрисдикцию Русской православной церкви), греческая Митрополия Франции, которая объединяет православных христиан различного этнокультурного происхождения по всей Европе.

Неосновными традиционными религиозными конфессиями в современной Западной Европе, являются ислам, буддизм, конфуцианство.

Ислам, как новый религиозный фактор, заявил о себе в Западной Европе в 60-70 годы XX века. Это связано с изменениями развития этноконфессиональных отношений и либерализацией социальной и экономической политики в отношении стран, бывших ранее колониально зависимыми. В Западную Европу хлынул поток мигрантов, приверженцев ислама. Сегодня они есть во всех странах Европы. До 2000 года их было 13 миллионов человек, 2/3 от их общего числа из арабских стран. По прогнозам статистики, мусульмане к 2020-2050 годам могут достигнуть большинства коренного населения в преобладающем числе западноевропейских стран[3].

Буддизм, как традиционное восточное религиозное направление, в Западной Европе стал широко распространяться с XIX века, образуя его западную разновидность, с сильными тенденциями глобализма. Вначале его распространение происходило на бытовом уровне с активным участием восточных этносов, которые стали проживать в Западной Европе, после завоевания Индии. Во всех западноевропейских странах присутствуют филиалы международной организации «Сока Гаккай»[4]. Самыми старейшими в Западной Европе буддийскими организациями являются: в Германии с 1903 года; в Великобритании с 1907 года; во Франции с 1929 года. В 1955 году в Гамбурге был образован буддийский Союз, который стал объединять все организации подобного рода в ФРГ. Во Франции таким же центром стало общество «Друзья Буддизма», вокруг которого группировались также разные представители философских школ. В Великобритании существуют небольшие буддийские монастыри и храмы, а с 1974 года стала действовать Буддийская Ассоциация, объединяющая всех буддистов Великобритании[5].

Также представлено в Западной Европе и другое традиционное восточное религиозное

направление – конфуцианство. Оно появилось в середине 17 века из-за моды на все китайское, в период, когда началось колониальное закабаление Китая европейцами. Особенно сильно оно стало распространяться из-за увлечения в Западной Европе китайской философией, и продолжалось до начала господства немецкой классической философии. В современной Западной Европе вокруг конфуцианства объединяются многие выходцы из Индокитая[6].

Кроме основных традиционных конфессий, в современной Западной Европе, распространены многочисленные нетрадиционные культы. Причина их распространения в несвободе вероисповеданий, неспособности общества и государства избежать кризисной ситуации в экономике и страх перед всплеском социального протеста. При этом религиозные мотивы могут способствовать активизации и консолидации этого явления, но не порождают его. Настоящий всплеск в развитии неокультов, заставивший сильно говорить о себе в Европе, приходится на 60-70 годы XX века. Апологеты традиционных верований и верующие других конфессий называют нетрадиционные религиозные направления земными прислужниками сатаны. Данные неокульты отличаются от традиционных тем, что они не представлены каким-то одним определенным духовным учением или религиозным воззрением и организацией (сектой, общиной, школой), а включат в себя очень малосовместимые и различно настроенные: оккультные, эзотерические, метафизические учения, практики и концепции[7].

На современную Западную Европу очень повлияла 2 мировая война (1939-1945 гг.), а также новое обострение отношений между Западом и СССР после известной речи У.Черчилля в американском городе Фултоне в 1946 году, положившей начало «холодной войне». Одновременно с этим, в Западной Европе начинается ренессанс морально-этических и гуманистических основ человечности, который ставит себе целью избавить общество от дальнейших эскалаций социалистических революций и возврат к таким западноевропейским ценностям, которые способствовали генерировать религиозные силы в Европе и США. В Великобритании, на основании закона об образовании от 1944 года, были отменены запреты, которые существовали в отношении религиозных организаций и религиозного образования. Это дало возможность многим людям получать религиозное образование. Все, кто смотрел назад в недавнее прошлое, видели только один кошмар века. Поэтому уход в религию многих мужчин и женщин давал шанс обществу Западной Европы противостоять таким лидерам, которые стояли на позиции национализма, тирании и расизма. Пастор Мартин Нимёллер, прослуживший восемь лет в концентрационном лагере, за что европейцы причислили его к героям германского антифашистского Сопротивления, говорил: «мир увидел протестантские церкви Германии, и прежде всего, американские протестанты, которые разглядели в этом надежду для будущей Германии»[8].

В США много германских лютеранских общин увидело в этом начало для собственной деятельности. Победа над Японией была отмечена во всех странах Западной Европы христианскими богослужениями, на которых присутствовали государственные и военные руководители. 13 мая 1945 года в США была издана прокламация, установившая этот день – национальным Днем Молитвы, несмотря на то, что в стране была поддержка тотального разделения церкви и государства.

Все церкви в Западной Европе в послевоенное время имели насущный интерес о внесении новой главы в существующий документ организации Лиги Наций (будущей ООН), касающейся формулировки идеи человеческих прав. Как только данная глава приняла статус закона, стало обыденностью в школах многих западноевропейских стран видеть распятие и другие религиозные атрибуты.

После 2-ой мировой войны в государствах Европы за исключением Греции официально признавался материализм и был распространен атеизм. А также, в странах Западной Европы, кроме Испании и Португалии, в которых выжили диктаторские режимы, существовали демократические государства, и большинство людей в этих государствах, в том числе и в Испании и в Португалии, по-прежнему, являлись приверженцами христианской религии. Но в данное историческое время, впервые за всю многолетнюю историю Западной Европы, ее население было разделено не только по политическому, но и по религиозному признаку. Это, прежде всего, связано с созданием мировой социалистической системы, которую возглавлял СССР. Поэтому, все политические позиции большинства религиозных организаций в период с 1946 года и до начала 1985 года определялись их отношением к капитализму, как «форме христианской цивилизации», с ярко выраженным «антикоммунизмом».

[1] Феррари С.Ц. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель. М. 1998. С. 110 – 130.
[2] Фромм Э., Здоровое общество. М.: ООО «Фирма», Издательство Аст; 1998. С. 486 – 487.
[3] Максаковский В.П. Географическая картина мира. В 2-х книгах. 4-изд., испр.и доп. М.: Дрофа, Кн. 1. 2008. 495 с.; Кн. 2. 2009. 480 с.
[4] Агаджанян А.С. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобального мусульманства // Религия и Глобализация на просторах Европы / под ред. А. Малашенко и С. Филатова: М.: Неостром, 2005. 343 с.
[5] Буддизм. Словарь. М.: Республика / под ред. Н.Л. Жуковская, В.И. Корнев. 1992. 288 с.
[6] Головачёва Л.И., Конфуций о цельности: XII Всероссийская конф. «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2007. С. 128 – 138.
[7] Сердюк Е.Г. Нетрадиционные религии как фактор возникновения и распространения эзотеризма в социуме // Актуальные проблемы в современной науке. 2014. №34. С. 132 – 146.
[8] Чэдвик О. Христианская церковь в холодной войне / Оуэн Чэдвик; Предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; Пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN 978-5-519-51154-4; Шуралёв А.В. Христианская церковь и новый мировой порядок. // Современный ученый. 2017. Т. 2. №1. С. 162 – 176; Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. (монография) ISBN 978-5-519-60499-4.

Литература

1. Агаджанян А.С. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобального мусульманства // Религия и Глобализация на просторах Европы / под ред. А. Малашенко и С. Филатова: М.: Неостром, 2005. 343 с.
2. Буддизм. Словарь. М.: Республика / под ред. Н.Л. Жуковская, В.И. Корнев. 1992. 288 с.
3. Головачёва Л.И., Конфуций о цельности: XII Всероссийская конф. «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». РАН. Ин-т. Дал. Востока. М., 2007. С. 128 – 138.
4. Максаковский В.П. Географическая картина мира. В 2-х книгах. 4- изд., испр.и доп. М.: Дрофа, Кн. 1. 2008. 495 с.; Кн. 2. 2009. 480 с.
5. Сердюк Е.Г. Нетрадиционные религии как фактор возникновения и распространения эзотеризма в социуме // Актуальные проблемы в современной науке. 2014. №34. С. 132 – 146.
6. Феррари С.Ц. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель. М. 1998. С. 110 – 130.
7. Фромм Э., Здоровое общество. М.: ООО «Фирма». Издательство Аст; 1998. С. 486 – 487.
8. Чэдвик О. Христианская церковь в холодной войне / Оуэн Чэдвик; Предисл. и примеч. А.В. Шуралёв; Пер. с англ. А.В. Шуралёв. М.: «Книга по Требованию», 2017. 292 с. ISBN 978-5-519-51154-4.
9. Шуралёв А.В. Христианская церковь и новый мировой порядок. // Современный ученый. 2017. Т. 2. №1. С. 162 – 176.
10. Шуралёв А.В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по Требованию», 2017. 272 с. (монография) ISBN 978-5-519-60499-4.

References

1. Agadzhanjan A.S. Buddizm v sovremennom mire: mjagkaja al'ternativa global'nogo musul'manstva // Religija i Globalizacija na prostorah Evropy / pod red. A. Malashenko i S. Filatova: M.: Neostrom, 2005. 343 s.
2. Buddizm. Slovar'. M.: Respublika / pod red. N.L. Zhukovskaja, V.I. Kornev. 1992. 288 s.
3. Golovachjova L.I., Konfucij o cel'nosti: XII Vserossijskaja konf. «Filosofii Vostochno-Aziatskogo regiona i sovremennaja civilizacija». RAN. In-t. Dal. Vostoka. M., 2007. S. 128 – 138.
4. Maksakovskij V.P. Geograficheskaja kartina mira. V 2-h knigah. 4- izd., ispr.i dop. M.: Drofa, Kn. 1. 2008. 495 s.; Kn. 2. 2009. 480 s.
5. Serdjuk E.G. Netradicionnye religii kak faktor vozniknovenija i rasprostranenija jezoterizma v sociume // Aktual'nye problemy v sovremennoj nauke. 2014. №34. S. 132 – 146.
6. Ferrari S.C. Cerkov' i gosudarstvo v Zapadnoj Evrope: ital'janskaja model'. M. 1998. S. 110 – 130.
7. Fromm Je., Zdorovoe obshhestvo. M.: OOO «Firma». Izdatel'stvo Ast; 1998. S. 486 – 487.
8. Chjedvik O. Hristianskaja cerkov' v holodnoj vojne / Oujen Chjedvik; Predisl. i primech. A.V. Shuraljov; Per. s angl. A.V. Shuraljov. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 292 s. ISBN 978-5-519-51154-4.
9. Shuraljov A.V. Hristianskaja cerkov' i novyj mirovoj porjadok. // Sovremennyj uchenyj. 2017. T. 2. №1. S. 162 – 176.
10. Shuraljov A.V. Religioznye obshhiny i mezhreligioznye otnoshenija v sovremennoj Zapadnoj Evrope. M.: «Kniga po Trebovaniju», 2017. 272 s. (monografija) ISBN 978-5-519-60499-4.

Shuralev A.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sechenov First Moscow State Medical University

THE SYSTEM OF SOCIAL RELATIONS, ITS ELEMENTS AND STRUCTURE IN CONTEMPORARY WESTERN EUROPE

Abstract: the author of this article seeks to show that the agrarian life in medieval Europe was usually spent in traditional village communities, where everyone had their own part of the communal land and were seen by everyone. Community is a natural over family association of people connected by common interests and sometimes common origin, emotional or cultural unity, as compatriot, immigrant, religious. Every nation of Europe had its own name: the mark of the Germans, in Russian it was called the rope, the British – curl, etc. In modern Western Europe, religious communities are still an important part of the whole system of social relations.

Keywords: religious communities, Catholicism, Protestantism, Orthodoxy, nontraditional religions, state and Church in Western Europe

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Падалко Ю.А., кандидат географических наук, научный сотрудник,
Институт степи Уральского отделения Российской академии наук

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации "Русское географическое общество" №08/2017/РГО-РФФИ "Геоинформационный анализ индикаторов эколого-экономической безопасности и оценка ландшафтно-экологической устойчивости природно-хозяйственных систем регионов степной зоны России" (АААА-А17-117041310143-0)

ГЕОГРАФО-ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ СТЕПНОЙ ЗОНЫ РФ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КАРКАСА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы геосистемных основ региональных производственно-хозяйственных систем. Целью работы является выделение границ географо-гидрологических структур геосистемы и их роли в формировании регионального и производственно-хозяйственного каркаса территории степной зоны Российской Федерации на примере ключевых регионов: Оренбургской, Саратовской и Ростовской областей. В разрезе речных бассейнов проведён анализ системы расселения и аллокации крупных промышленных центров.

Ключевые слова: географо-гидрологическая структура, речной бассейн, система расселения

Территория любой страны или региона служит как базисом жизнедеятельности населения, так и основой хозяйственной деятельности. Важными свойством территории является обеспечение пространственного объединений взаимосвязи географических объектов, образования геосистем и социально-экономических комплексов, районов и регионов. Природные объекты играют важную роль в построении каркаса геосистемных взаимосвязей, а также пространственного обособления территорий. Из всех природных объектов именно рельеф и гидрологические объекты чаще всего образуют структуру на основе которой формируются геосистемы, так как они обеспечивают объединение её компонентов за счет потоков вещества и энергии. Поэтому при исследовании устойчивости геосистем, в том числе природно-хозяйственных систем на региональном уровне необходимо первоначально выделить географо-гидрологическую структуру территории.

Материалы и методы

Проведение исследований по выделению границ географо-гидрологических структур геосистем степной зоны РФ основывается на применении бассейнового принципа [1]. Он базируется на главных компонентах геосистем (и природно-хозяйственных систем), включая геоморфологическую, геологическую, историко-этническую, социально-экономическую основы. Региональная организация анализировалась в аспекте согласованности территориальных социально-экономических систем природных рубежей [2].

Основой для проведения исследований послужили цифровая модель рельефа местности и гидрографические сведения по модельным регионам. Для регионального анализа производился по цифровой модели рельефа, построенной на базе данных SRTM 3 с разрешением в три угловых секунды или примерно 90 м на местности в одном (точке) пикселе. Генерализированное разрешение цифровой модели территории для регионов исследования позволило обработать и получить систему речных бассейнов обширное пространство регионов и их смежных участков.

В процессе работы применялись программные продукты MapInfo 11.5 с приложением VerticalMapper 3.1 и программа SAGA GIS. Построение цифровой модели местности по радарным данным дистанционного зондирования и гидрологической модели территории осуществлялось в SAGA GIS 2.1.

На этой основе было проведено выделение границ географо-гидрологических структур геосистем степной зоны Российской Федерации ключевых регионов и их схематизация с использованием приёмов бассейнового районирования территории (Оренбургской, Ростовской и Саратовской области).

Отобраны параметры географо-гидрологической структуры характеризующие степень ландшафтно-экологической устойчивости модельных территорий. Параметры включают: бассейновую диверсификацию (однобассейновость и т.д.), наличие районов внутреннего стока, положение в бассейновой структуре территории

(относительно водоразделов и речных долин), гидрографичность ядра региона. На основе отобранных показателей дана характеристика по каждому из модельных регионов.

Результаты и обсуждение

Территория модельных регионов относятся к следующим крупным географо-гидрологическим структурам: область внутриконтинентального стока материка Евразия (включая водосборы рек Каспийское моря), бассейны рек Атлантического (р. Дон) и Северно-Ледовитого океана (р. Тобол – р. Обь) и небольшие бессточные районы (табл. 1, Рис.1).

Таблица 1

Сведения по бассейнам рек ключевых регионов

Регион	Речные бассейны	Доля площади речного бассейна в территории региона, %
Оренбургская область	Урал	63
	Волга	31
	Тобол (Обь)	2
	Бессточные районы	4
Саратовская область	Волга	55,4
	Дон (Хопёр)	31,3
	Бессточные районы	13,3
Ростовская область	Дон	90,7
	Бассейны р. Кубань и рек Азовского моря	9,3

Оренбургская область располагается в трёх речных бассейнах и на участки бессточной области с пересыхающими водотоками и озёрами. Бассейн р. Урал для региона является основным для региона, он занимает более 50 % территории и сосредоточено социально-экономическое ядро региона. Региональный центр основан в гидрографическом плане на главной реке, вместе, где река принимает крупный приток.

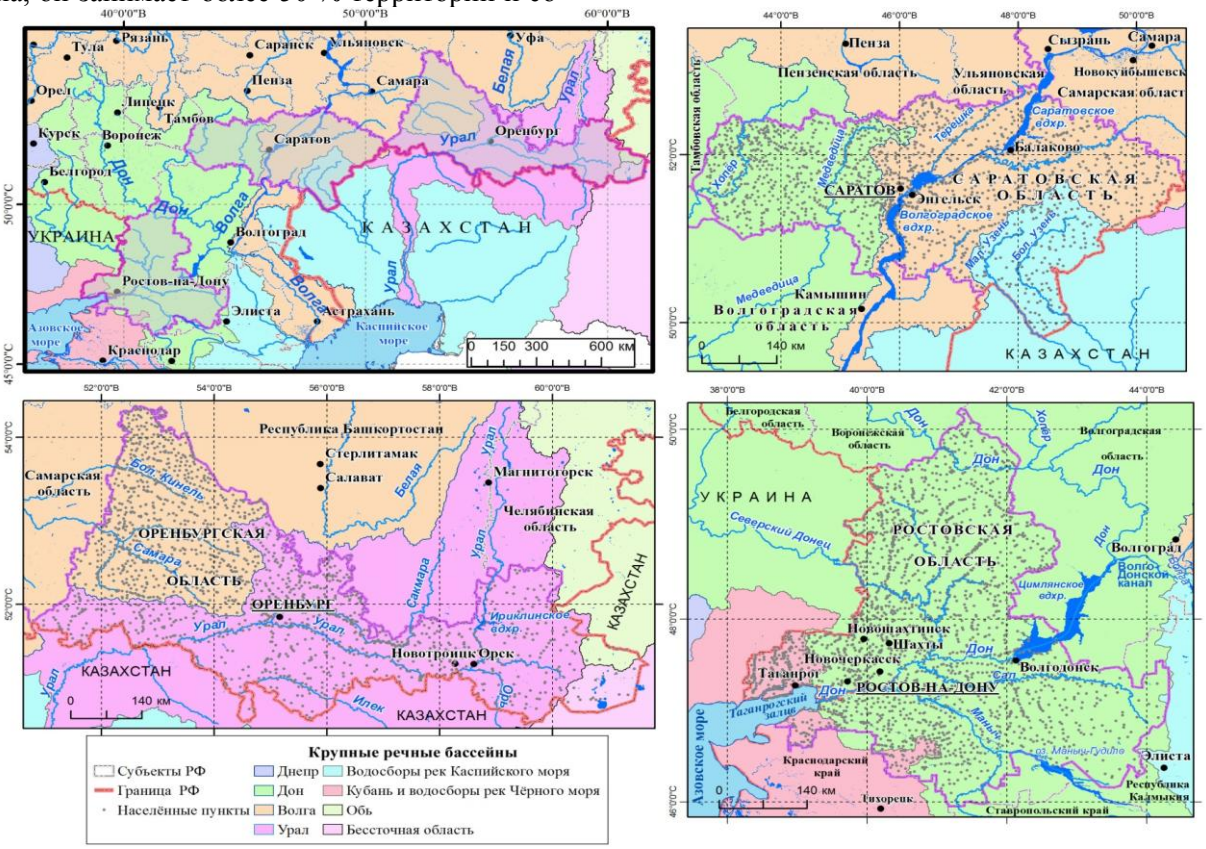


Рис. 1. Речных бассейнов и система расселения (сеть населённых пунктов) модельных регионов

Но с другой стороны центр не отдалён от водораздела смежного речного бассейна, с долей более одной четверти от площади региона.

В социально-экономическом аспекте, в бассейне р. Урал находятся крупные города региона и промышленные центры (Оренбург, Орск, Новотроицк, Кувандык, Медногорск) и гидроэнергетический узел – Ириклинское водохранилище с ГЭС и ТЭЦ. Численность население проживающего на территории бассейна составляет более 1,5 млн человек [4]. Количество сельских населённых пунктов не отличается большой разностью между двумя речными бассейнами (табл. 2). При этом в сравнении с бессточной областью и водосбором истока р. Тобол наглядно иллюстрирует необходимость водных ресурсов в социально-экономическом развитии территории.

Таблица 2

Характеристика расселения в разрезе речных бассейнов Оренбургской области

Речной бассейн	Площадь участка речного участка в пределах региона, км^2	Количество населённых пунктов	Густота поселений в пределах участка речного бассейна, (количество населённых пунктов на 100 км^2)
Урал	78120	899	1,1
Волга (р. Самара)	38440	808	2,0
Тобол	4960	14	0,2
Бессточная область	2480	6	0,2

Несмотря на большую численность населения в бассейне р. Урал, плотность сельских поселений больше в Волжском бассейне. Одной из причин такой разницы является существенная разница в большем значение поверхностного стока приходящей на единицу территории так и историей освоения этой части региона [3, 5]. Система расселения повторяет направленность гидрографической сети, и преобладает широтное простирание населённых пунктов.

Часть границ региона проходит по гидрологогеоморфологическим объектам. Государственная граница Российской Федерации с Казахстаном протяженностью 193 км демаркирована по водным объектам, руслу рек Урал и Илек. Разграничение территории между Оренбургской областью субъектами РФ и Казахстаном проходит водоразделу р. Урал или непосредственной близости от него.

Саратовская область большой частью лежит в пределах бассейна р. Волга. В нем располагается социально-экономическое ядро региона, и областной центр. Река, точнее каскад водохранилищ: Саратовское и Волгоградское составляют основную транспортно-промышленную хорду региона. Саратовское водохранилище выступает также энергетическим узлом, здесь действует помимо гидроэлектростанции, атомная электростанция (Балаковская АЭС).

Наибольшее количество населения сосредоточено в крупных городах вдоль водохранилищ и в его окрестностях (Саратов-Энгельс, Маркс, Балаково, Вольск). В бассейне р. Дон притоки также имеют меридиональную направленность, что отражается на системе расселения. В системе расселения Саратовской области повторяется ситуация, когда в основном бассейне, густота населённых пунктов меньше, чем в смежном речном бассейне с меньшой долей в площади региона (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика расселения в разрезе речных бассейнов Саратовской области

Речной бассейн	Площадь участка речного участка в пределах региона, км^2	Количество населённых пунктов	Густота поселений в пределах участка речного бассейна, (количество населённых пунктов на 100 км^2)
Волга	55510	875	1,6
Дон (р. Хопёр)	31362	677	2,1
Область внутреннего стока	13326	207	1,5

В административных границах Саратовской области признаки гидрографических рубежей объектов не отмечается.

Ростовская область почти полностью расположено в бассейне р. Дон, только менее 10% территории расположено на водосборах небольших рек Азовского моря и участке бассейна р. Кубань. Об-

ластной центр Ростов-на-Дону – город миллионер по численности населения расположен на главной реке в небольшой удаленности от её устья в Азовском море. Река Дон несколько раз пересекает границы региона, поэтому основная направленность вдоль главной реки прослеживается только на юге региона. Крупные населённые пункты расположены на р. Дон (Ростов-на-Дону, Волгодонск, Новочеркасск), часть других тяготеют к морскому побережью (Азов, Таганрог) и привязаны к крупным месторождениям полезных ископаемых (Шахты, Новошахтинск).

Сельские поселения в основном располагаются на притоках р. Дон, на севере региона в расселение отмечается меридиональная направленность, а на юге широтная в зависимости от азимута притоков. Ближе к морскому побережью происходит переориентация на береговую линию. Основная часть поселений сосредоточено в бассейне р. Дон, но густота выше населенных пунктов выше бассейне р. Кубань небольших бассейнах рек Азовского моря (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика расселения в разрезе речных бассейнов Ростовской области

Речной бассейн	Площадь участка речного участка в пределах региона, км^2	Количество населённых пунктов	Густота поселений в пределах участка речного бассейна, (количество населённых пунктов на 100 км^2)
Дон	91425	2318	2,5
Бассейны р. Кубань и рек Азовского моря	9375	321	3,4

В границы Ростовской области отмечается использование гидрографических рубежей для демаркации направления на местности. В основном используется водораздельная линия на границе с Республикой Калмыкия и Краснодарского края, часть государственной границы соседним государством проведена по руслу р. Северский Донец.

На основе общего геоинформационного анализа бассейновости социально-экономического региона по методики А.И. Зырянова были рассчитаны однобассейновость и гидрографичность ядра региона, центриситет и бассейновость регионов (табл. 5).

Таблица 5

Параметры бассейновости модельных регионов

Параметры	Оренбургская область	Саратовская область	Ростовская область
Однобассейновость	65	50	91
Гидрографичность ядра	100	100	100
Центриситет	100	90	32
Бассейновость	265	240	123

Составлено по данным [2]

Полученные результаты анализа свидетельствуют о высоком показателе бассейновости для Оренбургской области, меньше для Саратовской и Ростовской области. В последнем случае важно отметить, что доля бассейна в площади региона не имеет значения.

Заключение

Установлена существенная роль географо-гидрологической структуры в формировании регионального и производственно-хозяйственного каркаса территорий. Отобраны параметры географо-гидрологической структуры характеризующие степень ландшафтно-экологической устойчивости наиболее перспективных для многоаспектных эколого-экономических исследований и управления безопасностью окружающей среды регионов степной зоны России. Разработанная геоинформационная система с базой данных атрибутивных сведений и картографический материал позволяют наглядно показать географо-гидрологическую структуру территории ключевых регионов.

Литература

1. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. Иркутск:Изд-во Института географии СО РАН, 2001. 163 с.
2. Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества. Пермь, 2006. 372 с.
3. Богданов С.В., Мелешкин Д.С. Дефинитивные возможности гидронима Поуралье в географическом районировании Южного Урала и Северного Прикаспия // Бюл. Оренб. науч. центра УрО РАН: науч. электрон. журн., 2012. №4. С. 2. URL: http://elmag.uran.ru
4. Чибилёв А.А. (мл.) Эколого-рекреационные аспекты трансграничного взаимодействия регионов бассейна реки Урал // Проблемы региональной экологии. 2011. №5. С. 72 – 77.
5. Чибилёв А.А. (мл.), Семёнов Е.А. Григоревский Д.В. Проблемы и специфика сельского расселения в Оренбургской области // Вестник ВГУ. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2016. №1. С. 34 – 38.

References

1. Korytnyj L.M. Bassejnovaja koncepcija v prirodopol'zovanii. Irkutsk:Izd-vo Instituta geografii SO RAN, 2001. 163 s.
2. Zyrjanov A.I. Region: prostranstvennye otnoshenija prirody i obshhestva. Perm', 2006. 372 s.
3. Bogdanov S.V., Meleshkin D.S. Definitivnye vozmozhnosti gidronima Poural'e v geograficheskom rajonirovanii Juzhnogo Urala i Severnogo Prikaspija // Bjul. Orenb. nauch. centra UrO RAN: nauch. jelektron. zhurn., 2012. №4. S. 2. URL: http://elmag.uran.ru
4. Chibiljov A.A. (ml.) Jekologo-rekreacionnye aspekty transgranichnogo vzaimodejstvija regionov bassejna reki Ural // Problemy regional'noj jekologii. 2011. №5. S. 72 – 77.
5. Chibiljov A.A. (ml.), Semjonov E.A. Grigorevskij D.V. Problemy i specifika sel'skogo rasselenija v Orenburgskoj oblasti // Vestnik VGU. Voronezh: Izd-vo VGU, 2016. №1. S. 34 – 38.

Padalko Yu.A., Candidate of Geographic Sciences (Ph.D.), Research Officer,
Institute of Steppe of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences

GEOGRAPHICAL AND HYDROLOGICAL STRUCTURES OF THE STEPPE ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF THE REGIONAL AND INDUSTRIAL-ECONOMIC FRAMING OF THE TERRITORY (ON THE EXAMPLE OF MODEL REGIONS)

Abstract: in the article the questions of geosystemic bases of regional production and economic systems are considered. The purpose of the work is to identify the boundaries of the geo-hydrological structures of the geosystem and their role in the formation of the regional and production-economic framework of the territory of the steppe zone of the Russian Federation by the example of key regions: Orenburg, Saratov and Rostov regions. In the context of river basins, an analysis was made of the system of settlement and allocation of large industrial centers.

Keywords: geographic and hydrological structure, river basin, settlement system

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бикчинтаева Л.Г., доцент,
Уфимский ЮИ МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ПОДЛЕЖАЩИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ

Аннотация: рассматриваются специфические особенности оказания психологической помощи лицам, подлежащим государственной защите, со стороны оперативных сотрудников. Представлены теоретические подходы к психологическому сопровождению защищаемого лица и рекомендации по осуществлению кризисной психологической помощи защищаемым лицам.

Ключевые слова: кризисное состояние, психологическое сопровождение защищаемого лица, кризисная психологическая помощь, экстренная «допсихологическая помощь»

Психологическое обеспечение лиц, подлежащих государственной защите, в процессе осуществления мер безопасности является одним из основных вопросов современной деятельности подразделений по обеспечению безопасности данной категории лиц. Выделяют следующие психологические проблемы осуществления мер безопасности в отношении защищаемых лиц: организацию взаимодействия сотрудников с защищаемым лицом, осуществление личной охраны, обеспечение конфиденциальности [7], обоснование переселения на другое временное или постоянное место жительства, участия в уголовном судопроизводстве лиц, находящихся в кризисном психическом состоянии [8].

Кризисные состояния, переживаемые защищаемыми лицами, являющиеся следствием резких изменений условий жизни, в теории психологии относятся к ненормативным кризисам. Ненормативные кризисы развития рассматриваются психологами как следствие случайных, непредвиденных или сверхнормативных событий: выделение этого типа кризисов обусловлено пониманием того, что «естественное», нормативное развитие в любой момент может быть нарушено возникновением незакономерной жизненной ситуации, которая предъявит к личности требования, превышающие ее обычный адаптивный потенциал. Психолого-психиатрические исследования показали, что наиболее длительной, интенсивной и разрушительной оказывается реакция пострадавшего на человеческий стрессор, то есть угрозу, исходящую от людей. Следовательно, экстремальная ситуация социального характера, разрушительно воздействуя на личность, дезорганизует поведение защищаемого лица, вызывая личностные изменения на когнитивном, эмоциональном, поведенческом уровнях.

Организация и осуществление психологического сопровождения защищаемого лица относится к одной из основных функций подразделений государственной защиты [13]. В рамках реализации мер безопасности защищаемого лица проведение с ним психореабилитационных мероприятий, оказание психологической помощи возможно ведомственными специалистами – психологами. Для профильной психологической помощи защищаемым лицам, находящимся в кризисном состоянии, наиболее приемлемой моделью является психологическое сопровождение – особый пролонгированный, специально организованный процесс, направленный на выход лица из негативного кризисного состояния. Средства помощи, которыми могут воспользоваться профессионалы – практические психологи, в психологическом сопровождении защищаемых лиц достаточно разнообразны и определяются ими соответственно исходной ситуации. В частности, широко практикуется психотехника «кризисное вмешательство» (кризисная интервенция), заключающаяся в том, чтобы защищаемое лицо смогло обрести контроль над ситуацией, обратиться к своим ресурсам (внутренним и внешним). Кризисное психологическое вмешательство часто предполагает однократную интервенцию, включающую выявление психотравмирующих переживаний, создание условий для их отреагирования, улучшение актуального состояния и формирование образа позитивного будущего у клиента, и должно быть направлено на усиление (перестройку) психологической защиты и укрепление личностных ресурсов клиента [6, 7].

Вследствие отсутствия должностей ведомственных психологов в подразделениях по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, задачи оказания психологической помощи и реабилитации фактически в той или иной степени возлагаются на оперативных сотрудников [10, с. 26-32]. Психологическое сопровождение защищаемого лица В.Е. Петровым определяется как совокупность организационных и

психопрактических мероприятий, направленных на предотвращение нарушения внутренней устойчивости личности и социальной общности, нормального течения психической жизни лица, подлежащего государственной защите, его поведения под влиянием нежелательных и социально вредных последствий, связанных с участием данного человека в раскрытии преступлений. Таким образом, в этом авторском подходе реализуется более широкое представление о психологическом сопровождении защищаемого лица, включающее три направления (уровня): организационное, социальное, личностное.

Совершенствование психологического сопровождения, преодоление проблемных моментов в реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц возможно, на наш взгляд, при учете основных психологических аспектов, связанных с деятельностью субъекта, объекта и видами психологической помощи. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Сотрудник подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, как субъект оказания психологической помощи защищаемому лицу ввиду специфики деятельности постоянно находящийся рядом с человеком, получившим психологическую травму, в то же время не является ни профессиональным психологом, ни психиатром. Но, представляясь представителем профессии типа «человек–человек» независимо от уровня профессионального мастерства и наличия специальных психологических знаний, по роду своей деятельности он обязан развить свои коммуникативные навыки и грамотно использовать техники психологического консультирования в своей работе, помогая защищаемым лицам [4, с. 37-39]. Важнейшим аспектом профессионализма сотрудника подразделений госзащиты, согласно авторскому подходу Т.В. Гавриловой и С.Р. Салпагаровой, являются в первую очередь развитые коммуникативные характеристики специалиста: общие навыки общения, развитая общительность, умение вступать в контакт, установление доверия со стороны объектов защиты, навыки задавать вопросы, использование средств невербальной коммуникации, общение с трудными людьми в напряженных, конфликтных ситуациях, собственное уверенное поведение [2, с. 23-24]. Данный подход вписывается в теорию «помогающего общения» – специфического вида общения с людьми – представителями различных профессий, которые должны делать это грамотно, чтобы сохранить свое здоровье и не навредить собеседнику. При оказании помощи с использованием помогающего общения применяются базовые техники психологического консультирования (активное слушание, «здесь и сейчас», самораскрытие и др.).

Лицо, подлежащее государственной защите, как объект психологической помощи выступив в роли невольного свидетеля или потерпевшего, объективно испытывает большую психологическую нагрузку, стресс, страх, фрустрацию, неуверенность в личной безопасности и т. п. Дополнительную психическую травматизацию также несут воздействующие на психику мощнейшие стресс-факторы (особенно, если в целях сохранения жизни потерпевшего или свидетеля возникает необходимость в смене их места работы, учебы, замене документов, изменении внешности и переселении их на другое место жительства). Реализация мер безопасности требует анализа и учета индивидуально-личностных особенностей защищаемых лиц, которые, как правило, находятся в стрессовом состоянии и нуждаются в психологической помощи. Наиболее удачный анализ личности защищаемого лица, по мнению А.А. Тагановой, заключается в следующей схеме психологического портретирования: в учете индивидуально психологических, возрастных, гендерных (половых), этнических особенностей защищаемого лица, его юридического статуса, а также наличии девиантного поведения и форм его проявления [12, с. 10-11]. В.Е. Петров заостряет внимание на одной из сложных и актуальных проблем психологического сопровождения лиц, имеющих психические отклонения, – социально-личностных и психических расстройствах.

В моделях экстренной помощи защищаемым лицам ключевым понятием является понятие кризиса, понимаемого как состояние, при котором нарушены психологическое равновесие, и привычные средства бессильны его восстановить; дистресс, вызванный кризисом, приводит к нарушениям жизнедеятельности; проявляющиеся во время кризиса дисфункциональные реакции не являются патологическими и необратимыми, поэтому помощь нацелена на действие в ситуации «здесь и сейчас», а одним из ключевых принципов остается ожидание нормального восстановления большинства потерпевших. Предполагается, что в состоянии кризиса люди проходят через фазу нарушения психологического равновесия на пути к новому равновесию [14, с. 6-25].

Вид специфической помощи, оказываемой сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, системы МВД России, можно отнести к «полупрофессиональным видам помощи» [5], так как она оказывается сотрудником полиции, не являющимся профессиональным консультантом в рамках своих профессиональных обязанностей,

носит неотложный характер и осуществляется в контексте решения других важных проблем. Ведущая роль коммуникативной подструктуры в психологической структуре профессиональной деятельности сотрудников подразделений госзащиты прежде всего требует компетентности в вопросах тактики установления психологического контакта и развития доверительных отношений с защищаемыми лицами. Основой оказания психологической помощи сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, системы МВД России Т.В. Гаврилова и С.Р. Салпагарова признают логическую аргументацию, включающую в себя разъяснение, внушение, эмоциональное воздействие, изучение и коррекцию личности, дидактические и риторические приёмы, а также некоторые способы оказания помощи при обычных реакциях на стресс [2, с. 23-27].

В целях совершенствования психологического сопровождения мер безопасности в работе с защищаемыми лицами В.Е. Петров предлагает следующие рекомендации: достижение понимания, снятие психологического напряжения, предотвращение конфликтов, диагностику собеседника, взаимодействие на перспективу, обеспечение безопасности самого сотрудника. С учетом вышеизложенных особенностей субъекта, объекта, специфики помощи основой успешного осуществления психологического сопровождения защищаемых лиц может служить система первой психологической помощи (известной так же, как первая эмоциональная помощь). Первая психологическая помощь определяется большинством профессионалов сферы психического здоровья как «специфический набор навыков, используемых либо непрофессионалами, прошедшими тренинги, либо специалистами в области психического здоровья, либо сотрудниками спасательных служб для обеспечения поддержки лицам, пострадавшим от кризиса или чрезвычайной ситуации», и направлена на достижение стабилизации у пострадавших; уменьшение уровня дистресса; удовлетворение основных потребностей; оказание помощи в решении основных проблем и восстановлении контроля над ситуацией; при желании или в случае необходимости – на обеспечение пострадавшим доступа к другим ресурсам [15, с. 24-37].

Т.С. Павловой при обзоре стратегий оказания кризисной психологической помощи описаны основные требования к оказанию первой психологической помощи. Идея данной помощи, по аналогии с медицинской помощью, заключается в раннем вмешательстве и предложении эмпатической поддержки для активации адаптивных стратегий совладания. К основным принципам оказания первой психологической помощи отнесены: основание об уязвимости и устойчивости к травматическим событиям; применимость к полевым условиям; применимость для работы с различными возрастными группами; культуральная гибкость. Выделяются следующие важные действия при оказании первой психологической помощи: установление контакта, обеспечение безопасности, стабилизация эмоционального состояния, помощь в решении проблем, обеспечение практической помощи, активация сетей социальной поддержки, активация адаптивных видов копинга, направление в необходимые организации [12, с. 95-102].

Н.Э. Агазаде, исходя из собственного практического опыта и литературных данных, суммирует основные аспекты оказания помощи в следующем виде: первая психологическая помощь является отдельным вмешательством, которое оказывается при очевидной для этого необходимости; должна быть оказана при утрате лицами контроля над своим поведением и эмоциональными реакциями, не соответствующими их личностным особенностям. Помощь, включающая компоненты физической защиты и обеспечения собственной безопасности, должна быть оказана независимо от желания лица принять ее. Также успешное оказание первой психологической помощи предполагает продолжение обеспечения поддержки. Согласно мнению автора, первая психологическая помощь обычно состоит из следующих этапов: наблюдения за ситуацией с ее последующей оценкой и обследованием пострадавшего; обеспечения доступа к пострадавшему, налаживания доверительного контакта; обеспечения пострадавшим безопасности и защиты от любого вреда, включая аутоагрессию; при необходимости – поиска возможностей оказания неотложной медицинской помощи; удовлетворения основных потребностей; стабилизации эмоционального состояния и уменьшения действия внешних стимулов; информационного обмена; оказания помощи в решении практических вопросов; налаживания связи со службами социальной поддержки; проведения базового тренинга копинг-стратегий; непрерывной связи со службами поддержки и перенаправления; сохранения человеческого достоинства в условиях кризиса [1].

По мнению А.Д. Демкина и И.И. Дорофеева, во-первых, психологические нарушения пострадавшего расцениваются как результаты травмы, а симптомы являются его реакцией на дистресс; во-вторых, пострадавшему необходимо выражать поддержку минимумом слов, подкрепляя ее невербальными средствами – физическим контактом, мимикой, жестами; в-третьих, оказывающему помощь следует принять позицию гибкости и внимания ко всем психологическим проявлениям

у пострадавших; поддержка и симпатия выказываются пострадавшему вне зависимости от содержания материала, который он излагает; любые оценки и осуждения действий и мыслей пострадавшего категорически недопустимы; в-четвертых, необходимо поддерживать вербализацию переживаний пострадавшего прежде всего методом активного эмпатического слушания: в рамках этой техники используются повторение вслух фраз пострадавшего, краткий пересказ его изложения с просьбой уточнить или разъяснить отдельные моменты, выдерживание паузы с невербальной демонстрацией внимания к пострадавшему (кивание головой, жесты руками, «раскрытие» позы в направлении пострадавшего, сокращение дистанции с пострадавшим); в-пятых, если есть необходимость задать вопросы, то они формулируются таким образом, чтобы подкреплять самооценку пострадавшего; в-шестых, все инструкции и сообщения пострадавшему необходимо выдавать в простых, понятных и четких формулировках [3]. Концепция модели первой психологической помощи для сотрудников правоохранительных органов, согласно авторскому подходу, может состоять из нескольких базовых модулей, два из которых обязательны для всех пострадавших, независимо от их желания (обязательные модули: обеспечение у пострадавшего чувства безопасности и контроля над ситуацией и обеспечение базовых физиологических потребностей пострадавшего). К мероприятиям, проводящимся по желанию пострадавшего, отнесены: первичная оценка состояния пострадавшего, первая психологическая помощь и социальная поддержка.

Таким образом, первая психологическая помощь рассматривается не как психотерапия, а как вмешательство, ориентированное на удовлетворение базовых потребностей защищаемого лица, обеспечение социальной поддержки, содействие продолжению оказания помощи. Сотрудник также должен уметь в кратчайшее время оказать первую помощь защищаемому лицу при резко возникших эмоциональных реакциях деструктивного характера. Экстренная психологическая помощь – это краткосрочная помощь после сильного негативного стрессогенного воздействия (дистресса). Данная психологическая помощь заключается в психологических поддержках. А.А. Таганова утверждает, что именно психологические поддержки (коммуникативная, телесная, физическая, деловая, эмоциональная) со стороны сотрудника для защищаемого лица создают атмосферу доброжелательности, покоя и уверенности в своих силах, способствуют снижению тревоги и остроты переживания и в редких случаях выходу из данных состояний полностью [12, с. 124-139]. Регулируется психическое состояние сотрудником посредством общения с защищаемым лицом или обособления его; контролирования его мыслей, которые могут воплотиться в действия; занятия его какой-либо работой.

Затруднение у сотрудников могут вызвать проявления у защищаемых лиц крайне выраженных признаков острых стрессовых расстройств, обусловленных особенностями экстремальных ситуаций, внезапно возникших, угрожающих или субъективно воспринимающихся защищаемым лицом как угрожающие жизни, здоровью, личностной целостности, благополучию. От сотрудника органов государственной защиты, не обладающих психологическим образованием, требуется овладение элементарными психотехниками, приемами экстренной «допсихологической» помощи с целью кратковременного облегчения последствий данных ситуаций для защищаемого лица. При оказании данного вида помощи следует руководствоваться рекомендациями по оказанию краткосрочных мер регуляции актуальных психологических и психофизиологических эмоциональных состояний: страха, тревоги, плача, истерики, апатии, чувства вины, злости, гнева, неконтролируемой дрожи, двигательного возбуждения. Рекомендации по оказанию экстренной «допсихологической» (по аналогии с первой доврачебной) помощи представлены Ю.С. Шойгу [11, с. 21-24]. Так, помощь при плаче заключается в том, чтобы выразить человеку свою поддержку и сочувствие, и не обязательно делать это словами: можно просто сесть рядом, приобнять человека, поглаживая по голове и спине, дать ему почувствовать сочувствие и сопереживание, держа его за руку. Иногда протянутая рука помощи значит гораздо больше, чем сотни сказанных слов. В то же время слезы – это способ выплеснуть свои чувства, и не следует сразу начинать успокаивать человека, если он плачет.

Реальная помощь лицу, подлежащему государственной защите, требует от сотрудника органов защиты элементарных знаний в области психологии, психиатрии, особенностей переживания кризиса, поведенческих проявлений острых кризисных состояний. Желательно, чтобы рядом с защищаемым лицом находились люди (психологи, психиатры, психотерапевты), способные в этот период психологически грамотно оценить ситуацию, предвосхитить последствия принимаемых им решений, действий, осуществлять текущий и опережающий контроль, эффективно оказать психологическую помощь с оптимальным учетом индивидуально-психологических особенностей лица, подлежащего государственной защите.

Литература

1. Агазаде Н.Э. Первая психологическая помощь в доклинической практике [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. №2 (19). URL: http://medpsy.ru (дата обращения: 16.01.2017)

2. Гаврилова Т.В., Салпагарова С.Р. Методика экспресс-оценки и стабилизации психологического состояния защищаемого лица при осуществлении мер безопасности: методические рекомендации. М., 2015. С. 23 – 24.

3. Демкин А.Д., Дорофеев И.И. Концепция первой психологической помощи при профессиональном дистрессе сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] URL: http://www.town812.ru/psichologicheskaya-pomosh.shtml (дата обращения: 18.01.2017)

4. Лютова-Робертс Е.К. Техники психологического консультирования в повседневной жизни. СПб.: Речь, 2010. С. 37 – 39.

5. Лютова-Робертс Е.К., Монина Г.Б. Основы помогающего общения в условиях кризиса. [Электронный ресурс] Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета» URL: http://psy.su/feed/2255/(дата обращения: 20.01.2017).

6. Никольская И.М. Кризисная психологическая помощь в совладании с переживанием утраты близкого: учебное пособие. СПб.М.: Речь, 2016. 80 с.

7. О деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, в современных условиях: экспресс-информация. Выпуск 6. Домодедово: ВИПК МВД России, 2014.

8. Опыт организации работы по защите свидетелей Государства Израиль и Словацкой Республики (по материалам XI международного практического учебного курса для российских специалистов по вопросам защиты свидетелей в рамках уголовного судопроизводства): экспресс-информация. Выпуск 10. Домодедово: ВИПК МВД России, 2014.

9. Павлова Т.С., Банников Г.С. Система оказания кризисной психологической помощи субъектам образовательной среды (опыт США) // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 95–102.

10. Петров В.Е. Проблемы осуществления мер безопасности в отношении защищаемых лиц, имеющих социально-личностные и психические расстройства (психологический аспект): методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2014. С. 26 – 32.

11. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. С. 21–24.

12. Таганова А.А. Вопросы психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности подразделений государственной защиты. Краснодар: КрУ МВД России, 2012. С. 9 – 11.

13. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. №34. Ст. 3534.

14. Федунина Н.Ю. Экстренная психологическая помощь. Законы жанра // Московский психотерапевтический журнал. 2006. №4. С. 6 – 25.

15. Agazade Nazim Individual Coping Strategies at Times of Crises // Azerbaijani Journal of Psychiatry. 2010. V. 18(1). P. 24 – 37.

References

1. Agazade N.Je. Pervaja psihologicheskaja pomoshh' v doklinicheskoj praktike [Jelektronnyj resurs] // Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn. 2013. №2 (19). URL: http://medpsy.ru (data obrashhenija: 16.01.2017)

2. Gavrilova T.V., Salpagarova S.R. Metodika jekspress-ocenki i stabilizacii psihologicheskogo sostojanija zashhishhaemogo lica pri osushhestvlenii mer bezopasnosti: metodicheskie rekomendacii. M., 2015. S. 23 – 24.

3. Demkin A.D., Dorofeev I.I. Koncepcija pervoj psihologicheskoj pomoshhi pri professional'nom distresse sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.town812.ru/psichologicheskaya-pomosh.shtml (data obrashhenija: 18.01.2017)

4. Ljutova-Roberts E.K. Tehniki psihologicheskogo konsul'tirovanija v povsednevnoj zhizni. SPb.: Rech', 2010. S. 37 – 39.

5. Ljutova-Roberts E.K., Monina G.B. Osnovy pomogajushhego obshhenija v uslovijah krizisa. [Jelektronnyj resurs] Professional'noe internet-izdanie «Psihologicheskaja gazeta» URL: http://psy.su/feed/2255/(data obrashhenija: 20.01.2017).

6. Nikol'skaja I.M. Krizisnaja psihologicheskaja pomoshh' v sovladanii s perezhivaniem utraty blizkogo: uchebnoe posobie. SPb.M.: Rech', 2016. 80 s.

7. O dejatel'nosti organov vnutrennih del po obespecheniju bezopasnosti lic, podlezhashhih gosudarstvennoj zashhite, v sovremennyh uslovijah: jekspress-informacija. Vypusk 6. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2014.

8. Opyt organizacii raboty po zashhite svidetelej Gosudarstva Izrail' i Slovackoj Respubliki (po materialam XI mezhdunarodnogo prakticheskogo uchebnogo kursa dlja rossijskih specialistov po voprosam zashhity svidetelej v ramkah ugolovnogo sudoproizvodstva): jekspress-informacija. Vypusk 10. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2014.

9. Pavlova T.S., Bannikov G.S. Sistema okazanija krizisnoj psihologicheskoj pomoshhi sub#ektam obrazovatel'noj sredy (opyt SShA) // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2012. № 2. S. 95–102.

10. Petrov V.E. Problemy osushhestvlenija mer bezopasnosti v otnoshenii zashhishhaemyh lic, imejushhih social'no-lichnostnye i psihicheskie rasstrojstva (psihologicheskij aspekt): metodicheskoe posobie. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2014. S. 26 – 32.

11. Psihologija jekstremal'nyh situacij dlja spasatelej i pozharnyh / pod obshhej red. Ju.S. Shojgu. M.: Smysl, 2007. S. 21–24.

12. Taganova A.A. Voprosy psihologicheskogo obespechenija operativno-sluzhebnoj dejatel'nosti podrazdelenij gosudarstvennoj zashhity. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2012. S. 9 – 11.

13. Federal'nyj zakon ot 20 avgusta 2004 g. № 119 «O gosudarstvennoj zashhite poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2004. №34. St. 3534.

14. Fedunina N.Ju. Jekstrennaja psihologicheskaja pomoshh'. Zakony zhanra // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2006. №4. S. 6 – 25.

15. Agazade Nazim Individual Coping Strategies at Times of Crises // Azerbaijani Journal of Psychiatry. 2010. V. 18(1). P. 24 – 37.

Bikchintaeva L.G., Associate Professor,
Ufa Law Institute of MIA of Russia

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGIC HELP WHICH IS PROVIDED FOR PERSONS UNDER STATE PROTECTION

Abstract: that article reveals specific peculiarities of how detectives provide psychologic help for persons under state protection. Theoretical aspects of psychologic assistance of protected person are represented. Recommendations for crisis psychologic help of protected persons are formulated.

Keywords: crisis status, psychologic assistance, crisis psychologic help, emergency «before-psychologic help»

Куликов С.П., кандидат социологических наук,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Махмутов Р.Р., аспирант,
РАНХиГС,
Казакова Е.О., ассистент,
Московский авиационный институт

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация: в статье изложены некоторые подходы формулирования приоритетных направлений государственной молодежной политики для образовательных учреждений, а также предложения для методик оценки эффективности мероприятий молодежной политики.

Ключевые слова: студенческие объединения, молодежная политика, высшие учебные заведения, методика оценки деятельности, программы развития деятельности студенческих объединений, экспресс-опрос

Для успешной социализации молодежи создаются соответствующие условия в рамках основных направлений реализации молодежной политики. В этой связи показателем макроуровня для молодежных мероприятий выступает направление молодежной политики, в рамках которого оно осуществляется. Привязка к конкретным направлениям реализации молодежной политики позволяет создавать систему мероприятий, обеспечивающих реализацию тех направлений, которые наиболее важны для той сферы, в которой реализуются мероприятия молодежной политики.

Практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно формировать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь.

В связи с этим, современный вуз должен представлять собой не только площадку для осуществления образовательного процесса и исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава и обучающихся, но и развитое пространство для формирования, аккумулирования и развития человеческого и социального капитала молодых людей. Необходимость такого подхода связана в том числе с поставленными государством стратегическими задачами социально-экономического и инновационного развития страны.

Существующие в молодежной среде проблемы, связанные с ухудшением физического и психического здоровья молодых людей, их маргинализацией, деформацией духовно-нравственных ценностей, а также низким уровнем участия молодежи в общественно-экономической деятельности государства, приводят к потере человеческого капитала, так как молодые люди не полностью используют имеющийся у них потенциал, что в итоге может привести к замедлению социально-экономического развития Российской Федерации. В этой связи возникла реальная необходимость в применении качественно новых подходов к решению проблем молодежи и совершенствованию системы мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации, и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России. Подобные меры могут быть реализованы в рамках молодежной политики вузов.

Накопленный организациями высшего образования опыт требует не только обобщения, но и тщательного изучения с точки зрения эффективности воздействия на молодых людей предпринимаемых мер, а также рентабельности субсидируемых государством механизмов (программ и проектов).

Отдельно следует сказать о важности такого критерия, как «качество мероприятия». Проведение мероприятий исключительно с позиции поставленных руководством вуза, вышестоящей организации, органа власти субъекта РФ задач без удовлетворения и заинтересованности со стороны обучающихся негативным образом сказывается на результативности. Оценка удовлетворенности мероприятием среди студентов может быть оценена по предложенным двум индикаторам: тональности комментариев (положительные-нейтральные-негативные) и наличию публикаций с хештегом мероприятия. Как показывает практика, высокой степени удовлетворенности соответствует больший процент положительных комментариев и активное использование хештега. А в рамках планирования также может быть предложен некий целевой показатель, отражающий увеличение социальной активности обучающихся, качества их образования и здоровья.

Например, оценка эффективности внутривузовских мероприятий по формированию здорового образа жизни должна включать количество ведущих здоровый образ жизни, измеряемый по таким показателям, как участие в спортивных соревнованиях, спортивных секциях и клубах, посещение мероприятий, посвященных здоровому образу жизни от общего количества обучающихся. Целевым же показателем таких мероприятий должно стать уменьшение заболеваемости среди обучающихся за отчетный период (по итогам года). Для расчета этого показателя потребуются статистические сведения о состоянии здоровья обучающихся и заболеваемости за год.

Проведение экспресс-опроса в форме анкетирования наиболее оптимально для получения достоверных данных, на основе которых в последствии образовательное учреждение сможет корректировать собственную программу мероприятий молодежной политики, дополнительного образования и формирования здорового образа жизни.

Среди основных содержательных аспектов, которые должны быть затронуты в анкете, можно выделить следующие:

- информированность о мероприятии;
- соответствие ожиданиям респондента программы мероприятия;
- оценка профессионализма организаторов мероприятия;
- личный положительный итог участия в мероприятии;
- указание на потенциальную возможность участия в подобных мероприятиях в будущем;
- предложения по улучшению мероприятия.

Ниже приведена разработанная по итогам анализа анкета.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

Уважаемый коллега!

Просим Вас принять участие в социологическом опросе по удовлетворенности проводимых вузами мероприятиями молодежной политики, дополнительного образования и формирования здорового образа жизни студенческой молодежи. Результаты опроса необходимы для выработки рекомендаций органам исполнительной власти различных уровней по управлению молодежной политикой, а также руководству вузов для повышения качества реализуемых мер.

Большинство вопросов снабжено перечнем возможных ответов. Выбрав подходящий для Вас вариант ответа, обведите в кружок его номер. При отсутствии вариантов ответов напишите свой ответ. Внимательно читайте формулировки вопросов и пояснения к ним! Ценность исследования будет зависеть от Вашей внимательности и искренности Ваших ответов.

Анкетирование анонимное. Все данные опроса будут использованы только в обобщенном виде. Ваше личное мнение не будет разглашено.

Благодарим Вас за любезную помощь в проведении опроса!

1. Как Вы узнали об этом мероприятии?
a. На страничке вуза в социальной сети
b. Из объявлений\афиш в вузе
c. От преподавателей\сотрудников университета
d. От друзей-студентов
2. Ваша роль в проведении мероприятия:
a. Организатор *(переходите к вопросу 5)*
b. Участник *(пропустите вопрос 4)*
c. Зритель *(переходите к вопросу 4)*
3. С какой целью Вы участвовали в мероприятии?
a. Интересная тема, которой оно посвящено
b. Проявить свои знания\навыки
c. Попробовать себя в чем-то новом
d. Делегировала кафедра\студсовет\администрация
e. Хотел(а) получить сертификат участника
f. Другое *(впишите)*_____
4. Почему Вы пришли на мероприятие в качестве зрителя?
a. Интересная тема, которой оно посвящено

b. Необычный формат мероприятия
c. Не смог стать участником
d. Поддержать выступающих друзей
e. Привели принудительно
f. Другое *(впишите)*_____
5. Совпала ли программа мероприятия с Вашими ожиданиями от него?
a. Да
b. Скорее да, чем нет
c. Скорее нет, чем да
d. Нет
e. Затрудняюсь ответить
6. Оцените уровень профессиональности организации мероприятия:
a. Высокий
b. Выше среднего
c. Средний
d. Ниже среднего
e. Низкий
7. Каков для Вас личный итог посещения мероприятия (*выберите не более 2 ответов*)?
a. Получил(а) новые знания\навыки
b. Получил(а) сертификат участника
c. Завел(а) новые знакомства
d. Хорошо провел(а) время, отдохнул
e. Мероприятие не вызвало каких-либо эмоций
f. Разочарование, зря потратил(а) время
g. Другое *(впишите)*_____
8. Поделитесь ли Вы впечатлениями от мероприятия в социальных сетях?
a. Да
b. Скорее да, чем нет
c. Скорее нет, чем да
d. Нет *(поясните причину)* _____
e. Затрудняюсь ответить
9. Есть ли вероятность, что Вы будете участвовать в этом мероприятии в следующий раз?
a. Да
b. Скорее да, чем нет
c. Скорее нет, чем да
d. Нет *(поясните причину)* _____
e. Затрудняюсь ответить
10. Есть ли вероятность, что Вы станете участником студенческого объединения, проводившего мероприятие?
a. Я уже им являюсь
b. Да, заинтересовался его деятельностью
c. Нет, мне не показалось это интересным
d. Затрудняюсь ответить
11. Как Вы считаете, что следует изменить в организации и проведении подобных мероприятий? *(Впишите)*

_____
_____
_____
_____

В заключение, пожалуйста, сообщите некоторые сведения о себе

12. Ваш пол:
a. Мужской
b. Женский
13. Вы проживаете:
a. В общежитии
b. С родителями

c. Самостоятельно
14. Ваш курс обучения: *(впишите)* _____
15. Ваш профиль обучения:
a. Естественнонаучный
b. Инженерно-технический
c. Социально-гуманитарный
16. Ваша форма обучения:
a. Очная (дневная)
b. Очно-заочная (вечерняя)
17. Вы обучаетесь:
a. На бюджетной основе (бесплатно)
b. На платной основе (по контракту)

Большое спасибо!

Таким образом, с помощью анкетирования, в рамках выборочного социологического опроса участников мероприятий в области молодежной политики, дополнительного образования и пропаганды здорового образа жизни российских образовательных организаций высшего образования были исследованы обучающиеся трех вузов: Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, Московского авиационного института (Национального исследовательского института) и Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Социологический опрос проходил в формате анонимного анкетирования. Общая выборка – 1200 человек, респондентами по каждому из шести мероприятий выступило 200 студентов.

Анкетирование было направлено на изучение:

- качества информационного охвата студентов;
- мотивов участия и посещения исследованных мероприятий;
- уровня организации мероприятий;
- личного итога участия и посещения мероприятия для студентов;
- вероятности включения в социально значимую деятельность студенческих объединений ОВОО.

На основании анализа полученных данных о каждом мероприятии, представляющих различные направления реализуемой вузами молодежной политики (случайная выборка), сделан вывод об общей удовлетворенности студентов проводимыми программами, а результаты опроса могут быть использованы для выработки рекомендаций органам исполнительной власти различных уровней по управлению молодежной политикой, а также руководству вузов для повышения качества реализуемых мер.

Литература

1. Volkov Y.G., Kulikov S.P., Krotov D.V., Salogub A.M., Gnatyuk M.A. Role of creative social practices in the development of united activities in russian society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. №16. С. 9398 – 9409.

2. Novikov S.V. Innovative methods for work process design in a high technology enterprise // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. Т. 68. №8. С. 114 – 117.

3. Kulikov S.P., Shchitov K.V. Political subjectivity phenomenon of student-age youth // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. Т. 70. №10. С. 81 – 83.

4. Zolotukhina E.B., Bakharev V.V., Kapustina I.V., Novikov S.V., Lygina N.I. Sales management of the chain retail establishments // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. Т. 15. №11. С. 19 – 27.

5. Mindlin Y.B., Novikov S.V., Kireev S.V., Adamenko A.A., Belitskaya O.V. Innovative territorial clusters // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6. №8. Special Issue. С. 251 – 256.

References

1. Volkov Y.G., Kulikov S.P., Krotov D.V., Salogub A.M., Gnatyuk M.A. Role of creative social practices in the development of united activities in russian society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. №16. С. 9398 – 9409.

2. Novikov S.V. Innovative methods for work process design in a high technology enterprise // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. Т. 68. №8. С. 114 – 117.

3. Kulikov S.P., Shchitov K.V. Political subjectivity phenomenon of student-age youth // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. Т. 70. №10. С. 81 – 83.

4. Zolotukhina E.B., Bakharev V.V., Kapustina I.V., Novikov S.V., Lygina N.I. Sales management of the chain retail establishments // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. Т. 15. №11. С. 19 – 27.

5. Mindlin Y.B., Novikov S.V., Kireev S.V., Adamenko A.A., Belitskaya O.V. Innovative territorial clusters // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6. №8. Special Issue. С. 251 – 256.

Kulikov S.P., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.),
Moscow Aviation Institute (National Research University),
Makhmutov R.R., Postgraduate,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Kazakova E.O., Assistant Professor,
Moscow Aviation Institute

TO THE QUESTION OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTATION OF YOUTH ACTIVITIES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract: the article describes some approaches of the formulation of priority directions of state youth policy for educational institutions, as well as suggestions for methods of assessment of efficiency of actions of the youth policy.

Keywords: student associations, youth policy, higher education institutions, methodology of activities evaluation, the development program of student associations activities, express survey

Дубовик В.И.,
Российский университет дружбы народов

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос культурноречевой подготовки в России в различные исторические периоды. На современном этапе формирование речевой культуры – это формирование коммуникативной компетентности и коммуникативной целесообразность. Текстологический подход – основа формирования общей культуры.

Ключевые слова: культурноречевая подготовка, коммуникативная компетентность, коммуникативная целесообразность

Первые школы, появившиеся в России в 1028 году, где изучались литература и культурное наследие России, положили начало формированию речевой культуры обучающихся. А с открытием первого высшего учебного заведения в Москве – Славяно-греко-латинской академии в 1867 г. начинается историческая веха на пути целенаправленного формирования речевой культуры. Грамматика и риторика были отнесены к дисциплинам, необходимым для подготовки чиновников всех рангов. Славяно-греко-латинская академия развивала речевую культуру своих учеников на основе изучения азбуки и чтения на родном языке.

Несмотря на то, что главной целью образовательных реформ Петровской эпохи (XVIII век), была подготовка необходимых для государства специалистов, русский язык и культура речи становятся объектом и средством обучения в учебных заведениях; предметы «риторика», «грамматика», «красноречие», «пиитика» приобрели статус необходимых в контексте формирования общей и профессиональной культуры личности.

В начале XIX века с распространением идей европейского Просвещения в России еще больше возросла роль гуманитарного образования в системе формирования личностной и профессиональной культуры будущего специалиста. Так, в Царскосельском лицее помимо обязательного изучения русского языка, отдельно были созданы курсы чистописания, риторики и словесности, в рамках последней преподавалась литература. Программы всех учебных заведений (гимназий, реальных училищ и т.п.) предусматривали изучение грамматики русского языка, причем, не смотря на ориентацию учебного заведения, русский язык преподавался в тех же объёмах, что и в классических гимназиях. Все это потребовало пересмотра подходов к изучению русского языка и культуры речи. Известный педагог Ф.И. Буслаев в своем труде «О преподавании отечественного языка» (1844), впервые отметил, что: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем и развивать (личность) духовные способности учащегося ... На первой ступени юношеского возраста родной язык и личность совпадают друг с другом. Из этого общего начала следуют частные положения» [1, с. 8]; автор призывал «…вместе с языком образовывать и развивать все духовные способности...» [1, с. 8].

Вот почему, отечественные педагоги XIX в. В.Г. Белинский, В.И. Водовозов, Н.И. Пирогов, В.Я Стоюнин, К.Д. Ушинский и др. признали, что родной язык – это средство воспитания гражданина, культурного человека, средство развития личности и ее самосовершенствования.

С начала XX века начинается теоретическое изучение проблемы формирования речевой культуры специалиста. Научные работы В.П. Вахтерова, Е.Н. Медынского, В.В. Безлепкина, В.В. Карпова, Х. Лейметса, А.П. Шапошниковой Л.И. Леонтьева, К.К. Платонова и др. развивают идеи о необходимости формирования культуры речи любого специалиста.

А с работ Г.А. Бокарёвой, О.Т. Лебедева, Г.Н. Серикова, Е.Э. Смирновой, Н.Ф. Талызиной и др. вопрос обучения речевой культуре в процессе подготовки будущих специалистов становится предметом специального изучения.

Конец XX века и начало XXI века – это период, когда ведущая роль в процессе формирования гражданской личности отводится именно русскому языку. Научные исследования этого времени сосредоточены на аспектах преподавания речевой культуры для учащихся общеобразовательной школы; на культурноречевой подготовке будущих специалистов в неязыковых вузах; на формировании культуры речевого общения педагогов и т.п.

Не могло не повлиять на задачи в области формирования речевой культуры новые законодательные документы, принятые Российским правительством, и, определившие стратегию развития образования в целом. Немаловажную роль сыграло и участие России в различных международных программах в области образования. Что подтолкнуло наше государство к проведению реформ в образовательной сфере.

Наиболее значимым международным проектом становится концепция непрерывного образования.

Идея возможности получения требуемого образования на протяжении всей жизни возникла из-за резких изменений, имевших место в политике и экономике различных государств. Но, как известно, вопрос о необходимости учиться на протяжении жизни начал изучаться еще в античные времена.

А вот в 1970-ые годы, когда новые технологии стали внедряться быстрыми темпами, вопрос о непрерывном образовании занимает перспективное место. Действительно, каждый специалист сталкивается с необходимостью получать новые знания (компетенции), расширяя свои базовые умения в период трудовой деятельности, причем без отрыва от производства. Таким образом, образовательные учреждения получают заказ создать такое обучение, которое будет реализовывать потребности обучаемого и соответственно общества.

Научные труды Н.В. Абрамовой, Л.И. Анциферовой, Е.П. Белозерцева, О.А. Булавенко, С.Г. Вершловского, М.Т. Громковой, А.А. Деркач, Е.И. Ефимовой, А.Л. Орловой, В.И. Подобеда и др. стали теоретической основой для развития концепции непрерывного образования в России.

Образовательные процессы XXI века определили важной составляющей обучения и формирование речевой культуры студентов в вузах. «Высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Правильною речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но вековая культура речи заключается не только в следовании нормам языка . Она заключается еще и в умении найти не тол ько точное средство для выражения своей мысли , но и наиболее доходчивое и наиболее уместное» [3, с. 285-291].

Но, именно принцип непрерывности должен стать базовым и при обучении речевой культуре, поскольку, если процесс обучения будет постоянным и последовательным, нацеленным на дальнейшее совершенствование имеющихся знаний, то это и обеспечит подготовку высококвалифицированных специалистов.

Надо отметить, что в научной литературе разделяются понятия «культура речи» и «речевая культура». Мы должны сформировать «речевую культуру», так как именно «речевая культура» актуализирует личностный компонент в определенной ситуации общения, демонстрирует коммуникативную компетенцию каждой личности. Следовательно, развивая речевую культуру, индивид формирует и свою общую культуру, поскольку высокая культура речи предполагает высокую общую культуру любого человека. И как результата, изменяется и культура мышления, которая обеспечит положительную коммуникацию в условиях необходимости восприятия значительных объемов информации, реализации мыслительных операций по её обработке в ситуации общения.

Так какой же смысл мы вкладываем сегодня в выражение «обучение речевой культуре»? Почему так важно сегодня иметь качественную подготовку по речевой культуре в вузе? Почему сегодня идет обновление учебных программ и планов всех гуманитарных дисциплин, инкорпорируя в них компоненты, призванные развивать речевую культуру обучающихся в режиме реального времени на протяжении всего периода обучения в вузе. Почему сегодня идет процесс широкого внедрения новых педагогических технологий в процесс преподавания речевой культуры?

Как показывает исторический анализ, формирование речевой культуры определяет развитие личности и способствует её профессиональному совершенствованию. Речевая культура – это необходимый элемент профессионального образования студентов вузов. В своей профессиональной деятельности специалист использует речь в качестве одного из основных средств воздействия на собеседника, что предполагает осознанное, адекватное и мотивированное продуцирование речевых произведений. Подобное воздействия требует от человека конкретных умений, являющихся составной частью речевой культуры.

В рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» происходит освоение устных и письменных языковых норм, обучение выразительным языковым средствам в различных коммуникативных ситуациях в соответствии с целями и задачами коммуникативного акта. В этом контексте принцип коммуникативной целесообразности должен приобрести значимость в процессе обучения. По мнению В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева, Б.Н. Головина, любое общение носит целенаправленный характер, и если норма регулирует отношения языковой личности и языка в пределах языковой структуры, то коммуникативная целесообразность трансформирует эти отношения в область взаимодействия языка и реальной действительности, расширяя их до уровня взаимодействия языка и сознания [2, с. 44-45]. То есть, языковая норма лимитирует общение, призывает коммуникантов следовать единому нормативному варианту, в то время как коммуникативная целесообразность, с учетом содержания информации и предыдущего контекста общения, позволяет языковой личности выбирать наиболее эффективные средства коммуникации, даже если идет отклонение от нормы. Такое отклонение от нормы для достижения определенной цели можно трактовать ни как отклонение, а как речевой прием, который приме-

няет личность при соответствующей свой подготовке (при владении знаниями коммуникативной культуры).

Коммуникативная культура, как составная часть речевой культуры, в настоящее время стала базовым компонентом культуры в целом, культурного базиса каждой личности.

Преобладающими элементами речевой деятельности языковой личности в рамках ее коммуникативной культуры выступает создание и порождение текстов, исходя из целенаправленной адресной установки, логико-композиционной-структуры и структурно-языкового состава функционирующих элементов, отражающих в живой коммуникации культуру чувств и взаимоотношений, культуру мышления и культуру речи [4, с. 14]. Сегодня вопрос о текстопорождении выходит на первый план, поскольку профессионал должен уметь создать произведение в нужном ему жанре, что позволит перестроить конкретную ситуацию общения, используя знания по культуре речи, в сторону достижения цели.

Текстологический подход обеспечивает способность продуцировать речь в нужном контексте, а, значит, требует от языковой личности нового восприятия и создания текста, что ведёт к качественным изменениям личности. То есть, такой подход формирует чувствительность к жанрово-целевой обусловленности речетворчества и позволяет научить обучающихся определять тип текста, его жанр, цель, основную идею каждого абзаца, связующие элементы в тексте и т.п.

И так, мы определились, что коммуникативная целесообразность и текстологический подход к формированию речевой культуры являются наиболее актуальными в рамках современной образовательной политики, поскольку любая профессиональная деятельность невозможна без полноценного коммуникативного фона, который невозможен вне речевой культуры участников коммуникации.

Также важна в современных условиях связь речевой культуры с коммуникативной компетенцией. И это находит отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования 3+ (ФГОС ВО), где указывается, что высшее профессиональное образование, формирует профессиональные и коммуникативные компетенции, последние из которых оказывают значимое влияние и на успешную профессиональную карьеру специалиста, и на общекультурное развитие личности.

Непосредственная связь речевой культуры с коммуникативной компетенцией очевидна, поскольку наличие коммуникативной компетенции у специалиста обеспечит эффективное взаимодействие в коллективе, что позволит построить полноценную коммуникацию даже в условиях межкультурного взаимодействия. Кроме того, коммуникация, в результате которой осуществляется обмен информацией между индивидами посредством общей системы знаков, является, в конечном итоге, способом и условием существования любого социума, ибо вне коммуникации, люди сосуществовать не могут.

То есть, эффективная организация полноценной коммуникации, должна стать одной из форм обучения.

Под коммуникацией мы понимаем способность коммуникантов функционировать в реальной ситуации общения (динамическом обмене информацией), сопровождаемой умением организовать речевое общение с учетом социокультурных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания [6, с. 267]. Кроме того, как отмечает французский исследователь С. Савиньон, лингвистическая компетенция индивида должна приспособиться к восприятию обширной информации (как лингвистического, так и паралингвистического характера) [7]. Таким образом, формирование речевой культуры невозможно без формирования навыков работы с информацией.

В этом случае очень важно постоянно в процессе обучения создавать атмосферу позитивной необходимости общения, то есть предлагать решить проблему, которая стала бы интеллектуально-профессиональным вызовом, и решение которой способно породить ощущение удовлетворенности от общения. И тогда, выработается способность осуществлять неподготовленную монологическую речь; способность осуществлять в устной форме анализ ситуации, связанной с профессиональной деятельностью; способность аргументировать свою позицию по прочитанному материалу; способность участвовать в диалоге в ситуациях научного и официально-делового общения по профессионально ориентированной тематике, которая успешно реализуется посредством построения гипотез, их апробации и подтверждения / опровержения; дискуссионных практик.

В современных условиях формирование речевой культуры невозможно без формирования навыка работы с информацией, а именно, навыка работы с большим объемом информации с опорой и без опоры на различные носители для получения требуемой информации, а так же выстраивания на основе полученной информации собственных аргументированных выводов. Тут требуется обучить уверенности при общении. То есть, обучение речевой культуре должно предусматривать формирование способности находить способы выдвижения гипотез на уровне имитирования профессиональной

деятельности. Так мы достигаем и высокой мотивации.

Мотивированность обучающихся при решении ситуационных коммуникативных задач при реализации умений работы с информационными потоками общеинтеллектуального и профессионального толка находит успешную реализацию благодаря принципу геймификации, которая трактуется нами как особая психология поведения, призванная кардинально изменить характер интеракции участников коммуникации как на социальном уровне, так и на уровне «человек – процесс» [5, с. 146].

Другими словами, на первый план выходит принцип игры, в котором обязательными будут профессиональные выражения и языковые формулы. Таким образом, специалист любого вуза будет мотивирован к формированию речевой культуры, если это будет осуществляться через игру. Такой вид деятельности, безусловно, приносит удовольствие, порождая желание повторить это действие; исчезает страх перед ситуацией вызова. Вместе с тем, развивается умение визуализировать конкретные действия и идеи, скрытые за словами и теориями, что и является основой геймификации.

Подводя итог, можно определить, что формирование речевой культуры личности сегодня видится нам , как показатель её общей культуры . Коммуникативная целесообразность, текстологический подход, коммуникативная компетентность – это то, что мы вкладываем в понятие «формирование речевой культуры» у студентов вуза.

Литература

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1992. 56 с.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учебное пособие. М.: Флинта, 1988. 335 с.
3. Ожегов С.И. Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1975. 241 с.
4. Соколова В.В. Культура речи и культура общения. М.: Просвещение, 1995. 192 с.
5. Тихонова Е.В. Инновационная педагогика в иноязычном образовании: перспективы и реальность // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: сб. науч. тр. М.: МГИМО, 2015. С. 167 – 176.
6. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 269 – 293.
7. Savignon S.J. Interpreting communicative language teaching. Context and concerns in teacher education. New Haven & London, 2002. 243 p.

References

1. Buslaev F.I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka. M., 1992. 56 s.
2. Golovin B.N. Osnovy kul'tury rechi: Uchebnoe posobie. M.: Flinta, 1988. 335 s.
3. Ozhegov S.I. Voprosy kul'tury rechi. M.: Nauka, 1975. 241 s.
4. Sokolova V.V. Kul'tura rechi i kul'tura obshhenija. M.: Prosveshhenie, 1995. 192 s.
5. Tihonova E.V. Innovacionnaja pedagogika v inojazychnom obrazovanii: perspektivy i real'nost' // Professional'naja kommunikacija i mul'tikompetentnost': sb. nauch. tr. M.: MGIMO, 2015. S. 167 – 176.
6. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 269 – 293.
7. Savignon S.J. Interpreting communicative language teaching. Context and concerns in teacher education. New Haven & London, 2002. 243 p.

Dubovik V.I.,
Peoples' Friendship University of Russia

THE MODERN DEMANDS FOR CULTURAL-SPEECH PREPARATION OF UNIVERSITY STUDENTS

Abstract: the article deals with the question of cultural-speech preparation in Russia in different historical periods. At the present stage the formation of speech culture is the formation of communicative competence and communicative expediency. Textual approach is the basis of formation of the general culture.

Keywords: cultural-speech preparation, communication competent, worth communication

Садулаева Р.С., начальник отдела аспирантуры,
Чеченский государственный педагогический университет

О НЕОБХОДИМОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В МЕНТАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: развитие информационно-коммуникационных средств приводит к необратимым проблемам в вопросах воспитания молодежи, их нравственно-этического состояния, формирования морального облика и ситуация осложняется в обществе с явно выраженной ментальностью. В чеченском обществе эти вопросы стоят очень остро – наблюдается явное противоречие между необходимостью сохранения национальных традиций, соответствия воспитания и поведения молодежи исламским законам и стремительным развитием информационных средств и технологий, несущим большой поток информации, в том числе и экстремистского, расистского, националистического, аморального, криминального характера. Решение этой проблемы требует тонкого подхода к воспитанию молодежи, встает вопрос о целесообразности составления свода этических норм поведения, кодекса поведения молодёжи. Важным средством достижения воспитательных целей могут являться те же информационные средства общения.

Ключевые слова: нравственное воспитание молодежи, информационно-коммуникационные средства общения, информатизация общества

Требования к моральному облику человека, нормы поведения в обществе, традиции отдельных народов не являются догмой, они развиваются вместе с научно-техническим прогрессом, благосостоянием общества, изменением социально-экономического строя и других факторов.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, интернета, мультимедиа-средств также не может не сказаться на эволюции моральных норм и нравственно-этических отношений в обществе. Более того, изменению подвержен общественный строй – идет формирование информационного общества, которое предполагает увеличение физических и интеллектуальных возможностей ее членов, а также рамки морального регулирования. Следствием развития информационного общества является расширение границ личной свободы и ответственности членов общества, модификация нравственно-этических качеств личности. Как известно, все эти изменения в первую очередь касаются креативного, прогрессивного молодого поколения, поскольку оно держит руку на пульсе развития информационных средств и, как следствие, молодежь подвержена и позитивному, и негативному влиянию средств массовой информации и информационных телекоммуникаций. Этот факт может быть использован силами, заинтересованными в дестабилизации политической, межнациональной, межконфессиональной, морально-этической обстановки в обществе.

Малоопытная молодежь не всегда способна провести глубокий анализ представляемой им информации и сделать вывод, что «истинной причиной конфликтов являются не сами культуры тех или иных этносов, а бескультурье и тотальное невежество, связанное с незнанием друг друга» [1].

В работе Р.А. Кадырова «О целесообразности составления свода этических норм поведения» [1], говорится о необходимости проведения серьёзной работы федеральным центром по вопросам консолидации российского общества.

Развить у молодых людей осознания своей причастности к обществу со сложившимися традициями, устоями, нравами, сформировать такие черты как толерантность, коммуникабельность, – дело сложное и многоплановое. Поэтому необходимо воздействие на личность всеми средствами, методами и формами воспитания. Перечисленные вопросы требуют комплексного решения на государственном уровне. Для эффективного решения целесообразно взаимодействие всех структур законодательной и исполнительной властей, с максимальным использованием преимуществ информационных технологий и медиа средств, а также социальных сетей, в рамках которой молодежь проводит не мало времени. К актуальным вопросам современности можно отнести и вопрос воспитания культуры разумного потребления членами общества.

Доминирование духовных, нравственных, эстетических, познавательных потребностей у членов общества говорит об уровне культуры всего общества.

Требуется поддержка положительных и критика негативных поступков по всем средствам массовой информации, изменение самих средств пропаганды и агитации. Такой подход может дать эффективный результат воздействия на молодежь, способствовать сужению сферы действия консервативных мнений и привычек и расширению сферы функционирования положительных примеров, норм и принципов передовой общественной морали.

Роль научно-технического прогресса на различные стороны человеческой жизни, на культуру и нравственность человека неоднозначна и потому полемика на эту тему началась давно. Так, сторонники сциентизма Д. Белл, З. Бжезинский, В. Феркисс и др. считают, что наука и техника сами по себе способны решить коренные проблемы человеческого существования. Понятно одно, что в этих вопросах опасно быть категоричным. Человек является субъектом, создающим материальные и духовные ценности цивилизованного информационного общества, следовательно, нравственные ценности, которыми руководствуются люди в своей жизни и деятельности, не могут непосредственно определяться характером и особенностями коммуникационных возможностей [3].

Таким образом, существенно влияние информационно-коммуникационных средств на молодежь в обществе, с явно выраженной ментальностью. Как известно, у чеченцев до сих пор в быту превалируют адаты, которые часто имеют более узкие рамки, нежели законы шариата, и, согласно этим адатам девушки всегда проявляли скромность, сдержанность, гордость в поведении. В разговорах с современными девушками открывается факт, что многие юноши предпочитают виртуальное знакомство и общение, что приветствуют не все девушки, вследствие этого молодежь чувствует дефицит нормального человеческого общения. Данная ситуация демонстрирует то, что молодежь плохо социализирована, не готова к обсуждению своих интересов и проблем в открытой беседе, не способна выразить свое мнение, чувства открыто глядя в глаза собеседника, а социальные сети, телефон позволяют человеку озвучивать те мысли, которые в непосредственной беседе он себе позволить не может. Этот факт приводит к поляризации молодых людей с различным отношением к виртуальному общению, и, тем самым, усугубляет проблему социализации молодежи.

В вопросах социализации молодежи все большее значение приобретает роль общеобразовательного и культурного уровня личности, ее гармонического развития. По социологическим исследованиям, между антиобщественным поведением низким общеобразовательным и культурным уровнем существует прямая связь. Чем выше образовательная подготовка человека, тем легче обеспечить его развитие как сознательного субъекта нравственной практики, тем объективнее он подходит к осознанию морали общества и своего места в этом обществе [2].

Современное общество должно быть заинтересовано в созидательном использовании возросшей политической и социально-нравственной активности молодежи, направить его энергию для подготовки социальных и духовно-нравственных преобразований общества. В этом направлении немаловажную роль играет субъективный фактор, т.е. моральные, политические и интеллектуальные качества руководителей высших рангов, деятельность которых накладывает свой отпечаток на характер протекания в обществе политических, экономических и духовно-нравственных процессов, создают платформу и условия для всестороннего развития молодежи. Поэтому возрастают требования к духовно-нравственным качествам людей, и в первую очередь, облеченных властными полномочиями [1].

Нравственно-эстетическая культура личности – это тот важнейший остов сознания и поведения человека, который обеспечивает ему устойчивость и надежность во всех сферах жизнедеятельности, она обладает огромной силой, направляя свою энергию для борьбы с негативными явлениями, на утверждение в межчеловеческих отношениях принципов гуманизма, добра, справедливости, честности, порядочности и других качеств.

Нравственный мир человека чрезвычайно динамичен, в нем происходят существенные перемены под влиянием повседневной жизни, роста уровня образования людей, удовлетворения личностью своих повседневных материальных и духовных потребностей, обретения ею гражданской зрелости. Нравственный мир личности противоречив, в нем наряду с нравственной энергией созидания еще долго сохраняются устарелые нормы, правила, обычаи и обряды, мешающие нравственному совершенствованию личности.

Благодаря средствам массовой информации и каждодневному общению наций и народностей все более тесными становятся контакты, способствующие интернационализации моральных ценностей народов, взаимному обогащению их культур, традиций, что, несомненно, служит показателем роста моральной культуры общества и личности. Моральные нормы не постоянны и неодинаковы для всех народов. Нравственный прогресс приводит к актуальности одних норм и вырождению других. Нравственная культура личности включает в себя культуру этического мышления, культуру чувств, культуру нравственного поведения, этикет. Нравственная культура человека есть умение нравственно творить себя, желание постоянно работать над своим нравственным совершенствованием, в соответствии со сложившимися моральными требованиями общества [2].

Сегодня в эпоху развития новых средств информатизации и информационно-коммуникационных средств и технологий к морально-этическому уровню культуры молодежи особые требования. Развитие нового информаци-

онного общества влечет изменение форм контроля за поведением ее членов, особенно молодежи. Внедрение в повседневную жизнь информационных и коммуникационных технологий приводит к изменению привычных ориентиров поведения у членов общества, что создает трудности в моральном регулировании и социальной адаптации человека к новым условиям жизни.

Возможности современного информационного общества, масса компьютерных программ предоставляют молодежи большие возможности общения со сверстниками в любой точке мира в режиме on-line способствует консолидации людей. Сложно привести весь перечень позитивных, созидательных факторов информатизации общества, которые как в повседневной жизни, так и на производстве, способствуют развитию дополнительных условий для нравственно-этического роста членов информационного общества [3].

Однако, в руках человека, с невысоким уровнем культуры, который игнорирует нормы человеческого общежития, достижения научно-технического прогресса могут нести негатив, стать причиной конфликтов в межчеловеческих отношениях. При неумелом пользовании различные средства массовой информации могут превратиться в источник эгоизма, индивидуализма, привести к уменьшению родственных связей, породить равнодушие и нравственное безразличие к окружающим.

Эффективными методами воздействия общества на личность являются методы убеждения, переубеждения и даже принуждения. Сегодня мы имеем большой арсенал медиа средств, который является бесценным инструментом в духовном и нравственном – эстетическом воспитании молодежи. Необходимо использовать все медиа средства, чтобы донести до молодежи общественную идеологию, выработать у них правильные взгляды и убеждения. Воспитательная работа при этом должна оказывать положительное воздействие не только на разум, но и на чувства человека, на его эмоции, переживания, настроения. Средства массовой информации должны широко использовать положительные нравственные примеры, показывая конкретные пути их достижении и превращения в нормы и принципы жизнедеятельности личности

Литература

1. Кадыров Р.А. О целесообразности составления свода этических норм поведения. http://ignorik.ru/docs/index-368946.html (дата обращения: 12.11.2017)

2. Садулаева Р.С., Садулаева Б.С. Об актуальности духовно-нравственного воспитания молодежи в условиях информационного общества // Междунар. период. изд. по итогам Междунар. научн.-практ. конф. "Новая наука: от идеи к результату" 29 сентября 2015. ISSN 2412-9755. Стерлитамак. Российская Федерация. РИЦ АМИ. 2015. Новая наука: От идеи к результату. 2015. №4. С. 50 – 54.

3. Садулаева Б.С. Информационный прорыв – добро или зло? // Проблемы нравственно-эстетического воспитания молодежи: современное состояние и перспективы: сб. материалов Всероссийского Конгресса, Орел, 6-7 апреля 2005 г. Орел, 2005.

References

1. Kadyrov R.A. O celesoobraznosti sostavlenija svoda jeticheskih norm povedenija. http://ignorik.ru/docs/index-368946.html (data obrashhenija: 12.11.2017)

2. Sadulaeva R.S., Sadulaeva B.S. Ob aktual'nosti duhovno-nravstvennogo vospitanija molodezhi v uslovijah informacionnogo obshhestva // Mezhdunar. period. izd. po itogam Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. "Novaja nauka: ot idei k rezul'tatu" 29 sentjabrja 2015. ISSN 2412-9755. Sterlitamak. Rossijskaja Federacija. RIC AMI. 2015. Novaja nauka: Ot idei k rezul'tatu. 2015. №4. S. 50 – 54.

3. Sadulaeva B.S. Informacionnyj proryv – dobro ili zlo? // Problemy nravstvenno-jesteticheskogo vospitanija molodezhi: sovremennoe sostojanie i perspektivy: sb. materialov Vserossijskogo Kongressa, Orel, 6-7 aprelja 2005 g. Orel, 2005.

Sadulaeva R.S., Head of the Postgraduate Department,
Chechen State Pedagogical University

ABOUT NECESSITY OF COMPOSING THE CODE OF BEHAVIOR OF YOUTH IN THE MENTAL SOCIETY IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY

Abstract: the development of information and communication means leads to irreversible problems in the issues of education of youth, their moral and ethical state, the formation of a moral image and the situation is complicated in a society with a clearly expressed mentality. In Chechen society these issues are very acute: there is a clear contradiction between the need to preserve national traditions, the conformity of upbringing and behavior of young people to Islamic laws and the rapid development of information tools and technologies that carry a large flow of information, including extremist, racist, nationalistic, immoral, criminal nature. Solving this problem requires a delicate approach to the education of young people, the question arises about the appropriateness of compiling a code of ethical standards of conduct, a code of conduct for young people. An important means of achieving educational goals can be the same information means of communication.

Keywords: moral education of youth, information and communication means of communication, informatization of society

Ондар Ч.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Тувинский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЧИСЛА У ТУВИНЦЕВ

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые сведения из истории развития числа у тувинцев, описаны некоторые периоды возникновения понятия числа. Материалы статьи могут быть использованы педагогами в процессе математического образования детей.

Ключевые слова: число, счет, пальцевой счёт, системы счисления у тувинцев, тувинская письменность

А.М. Леушина отмечает, что для воспитателя, который впервые знакомит маленького ребенка с понятием числа, не только интересно, но и необходимо знать длительный путь развития данного понятия. Это поможет ему лучше представить, какие трудности преодолевают дети, усваивая это понятие [4, с. 328]. В данной статье мы рассматриваем некоторые сведения из истории развития числа у тувинцев. Информация о них может быть использована педагогами наряду с информацией о подобных традициях других народов.

Счёт и первые числовые операции возникают на самых примитивных стадиях человеческой истории.

Тувинцы пользовались двоичной, пятеричной, семеричной, десятичной, двенадцатеричной, шестидесятеричной системой счисления.

Тувинцы, которые хорошо знали двоичную систему счисления, в паре всегда выигрывали в таких играх, как «даалы», «хорлуу», «панчык». Для двоичной системы счисления используется только два знака: «бар» (есть) – 1 (один) или «чок» (нет) – 0 (ноль); указательный палец может обозначать ноль, большой палец – 1; правая рука или нога – 0, левая рука или нога – 1. Как только усвоили значения этих символов, человеку легко передать числа, например, «бар азы чок» это запишется в двоичной системе счисления 10_2, а будет обозначать число «ийи» (два); «бирээ биле бирээ» – 11_2, обозначает число «үш» (три); «бирээ биле ийи тик» – 100_2, обозначает число «дөрт» (четыре) и т.д.

Относительно счёта «сороками» существует предположение, что этот счёт происходит от счёта по суставам пальцев. Сибирские звероловы до нашего века считали большим пальцем по двум суставам остальных четырёх пальцев правой руки (рис. 1). Насчитав на правой руке восемь единиц, счётчик загибал палец левой руки. Эта операция счёта кончалась, когда оказались загнутыми все пять пальцев левой руки. Пять восьмёрок, или сорок, составили, таким образом, первую счётную группу.

Так, например, довольно широкое распространение имела двенадцатеричная система у тувинцев. Особенно часто это имеет место в практике буддизма, которая актуальна до сих пор, когда определяют возраст человека, то есть пальцевой счёт дюжинами по фалангам (рис. 2), перебирая их по очереди большим пальцем: 1 (*күске чылы* – год мыши), 2 (*инек чылы* – год коровы), 3 (*пар чылы* – год тигра), 4 (*тоолай чылы* – год зайца), 5 (*улу чылы* – год дракона), 6 (*чылан чылы* – год змеи), 7 (*аът чылы* – год лошади), 8 (*хой чылы* – год овцы), 9 (*мечи чылы* – год обезьяны), 10 (*дагаа чылы* – год курицы), 11 (*ыт чылы* – год собаки), 12 (*хаван чылы* – год кабана).

Рис. 1.

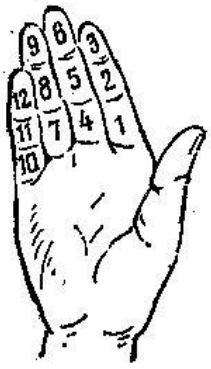


Рис. 2.

Насчитав на правой руке двенадцать единиц, счётчик загибал палец левой руки. Затем 12 принимается за единицу следующего разряда и т.д. Эта операция счёта кончалась, когда оказались загнутыми все пять пальцев левой руки. Пять раз двенадцать, или шестьдесят, составили, таким образом, первую счётную группу.

Таким образом, годы изменяются не по числам, а по именам двенадцати животных, расположенных в строго определенном порядке. В течение двенадцати лет проходит весь круг этих имен, а с тринадцатого года начинается новый цикл. Этот круг составляет малый цикл, или малое колесо времени. Пять таких циклов, каждому из которых давалось дополнительное название (*ногаан ыяш* – зеленое дерево, *кызыл от* – красный огонь, *сарыг чер* – желтая земля, *көк демир* – синее железо, *ак суг* – белая вода), объединились в большой круг, который назывался 60-летней системой счета годов [8, с.75].

Тувинцы, как и другие народы, в глубокой древности употребляли вместо множества натуральных чисел конкретные множества. Длительный исторический опыт привел тувинцев к созданию отвлечённого множества, где элементами являлись слова, идущие в строго определенном порядке. Для счёта натуральных чисел тувинцы раньше использовали следующие названия: «чангыс», «бир», «бирээ» – 1 (один); «ийи» – 2 (два); «үш» – 3 (три); «дөрт» – 4 (четыре); «беш» – 5 (пять); «алды» – 6 (шесть); «чеди» – 7 (семь); «сес» – 8 (восемь); «тос» – 9 (девять); «он» – 10 (десять); «чээрби» – 20 (двадцать); «чүс» – 100 (сто); «муң» – 1.000 (тысячи); «түме» – 10.000 (десять тысч); «бум» – 100.000 (сто тысяч); «сая» – 1.000.000 (миллион); «чыва» – 10.000.000 (десять миллионов); «думчуур» – 100.000.000 (сто миллионов); «так» – 1.000.000.000 (миллиард); «түк» – 10.000.000.000 (десять миллиардов); «шимээ» – 100.000.000.000 (сто миллиардов); «дам» – 1.000.000.000.000 (триллион); «араптан» – 10.000.000.000.000 (десять триллионов) и т.д. Таким образом, для того, чтобы назвать все числа в пределах триллиона на тувинском языке потребуется 22 различных слов.

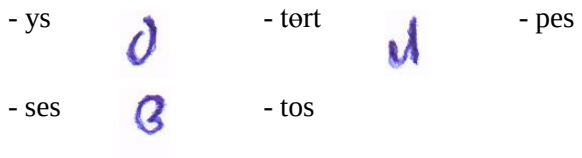
С.С. Салчак в своей работе пишет, что такими же терминами при счёте пользовались монголы. Этот факт можно объяснить тем, что в древности тувинцы умели вести счет до тысячи, а остальные названия, начиная с десяти тысяч, заимствовали у соседей – монголов [7, с. 6].

Тувинцы в своей повседневной жизни для обозначения частей целого раньше использовали следующие названия: «кезик азы чартык» – 1/2, «улдуң» – 1/4, «парыыл» – 1/8, «кечим» – 1/16, «туугу» – 1/32, «аът кара» – 1/64.

После того как в языке народа установился способ называть числа, одновременно с этим возникают поиски и создаётся система письменного изображения этих чисел, то есть человеку необходимо уметь правильно называть и записывать числа, уметь правильно выполнять действия над ними. В связи с этим в разные эпохи отдельными народами нужно было решить задачу создания устной и письменной нумерации.

Д.А. Монгуш отмечает, что письменность – это национальное достояние народа, передаваемое из поколения в поколение, ей должны быть свойственны здоровый консерватизм и традиционность, обеспечивающие преемственность между поколениями [5, с. 234].

В 1921 была создана Тувинская Народная Республика и функцию письменного языка выполнял старописьменный монгольский язык, на котором велось делопроизводство, издавалась в весьма ограниченном количестве литература. До 1930 года при записи чисел тувинцы использовали следующие цифры:



Старописьменным монгольским языком к концу 20-х годов владело менее 1,5% тувинского населения, так как монгольской грамотой владела, главным образом, феодально-байская верхушка и высшие ламы.

В 1930 году была создана тувинская письменность на основе латинизированного новотюрского алфавита. После возникновения тувинской письменности монгольские названия чисел уже исчезли, а вместо них ввели новые названия, заимствованные у русского народа.

Д.А. Монгуш отмечает, что успешное использование латинизированной письменности в ликвидации неграмотности, в делопроизводстве, в развитии народного образования, литературы, печати свидетельствовало о том, что эта письменность в целом отражала особенности тувинского языка [5, с. 60].

Начиная с 1931 г по 1944 г использовались следующие цифры [9, с. 37]:

1 pir	7 cedi	13 on iji	120 cys ceerbi
2 iji	8 ses	20 ceerbi	127 cys ceerbi cedi
3 ys	9 tos	30 yzen	226 iji cys ceerbi aldь
4 tөrt	10 on	40 tөrtten	319 ys cys on tos
5 pes	11 on pir	100 cys	936 tos cys yzen aldь
6 aldь	12 on iji	300 ys cys	1000 muŋ

Перевод тувинской письменности на русскую графическую основу происходил в течение 1941-1944 годов при научно-методической помощи советских ученых. Полный переход тувинской письменности на русский алфавит завершился ко времени добровольного вхождения Тувы в состав СССР.

В настоящее время для названия всех чисел в пределах триллиона на тувинском языке потребуется 16 различных слов: бир (один), ийи (два), үш (три), дөрт (четыре), беш (пять), алды (шесть), чеди (семь), сес (восемь), тос (девять), он (десять), чээрби (двадцать), чүс (сто), муң (тысяча), миллион, миллиард, триллион. В то же время раньше у русского народа число 10.000 назывался «тьма», а 100.000 – «легион». Названия чисел «миллион» или «биллион», «триллион» заимствованы с французского языка.

Таким образом, традиции напрямую связанные с понятием развития числа, есть и у тувинцев. Информация о них, может быть использована педагогами в любой образовательной организации наряду с информацией о подобных традициях других народов.

Литература

1. Аранчын Ю.Л. Восстание шестидесяти богатырей: крат. ист. очерк. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1985. 108 с. На тув. яз.

2. Депман И.Я. История арифметики: учебное пособие для учителей. М., 1959.

3. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учебное пособие. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.

4. Леушина А.М. Формирование элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1974. 368 с.

5. Монгуш Д.А. Тувинский язык и письменность. Избранные труды. научное издание. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. 248 с.

6. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.

7. Салчак С.С. Тувинская математическая терминология и ее роль в преподавании математики на современном этапе: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1973. 15 с.

8. Сат М.С. Шелк невытканный: рассказы по астрономии. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. 176 с. На тувин. яз.

9. Moskalof B. TЬBANЬN CAA YZYY. Poluskannar Porogopрь Sat, A.Sokolof, A. Suxotin. Moskva, 1931 сы, ar. 37.

References

1. Aranchyn Ju.L. Vosstanie shestidesjati bogatyrej: krat. ist. ocherk. Kyzyl: Tuvin. kn. izd-vo, 1985. 108 s. Na tuv. jaz.

2. Depman I.Ja. Istorija arifmetiki: uchebnoe posobie dlja uchitelej. M., 1959.

3. Zhukovskaja N.L. Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Tradicii. Simvolika: uchebnoe posobie. M.: Vostochnaja literatura, 2002. 247 s.

4. Leushina A.M. Formirovanie jelementarnyh matematicheskih predstavlenij u detej doshkol'nogo vozrasta. M.: Prosveshhenie, 1974. 368 s.

5. Mongush D.A. Tuvinskij jazyk i pis'mennost'. Izbrannye trudy. nauchnoe izdanie. Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. 248 s.

6. Potapov L.P. Ocherki narodnogo byta tuvincev. M. : Nauka, 1969. 402 s.

7. Salchak S.S. Tuvinskaja matematicheskaja terminologija i ee rol' v prepodavanii matematiki na sovremennom jetape: avtoref. dis. … kand. ped. nauk. M., 1973. 15 s.

8. Sat M.S. Shelk nevytkannyj: rasskazy po astronomii. Kyzyl: Tuvin. kn. izd-vo, 1995. 176 s. Na tuvin. jaz.

9. Moskalof B. T"BAN"N CAA YZYY. Poluskannar Porogopp'j Sat, A.Sokolof, A. Suxotin. Moskva, 1931 c'l, ar. 37.

Ondar Ch.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tuva State University

SOME INFORMATION FROM THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE NUMBER IN TUVINIANS

Abstract: the article considers some information from the history of the development of the number of Tuvinians, describes some periods of the concept of the number. The materials of the article can be used by teachers in the process of mathematical education of children.

Keywords: number, account, finger account, numbering systems of Tuvinians, Tuvan writing

Ганишина И.С., кандидат психологических наук, доцент,
Огородников В.И., доктор юридических наук, доцент,
Сочивко Д.В., доктор психологических наук, профессор,
Чернышов А.А.,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТНОЙ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация: в связи с ростом наркомании и наркотизма в современном обществе студентам образовательных организаций высшего образования необходимо обладать особыми профессиональными компетенциями, в число которых входит хорошо сформированная антинаркотическая личностная установка. Считаем, что антинаркотическая личностная установка студентов образовательных организаций выражается в стойком, устойчивом и непримиримом отношении к принятию наркотических средств и психотропных веществ, а также к лицам, их употребляющим и является интегративным личностным образованием, включающим когнитивный, эмоциональный, волевой и мотивационный компоненты.

Эксперимент по формированию антинаркотической личностной установки осуществлялся нами в три этапа: диагностический, формирующий, контрольный. На диагностическом этапе применялись наблюдение, беседа, экспертный опрос, анкетирование, тестирование, методика диагностика эмоционального интеллекта – EIS (Н. Холл); методика диагностики уровня субъективного контроля – УСК (Дж.Роттера (адаптирован Бажиным Е.Ф., Голынкиной С.А., Эткиндом А.М.)); опросник способов совладания (копинг-тест) – WCQ (R.Lazarus, S.Folkman; Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В); методика исследования самоотношения (Столин В.В., Пантелеев С.Р.); тест на ассертивность – ТА (Каппони В., Новак Т.); методика определения склонности к отклоняющемуся поведению – СОП (А.Н. Орел); методика оценки ценностных ориентаций (М. Рокич), методы математической статистики. На формирующем этапе мы внедряли в учебно-воспитательный процесс студентов экспериментальной группы специально разработанную программу по формированию антинаркотической личностной установки. На контрольном этапе нами оценивалась эффективность программы по сформированности антинаркотической личностной установки студентов в контрольной и экспериментальной группе.

Проведенный нами эксперимент по формированию антинаркотической личностной установки показал свою эффективность. В экспериментальной группе наблюдается увеличение доли студентов с высокой антинаркотической личностной установкой.

Ключевые слова: антинаркотическая личностная установка, студенты, образовательные организации, эксперимент, формирующий эксперимент, программа формирования антинаркотической личностной установки

По данным статистики в России ежегодно растет число наркозависимых подростков и лиц молодежного возраста. В связи с этим особую значимость приобретает профилактика наркотической зависимости среди обучающихся в образовательных организациях высшего образования агротехнологического профиля, так как именно они в будущем будут обеспечивать продовольственную безопасность государства. Поэтому в число базовых компетенций выпускника агротехнологического вуза должна входить хорошо сформированная антинаркотическая личностная установка [2, 3]. Полагаем, что антинаркотическая личностная установка студентов выражается в стойком, устойчивом и непримиримом отношении к принятию наркотических средств и психотропных веществ, а также к лицам, их употребляющим и является интегративным личностным образованием, включающим когнитивный, эмоциональный, волевой и мотивационный компоненты.

Эксперимент по формированию антинаркотической личностной установки студентов образовательных организаций проводился нами на базе Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева в период с 2016 по 2017 годы. Для его реализации были сформированы сходные по уровню сформированности структурных компонентов антинаркотической личностной установки, социально-демографическим и психолого-педагогическим характеристикам контрольная и экспериментальная группы курсантов.

Сформированность компонентной структуры антинаркотической личностной установки студентов образовательных организаций определялся нами путем вычисления и интерпретации полученных данных по каждой методике до и после эксперимента по следующим уровням: высокий, средний, низкий.

– высокий уровень сформированности антинаркотической личностной установки показывает общее, гармоничное развитие личности, не требующей психокоррекционного вмешательства.

– средний уровень сформированности антинаркотической личностной установки показывает средний, не достаточно развитый уровень антинаркотической личностной установки;

– низкий уровень означает общую слабую сформированность компонентной структуры антинаркотической личностной установки, что свидетельствует о склонность личности к употреблению психоактивных веществ и отклоняющемуся поведению.

Формирование антинаркотической личностной установки в соответствии с логикой психолого-педагогического исследования осуществлялось нами в три этапа: диагностический, формирующий, контрольный [1, 4, 5]. Остановимся на их рассмотрении более подробно.

Диагностический этап представлял собой изучение исходного уровня сформированности антинаркотической личностной установки у студентов исследуемых групп. В качестве методов и методик исследования выступали наблюдение, беседа, экспертный опрос, анкетирование, тестирование, методика диагностика эмоционального интеллекта – EIS (Н. Холл); методика диагностики уровня субъективного контроля – УСК (Дж. Роттера (адаптирован Бажиным Е.Ф., Голынкиной С.А., Эткиндом А.М.)); опросник способов совладания (копинг-тест) – WCQ (R.Lazarus, S.Folkman; Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В); методика исследования самоотношения (Столин В.В., Пантелеев С.Р.); тест на ассертивность – ТА (Каппони В., Новак Т.); методика определения склонности к отклоняющемуся поведению – СОП (А.Н. Орел); методика оценки ценностных ориентаций (М. Рокич); методы математической статистики.

В ходе диагностике исходного уровня сформированности антинаркотической личностной установки студентов было установлено, что в контрольной и экспериментальной группах наблюдаются идентичные показатели: только у 40% студентов в обеих группах наблюдается высокий уровень антинаркотической личностной установки, у 60% исследуемых она недостаточно развита (у 50% диагностирован средний уровень, у 10% – низкий уровень).

На формирующем этапе с целью формирования антинаркотической личностной установки мы внедряли в учебно-воспитательный процесс студентов экспериментальной группы специально разработанную программу по формированию антинаркотической личностной установки.

На контрольном этапе нами оценивалась эффективность программы по сформированности антинаркотической личностной установки в экспериментальной группе на основе критериально-диагностического анализа развития компонентной структуры до и после ее реализации, а также сравнительного анализа психолого-педагогических показателей и личностных качеств студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева.

Результаты психолого-педагогической диагностики, полученной в результате наблюдения, беседы и анкетирования показали изменение отношения к наркотикам среди студентов экспериментальной группы. Так, среди студентов-юношей на 17% увеличилось количество тех, кто негативно относятся к употреблению наркотиков и к тем, кто их употребляет; на 16% – тех, кто спокойно относятся к тому, что другие употребляют наркотики; на 1% снизилось количество считающих, что один раз попробовать можно, ничего страшного в этом нет. Среди студентов-девушек отношение к наркотикам изменилось следующим образом: на 11,5% увеличилось количество студентов-девушек, которые негативно относятся к употреблению наркотиков; на 7% уменьшилось количество тех, кто сами не потребляют, но спокойно относятся к тому, что другие употребляют наркотики.

Проведенный нами анализ анкетирования контрольной и экспериментальной групп показал повышение уровня осведомленности студентов в области наркомании в экспериментальной группе. Так, количество студентов, ознакомленных с проблемой наркомании в полной мере увеличилось на 3%, знакомых в некоторой степени – на 44%, в то время как количество студентов, которые совсем не знакомы и никогда не интересовались этим вопросом сократилось на 29%. Результаты проведенного нами сравнительного анализа анкетирования показывает, что в результате формирующего эксперимента у студентов сформировалось негативное отношение к употреблению наркотиков, как в отношении себя, так и в отношении окружающих, а также что проведенная работа позволила познакомить студентов с проблемой наркомании и расширить их знания в этой области.

Сравнение результатов тестирования по методике диагностики эмоционального интеллекта (Н. Холл) – EIS до и после эксперимента выявило увеличение у испытуемых показателей парциального эмоционального интеллекта по следующим уровням: самомотивация, распознавание эмоций других до высоких значений; управление своими эмоциями, эмпатия – до средних, интегративный уровень эмоционального интеллекта возрос до среднего значения. На основании полученных

данных можно сделать вывод о том, что в результате эксперимента у студентов улучшилась способность понимать окружающих, а также влиять на их выбор и поведение.

Сравнение результатов тестирования контрольной и экспериментальной групп по опроснику «Уровень субъективного контроля» (УСК) показало у студентов экспериментальной группы развитое чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, а также способность студентов активно формировать свой круг общения.

Результаты диагностики по опроснику способов совладания (Методика Р. Лазаруса, С. Фолькмана «Копинг-тест» в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк) показали у студентов экспериментальной группы положительные изменения: с одной стороны увеличение принятие ответственности на себя, самоконтроль и планирование решения проблем, с другой – уменьшение значений по шкалам дистанцирования и бегства – избегания.

Анализ результатов методики исследования самоотношения С.Р. Пантелеева до и после эксперимента показал изменения изменение структуры самоотношения личности студентов в сторону усиления личного контроля, независимости от внешней среды, принятия своего «Я» во всей своей полноте, открытости, положительного отношения к себе, что в целом способствовало улучшению их эмоционального состояния.

Сравнительный анализ результатов теста на ассертивность (В. Каппони, Т. Новак) в контрольной и экспериментальной группах показал у студентов экспериментальной группы повышение самооценки, значительное увеличение представлений об ассертивности как умения принимать самостоятельные решения и управлять собственной жизнью.

Результаты методики склонности к отклоняющемуся поведению – СОП (А.Н. Орел) показали заметное снижение показателей студентов экспериментальной группы по шкалам: склонность к преодолению норм и правил, склонность к самоповреждающему и саморазрушаещему поведению, склонность к агрессии и насилию.

Анализ полученных данных по методике определения ценностных ориентаций М. Рокича до и после эксперимента показал положительные изменения в экспериментальной группе студентов. Так, среди основных терминальных ценностей большее значение получило развитие, а среди инструментальных ценностей возросло значение твердой воли и самоконтроля, что, на наш взгляд, свидетельствует о повышении уровня сформированности антинаркотической личностной установки.

Результаты эксперимента по формированию антинаркотической личностной установки студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева представлены на рис. 1. Высокий уровень сформированности антинаркотической личностной установки наблюдается у 68 % студентов (увеличение на 28%), средний уровень – у 30% (уменьшение на 20%), низкий уровень – у 2% (уменьшился на 8%).

Рис. 1. Результаты формирующего эксперимента по формированию антинаркотической личностной установки студентов Рязанского государственного агротехнологического университета

В ходе индивидуальных бесед и групповых обсуждений со студентами экспериментальной группы было отмечено, что в результате формирующего эксперимента наблюдаются положительные тенденции у студентов к переосмыслению значимости собственной жизни, сформировались позитивные образы будущего, наблюдается объективная оценка прошлого и настоящего, отмечена тенденция к распознаванию и определению собственных эмоций, чувств и потребностей.

С целью получения объективной оценки влияния формирующего эксперимента на лиц, в нем участвовавших, мы использовали экспертный опрос кураторов учебных групп, профессорско-преподавательского состава, персонал Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева. Данные опроса свидетельствуют об изменении отношения студентов из экспериментальной группы к самим себе и учебной деятельности в лучшую сторону.

ВЫВОД. Таким образом, в ходе формирующего эксперимента в экспериментальной группе наблюдается выраженная положительная динамика сформированности компонентной структуры антинаркотической личностной установки студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева что в дальнейшем положительным образом скажется на их профессиональной деятельности, способствует профилактики наркомании и наркотизма в современном обществе.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб. 1999. С. 56 – 57.
2. Ганишина И.С. Программа психологического просвещения как средство профилактики наркотической зависимости осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. №3. С. 53 – 60.
3. Ганишина И.С., Чернышов А.А. К вопросу о формировании антинаркотической личностной установки курсантов образовательных организаций ФСИН России // Перспективы науки, 2015. №11. С. 229 – 231.
4. Гудвин Дж. Исследование в психологии: методы и планирование. 3-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 422 – 423.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 3-е издание, пересмотренное. Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. С. 18 – 26.

References

1. Bandura A. Teorija social'nogo nauchenija. SPb. 1999. S. 56 – 57.
2. Ganishina I.S. Programma psihologicheskogo prosveshhenija kak sredstvo profilaktiki narkoticheskoj zavisimosti osuzhdennyh // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. №3. S. 53 – 60.
3. Ganishina I.S., Chernyshov A.A. K voprosu o formirovanii antinarkoticheskoj lichnostnoj ustanovki kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii // Perspektivy nauki, 2015. №11. S. 229 – 231.
4. Gudvin Dzh. Issledovanie v psihologii: metody i planirovanie. 3-e izd. SPb.: Piter, 2004. S. 422 – 423.
5. Zimnjaja I.A. Pedagogicheskaja psihologija: uchebnik dlja vuzov. 3-e izdanie, peresmotrennoe. Moskva: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh : NPO «MODJeK», 2010. S. 18 – 26.

Ganishina I.S., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ogorodnikov V.I., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Sochivko D.V., Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Chernyshov A.A.,
Academy of Law and Administration of the Federal Service for the Execution of Sentences

ON EFFICIENCY OF THE EXPERIMENT ON FORMATION OF ANTIDRUG ATTITUDE OF STUDENTS AGROTECHNOLOGICAL UNIVERSITY

Abstract: in connection with the growth of drug addiction and narcotics in modern society, students of educational institutions of higher education need to have special professional competencies, including a well-formed antidrug attitude. We believe that the antidrug attitude of students of educational organizations is expressed in a resistant, stable and irreconcilable attitude towards the adoption of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as to persons who use them and is an integrative personal education, including cognitive, emotional, volitional and motivational components.

The experiment on the formation of an antidrug attitude was carried out by us in three stages: the diagnostic, the forming, the control. At the diagnostic stage, observation, conversation, expert survey, questioning, testing, methods of diagnosing emotional intelligence – EIS (N. Hall) were used; the method of diagnosing the level of subjective control – USK (J. Rotter (adapted by E.F. Bazhin, S.A. Golynkina, A.M. Etkind)); questionnaire of methods of coping (copy-test) – WCQ (R. Lazarus, S. Folkman; T.L. Kryukova, E.V. Kuftyak); the methodology of investigating the self-relationship (V.V. Stolin, S.R. Panteleev); test for assertiveness – TA (V.Kapponi, T.Novak); a technique for determining the propensity to deviate behavior SOP (A.N. Orel); method of evaluating value orientations (M. Rokich), methods of mathematical statistics. At the formative stage, we introduced a specially developed program for the formation of an antidrug attitude into the teaching and educational process of the students of the experimental group. At the control stage, we assessed the effectiveness of the program on the formation of antidrug attitude of students in the control and experimental group.

Our experiment on the formation of antidrug attitude showed its effectiveness. In the experimental group there is an increase in the proportion of students with a high antidrug attitude.

Keywords: antidrug attitude, students, educational organizations, experiment, forming experiment, the program the formation of antidrug attitude

Жильцова Ю.В., кандидат психологических наук, доцент,
Аксенова Г.И., доктор педагогических наук, профессор,
Купцов И.И., кандидат психологических наук, профессор,
Шатохина Л.В., кандидат педагогических наук,
Аксенова П.Ю., кандидат психологических наук,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ У СТУДЕНТОВ АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: Проблема формирования нравственных понятий у студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева на занятиях по иностранному языку представляется весьма актуальной. Интерес к данной проблеме обусловлен недостаточной сформированности нравственных понятий у студентов для познавания, описания и преобразования окружающей среды при помощи средств неродного языка. Под нравственным развитием языковой личности студентов агротехнологического университета понимается интегральный процесс развития на основе уже сложившихся, возможно не в полной мере сформированных нравственных преобразований, основывающихся на приобретенных нравственных понятиях при обучении иностранному языку.

Эксперимент по формированию нравственных понятий у студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева на занятиях по иностранному языку проводился в три этапа. На первом этапе для нас было важным создать тезаурус у студентов с кодировкой нравственных понятий и правил с применением единиц фонологического, морфологического, синтаксического, семантического уровней. На втором этапе было закреплено использование нравственных понятий на основе аналитико-обобщающей деятельности. На третьем этапе изучалось творческое самовыражение студентов. Центральной задачей выступило выявление динамики творческого самовыражения через обобщение и категоризацию нравственных понятий.

Предполагается, что одним из наиболее важных векторов развития нравственных понятий в учебной деятельности студентов является интегральное формирование лингвокогнитивного, эмоционально-чувственного, мотивационно-ценностного и деятельностного компонентов. В результате анализа экспериментального материала нами определены и критериально обоснованы уровни сформированности нравственных понятий студентов.

Проведенный нами эксперимент по формированию нравственных понятий у студентов агротехнологического университета на занятиях по иностранному языку показал свою эффективность. При анализе полученных данных выявлены положительные тенденции в изменении системы формирования нравственных понятий у студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева.

Ключевые слова: студенты, нравственные ценности, иностранный язык, учебно-воспитательный процесс, личность, программа формирования нравственных понятий

Изучение психолого-педагогической литературы, а также практические наблюдения по проблеме исследования свидетельствуют о том, что на сегодняшний день в науке имеется целый спектр проблемных вопросов, связанных с учебно-воспитательным процессом. Одним из ключевых среди них выступает потребность в формировании нравственных понятий у молодых людей при отсутствии систематизированных целенаправленных действий в направлении организации и должной реализации их в образовательном процессе.

Некоторые исследователи рассматривают учебную деятельность студента как своеобразный вид деятельности, спроектированный одновременно на самого обучаемого с целью совершенствования его интеллектуального, нравственного потенциала, выступающего основой для понимания общечеловеческих ценностей, а также себя, свое субъективное отношение к окружающей действительности. Именно такой подход определяет интегральное изучение личности, фокусирующееся на «социальном контексте» при взаимодействии ее с образовательной средой [1, 2].

Оптимальные условия для формирования системы нравственных понятий у студентов, на наш взгляд, реализуются в процессе обучения иностранному языку. В ходе освоения лексической компетенции в рамках иностранного языка у обучающихся системно формируется и моделируется определенная система нравственных понятий личности, которые мы понимаем как сложнейший процесс, включающий в себя такие структурные

составляющие как усвоение, принятие и реализация на практике интегральных значений нравственных норм, закрепленных в лексических единицах родного и иностранного языков.

В нашем исследовании язык понимается как средство, а речь как способ формирования и вербального изложения мысли в образовательной деятельности студента, где априори должны решаться как коммуникативные, так и учебные задачи.

Под нравственным развитием языковой личности студентов агротехнологического университета мы понимаем интегральный процесс развития на основе уже сложившихся, возможно не в полной мере сформированных нравственных преобразований, основывающихся на приобретенных нравственных понятиях при обучении иностранному языку[3].

С целью воздействия на нравственное развитие студентов в учебной деятельности весьма значимым является формирование лексических значений нравственных норм при помощи лексических единиц [4]. В результате возникает проблема недостаточной сформированности нравственных понятий у студентов для познавания, описания и преобразования окружающей среды при помощи средств неродного языка. Полагаем, что в этом контексте наше исследование представляет особый интерес.

Одним из наиболее важных векторов развития нравственных понятий в учебной деятельности студентов нам представляется интегральное формирование лингвокогнитивного, эмоционально-чувственного, мотивационно-ценностного и деятельностного компонентов. При этом обязательно должны учитываются следующие условия: магавация, смысл, активность, мировосприятие, целеполагание, самореализация, личностно-деятельностный подход, образовательная среда, психолого-педагогическое сопровождение. Особое значение следует придавать активизации психологических процессов, включающих в себя самоидентификацию, рефлексию, самостимуляцию, речевые процессы, учебно-деятельностные процессы. Критерием реализации данных условий является формирование тезауруса нравственных понятий на основе модернизации аналитико-обобщающей деятельности и создания базы для творческого самовыражения личности студентов.

Респондентами констатирующего эксперимента стали студенты 1 и 2 курсов экономических, инженерных, технологических специальностей факультета журналистики Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева. Выборка составила 160 человек. В результате анализа экспериментального материала нами определены и критериально обоснованы уровни сформированности нравственных понятий студентов на основе линогвокогнитивного, эмоционально-чувственного, мотивационно-ценностного и деятельностного компонентов. Ниже представим краткую характеристику выявленных уровней.

Низкий уровень (34% студентов) отличается проявлением отдельных, отрывочных нравственных понятий, которые не интериоризованы, не реализуются в поступках и деятельности, не лежат в основе смысла жизни и не определяют ее цели. Обучающиеся данной группы слабо усваивают иностранный язык, отрицательно относятся к самим себе, недооценивают или переоценивают свою роль в развитии общества, негативно относятся к окружающим, не приемлют нравственные ценности.

Средний уровень (44% студентов) обладает более широким уровнем нравственных понятий и готовности их реализации. Вместе с тем в реальных поступках и действиях это происходит редко либо никогда. Студенты этой группы отдают себе отчет в результате деятельности, их стратегия поведения выстраивается на основе их нравственных понятий, но далеко не во всех жизненных ситуациях.

Высокий уровень (22% студентов) характеризуется широким спектром нравственных понятий, полной их интериоризацией, переходом знаний в убеждения при условии свободного выбора и реализацией в поступках и деятельности вне зависимости от различных обстоятельств. Студентам свойственны достаточно устойчивые моральные убеждения, идеал и цель в жизни, у них имеется стабильная система нравственных установок, которыми они ориентируются, принимая те или иные решения. Поведение этих обучающихся направлено на саморазвитие, поддержание навыков самоконтроля, координации своих действий при помощи самостимуляции. Студенты этой группы достаточно хорошо владеют иностранным языком, обладают ответственностью, дисциплинированностью, настойчивостью, терпимостью к разнообразным точкам зрения и стремлением к познаванию и реализации жизненного потенциала.

Полученные в ходе исследования эмпирические результаты свидетельствуют о том, что уровень развития компонентов нравственных понятий у большей части студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева характеризуется как средний (44%) и ниже среднего (34%). По нашему мнению причинами обнаруженного факта являются как отсутствие у обучающихся четко сформулированных представлений о понятиях нравственности,

непринятие лексических значений иностранного языка, несформированных волевых качеств, размытых эмоционально-чувственных предпочтений, так и непонимание духовно-нравственных ценностей, и отсутствие личностной потребности дальнейшем духовно-нравственном развитии [5].

В ходе исследования появилась потребность в разработки и реализации на практике авторской программы формирования нравственных понятий у студентов в процессе учебной деятельности. Апробация данной программы проходила у студентов на занятиях по английскому языку.

Указанная программа интегрировала в себе цели, средства, задачи и способы, которые с нашей точки зрения могли способствовать эффективному формированию заявленных компонентов (лингвокогнитивного, эмоционально-чувственного, мотивационно-ценностного и деятельностного.

На первом этапе для нас было важным создать тезаурус у студентов с кодировкой нравственных понятий и правил с применением единиц фонологического, морфологического, синтаксического, семантического уровней. В качестве средств применялись базовые словари и иные справочные материалы на английском языке.

На втором этапе было закреплено использование нравственных понятий на основе аналитико-обобщающей деятельности. Нами использовались тексты, аудио и видеоматериалы нравственного содержания с целью осознания и переживания нравственных поступков, отношений, а также речевого оформления этических норм и др. Целью данного этапа являлось включение студентов с собственный внутренний мир и принятие собственных норм и жизненных ценностей.

На занятиях использовались учебные тексты морально-этической тематики, аудио- и видеоматериалы нравственного содержания, задания вербальной и графической форм презентации информации, что способствовало знакомству обучающихся с различными способами представления и интеграции нравственных аспектов жизненных устоев русскоязычных и англоязычных стран.

На третьем этапе было интересно выяснить творческое самовыражение студентов. Центральной задачей выступило выявление динамики творческого самовыражения через обобщение и категоризацию нравственных понятий. В ходе занятий по английскому языку студентами активно рассматривались нравственно-этические вопросы, выполнялись задания, связанные с написанием сочинений и эссе с их последующим детальным анализом. Содержание занятий было выстроено в направлении проблем и тем, связанных с нравственным развитием личности.

Нами замечено, что при формировании общественно-значимых нравственных понятий усилилась мотивация учебной деятельности в процессе овладения английским языком за счет динамики внутренних познавательных и нравственных мотивов, активизации внешних социальных мотивов и сближения внешней и внутренней мотивации. При этом показателем внутренних познавательных мотивов (что создает основу для формирования учебной компетенции) являлась ориентация на процесс и способы учебной деятельности. Данная ориентация, по нашему мнению, актуализировалась благодаря последовательному воздействию на студентов соответствующими средствами из трех выше рассмотренных этапов с учетом рационализации учебного материала с целью мотивации студентов к самовыражению.

ВЫВОД. При анализе полученных данных выявлены положительные тенденции в изменении системы формирования нравственных понятий у студентов агротехнологического университета: в ценностной иерархии господствующее положение приняли нравственные ценности; мотивы и цели жизнедеятельности начали свидетельствовать о направленности на объективацию личностных духовно-нравственных ценностей, идей и идеалов; наблюдается становление личности, которая осознает свои жизненные и социальные цели, способной индивидуально выходить из системы имеющихся альтернативных возможностей и уверенно реализующей специфическую позицию достижения запрограммированных целей развития и самосовершенствования личности с учетом сформированных нравственных понятий.

Перспективным направлением нашего исследования может выступить разработка психолого-педагогических технологий, выступающих средством оптимизации учебно-воспитательной работы по формированию нравственных понятий у студентов Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева [6].

Литература

1. Аксенова Г. И., Мухаметзянова Ф. Г. Субъектность студента и курсанта вуза: перспективы изучения и развития // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 32. № 28 (240). С. 164 – 170.
2. Аксенова Г. И., Исмагилова Ю. С. Проблема духовно-нравственного развития курсантов вузов ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 21 – 32.
3. Кириллова Т. В., Жильцова Ю. В. Роль иностранного языка в духовно-нравственном развитии студентов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 922.
4. Жильцова Ю. В. Формирование нравственных понятий как способ самореализации личности // В сборнике: Психологические проблемы самореализации современной молодежи материалы VI Международного семинара молодых ученых и аспирантов. Отв. ред. Н.А. Коваль. 2014. С. 171 – 175.
5. Аипова М. М., Купцов И. И. Духовно-нравственные основы воспитания личности в процессе изучения иностранных языков // В сборнике: Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности Материалы V Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Э.П. Комарова. 2017. С. 401 – 403.
6. Шатохина Л. В. Психолого-педагогические технологии как средство оптимизации учебно-воспитательной работы с курсантами образовательных организаций высшего образования ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 10 (185). С. 35 – 39.

References

1. Aksenova G. I, Mukhametzyanova F. G. Sub"ektnost' studenta i kursanta vuza: perspektivy izucheniya i razvitiya [Subjectivity of the student and cadet of the university: prospects for studying and developing]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. - Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: The humanities. 2016. V. 32. № 28 (240). pp. 164 – 170.
2. Aksenova G. I, Ismagilova Y. S. Problema duhovno-nravstvennogo razvitiya kursantov vuzov FSIN Rossii [The problem of the spiritual and moral development of cadets at the FSIN of Russia]. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. - Applied legal psychology. 2010. № 1. pp. 21 – 32.
3. Kirillova T. V, Zhiltsova Y. V. Rol' inostrannogo yazyka v duhovno-nravstvennom razvitii studentov [The role of a foreign language in the spiritual and moral development of students]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - Modern problems of science and education. 2015. № 1-1. pp. 922.
4. Zhiltsova Y. V. Formirovanie nravstvennyh ponyatij kak sposob samorealizacii lichnosti [Formation of moral concepts as a way of self-realization of personality]. В сборнике: Психологические проблемы самореализации современной молодежи материалы VI Международного семинара молодых ученых и аспирантов. Отв. ред. Н.А. Коваль. - In the collection: Psychological problems of self-actualization of modern youth materials of the VI International Seminar of Young Scientists and PhD students. Otv. Ed. N. A. Koval. 2014. pp. 171 – 175.
5. Aipova M. M, Kuptsov I. I. Duhovno-nravstvennye osnovy vospitaniya lichnosti v processe izucheniya inostrannyh yazykov [Spiritual and moral foundations of personality education in the process of learning foreign languages]. V sbornike: Antropocentricheskie nauki: innovacionnyj vzglyad na obrazovanie i razvitie lichnosti Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otvetstvennyj redaktor EH.P. Komarova. - In the collection: Anthropocentric Sciences: an Innovative Perspective on Education and Personality Development Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Executive Editor E.P. Komarova. 2017. pp. 401 – 403.
6. Shatokhina L. V. Psihologo-pedagogicheskie tekhnologii kak sredstvo optimizacii uchebno-vospitatel'noj raboty s kursantami obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya FSIN Rossii [Psihologo-pedagogical technologies as a means of optimization of teaching and educational work with cadets of educational organizations of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. - Sheets of the penitentiary system. 2017. № 10 (185). pp. 35 – 39.

Zhiltsova Yu.V., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Aksenova G.I., Doctor of Pedagogical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kuptsov I.I., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.),Professor,
Shatokhina L.V., Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.),
Aksenova P.Yu., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.),
Academy of Law and Administration of the Federal Service for the Execution of Sentences

FORMATION OF MORAL CONCEPTS STUDENTS OF AGROTECHNOLOGICAL UNIVERSITY ON FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Abstract: The problem of the formation of moral concepts among students of the Ryazan State Agrotechnological University named after PA Kostychev in class on foreign language is very relevant. The interest in this problem is due to the insufficient formation of moral concepts among students for cognition, description and transformation of the environment with the help of non-native language means. Under the moral development of the linguistic personality of the students of the agrotechnological university, we mean the integral process of development on the basis of already established, perhaps not fully formed, moral transformations based on acquired moral concepts in the teaching of a foreign language.

An experiment on the formation of moral concepts among students of the Ryazan State Agrotechnological University named after PA Kostychev in the classes in a foreign language was conducted in three stages. At the first stage it was important for us to create a thesaurus for students with the encoding of moral concepts and rules using the units of phonological, morphological, syntactic, semantic levels. At the second stage, the use of moral concepts was consolidated on the basis of analytical and generalizing activity. At the third stage, creative self-expression of students was studied. The central task was to reveal the dynamics of creative self-expression through the generalization and categorization of moral concepts.

It is assumed that one of the most important vectors for the development of moral concepts in student learning is the integral formation of linguocognitive, emotionally-sensual, motivational-value and activity components. As a result of the analysis of the experimental material, we determined and critically substantiated the levels of the formation of the moral concepts of students.

The experiment we conducted on the formation of moral concepts among students of the agrotechnical university in the lessons in a foreign language has shown its effectiveness. When analyzing the data obtained, positive tendencies in changing the system of formation of moral concepts in students of the Ryazan State Agrotechnological University named after PA Kostychev were revealed.

Keywords: students, moral values, foreign language, educational process, personality, program of formation of moral concepts

Салаватова Н. А., кандидат педагогических наук,
Дагестанский государственный университет

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ К АБОРТАМ, ПОЛОВОМУ ВОСПИТАНИЮ И КОНТРАЦЕПТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: в современных условиях в Дагестане все заметнее становится кризис семьи, как социального института общества, причины, которого лишь отчасти связаны с тяжелой социально-экономической ситуацией, а в основном носят духовно-нравственный и культурный характер.

Происходит постепенный отход дагестанцев от традиционно присущих им норм горского права. В силу информационного взрыва, урбанизации и миграционных процессов современные нравственные нормы все меньше и меньше выводятся непосредственно из вековых традиций.

Отсутствие государственной политики в области полового воспитания и полового просвещения подрастающего поколения в первую очередь сказывается на отсутствии специалистов и нежелании брать ответственности за информирование населения о средствах контрацепции, полового воспитания, нежелание специалистов осознать всю глобальность и серьезность данной проблемы.

Ключевые слова: аборт, беременность, контрацепция, половое воспитание, половая жизнь, половое просвещение, репродуктивное здоровье

В современных условиях в Дагестане все заметнее становится кризис семьи, как социального института общества, причины, которого лишь отчасти связаны с тяжелой социально-экономической ситуацией, а в основном носят духовно-нравственный и культурный характер.

Происходит постепенный отход дагестанцев от традиционно присущих им норм горского права. В силу информационного взрыва, урбанизации и миграционных процессов современные нравственные нормы все меньше и меньше выводятся непосредственно из вековых традиций.

Характерные для дагестанцев, культуры замалчивания всего, что связанно с сексом, лишь переводит эту тему в разряд запретных, вызывая подчас гипертрофирующий интерес у подрастающего поколения.

Свершившаяся на Западе сексуальная революция, безусловно повлияла на нашу реальность - девушка уже не чувствует себя ущербной, если не сохранила невинность до замужества, окружающие вполне терпимо относятся к гражданским бракам, исчезло понятие «незаконнорожденный».

С каждым годом прослеживается тенденция снижения возраста начала половой жизни, как у юношей, так и у девушек (средний возраст составляет 15,6-16,1 лет).

Но об этом, как о репродуктивных установках, мотивах вступления в интимные отношения, осведомленности в области контрацепции и т.п. приходится судить лишь по наблюдениям врачей т. к. в Дагестане не проводят серьезных сексологических исследований.

Это свидетельствует об отсутствие социального заказа в этой области. Если общество волнуют аборты в подростковом возрасте, проституция и венерические заболевания то оно должно заняться также учетом собственного сексуального поведения и полового просвещения молодежи, причем не только с точки зрения социального контроля, но и в плане воспитания.

Отсутствие государственной политики в области полового воспитания и полового просвещения подрастающего поколения в первую очередь сказывается на отсутствии специалистов и нежелании брать ответственности за информирование населения о средствах контрацепции, полового воспитания, нежелание специалистов осознать всю глобальность и серьезность данной проблемы.

Каждый день в абортарии г. Махачкалы по поводу искусственного прерывания беременности обращаются девочки-подростки в возрасте от 14 и 15 до 19 лет.

Анализируя число произведенных абортов за 3 года в абортарии, при родильном доме №2 г Махачкалы, можно сказать, что из 14 тыс. абортов, 37% абортов составляют женщины, не состоящие в браке; из общего числа прерывания беременностей 5% абортов, были произведены у первородящих; из них 77% – это медицинские легальные аборты.

Таким образом, количество абортов за 3 года, на сроке от 22-27 недель беременности увеличилось на 20 % и составила цифру 307, увеличилось так же число прерывания первой беременности на 20%, по социальным показаниям остались на том же уровне.

Говоря об абортах в раннем возрасте можно сказать, что эта цифра примерно за 3 года осталась стабильной. Но это не свидетельствует об уменьшении абортов в раннем возрасте, а говорит об увеличении неофициально производящих прерываний беременности.

Из общего числа прерывания беременности в возрасте от 15-19 лет –95% составляют те, которые забеременели в первый раз.

В возрастной категории от 15-19 лет, прерывание беременности имело место в основном среди незамужних девушек – 80% (данные предоставлены глав. врачом родильного дома №2).

Поскольку данные по прерыванию беременности в возрасте от 14, 15-19лет, это официальные данные, то существует вероятность, что эта цифра намного больше, поскольку в г. Махачкале существует сеть учреждений производящих эту процедуру неофициально.

К сожалению, приходится констатировать, что в нашей республике аборт стоит не на 3 месте, как самый крайний метод прерывания беременности, а на 1 месте из-за низкой культуры не только самих людей, но из-за низкой медико-просветительской и профилактической работы с молодежью.

Из чего следует, что в нашем обществе на сегодняшний день нет государственного подхода в области планирования беременностей, полового воспитания и просвещения подрастающего поколения.

Поэтому в нашей республике такую ответственность взял на себя Медицинский Центр Доктора Азизова, где была разработана, за счет средств Центра, медицинская информационно-просветительская программа «Культура и здоровье», с учетом традиций и обычаев дагестанских народов, которая охватила молодежь в возрасте от 14 до 30 лет.

Цели и задачи Программы:

- предоставление молодежи современных знаний по вопросам сексуального поведения;
- формирование психосексуальной культуры у молодых людей; снижение уровня заболеваний, передающихся половым путем и предупреждение распространение СПИДа среди молодежи;
- создание имиджа безопасной республики, и приоритета здорового образа жизни.

За 3 года существования программы были проведены более 20 крупных акций; за нравственное оздоровление подрастающего поколения, проведено более 500 лекций и встреч со студентами, старшеклассниками, родителями в школах, учителями школ и преподавателями ВУЗОВ, работниками и служащими частных и государственных организаций. На основании анализа проводимых исследований и анонимного анкетирования проведенного данной клиникой были выявлены негативные социальные явления среди подростковой молодежи. К ним относятся:

1. более раннее начало половой жизни (средний возраст 15,6-16 лет), где мотивацией выступает экспериментирование на себе, при полной безграмотности в вопросах безопасного секса.

2. Восприятие сексуальной жизни в упрощенной форме, вне культурных традиций, ослабление семейно-брачных отношений и отсутствие позитивных установок на сохранение репродуктивного здоровья.

3. Отсутствие знаний по эффективной контрацепции.

4.Стойкий стереотип «постыдности» обращений за медицинской помощью даже в анонимный кабинет поликлиники, боязнь огласки и узнавания, что привели к широкому распространению осложнений самолечения.

Студентами социального факультета ДГУ совместно, со специалистами Центра клиники доктора Азизова был проведен социологический опрос.

Анкетирование было проведено среди подростковой молодежи 9-11 классов в школе №11, школе-лицее №39, а также среди студентов вузов г. Махачкалы.

Цели и задачи исследования:

1. выявить информированность о половом воспитании у подростков,
2. выявить знания о контрацепции,
3. отношение к аборту и его последствиям,
4. выявить причины абортов.

Социально-экономические условия жизни, установки на получения определенного уровня образования и профессионального статуса, психологические, правовые и медицинские аспекты вынуждают большинство женщин планировать свое репродуктивное поведение еще до брака.

Самая значительная часть опрошенных находилась в возрастной группе от 14-17 лет. Число опрошенных девочек - подростков составило 100. Подавляющее большинство 97% не состояли в браке, 3% были замужем

Одной из характеристик опрошенных был, уровень образования, который во многом определяет возможность сознательного регулирования рождаемости, степень информированности о контрацептивах, о социально-медицинских аспектах аборта.

Большая часть опрошенных – 63% это школьники старших классов(9-10-11 классы), а остальная часть – 37% учащиеся вузов.

Судя по ответам, основным источником информированности по вопросам половой жизни для анкетируемых являются подруги и родственники – 81%. 9 % них назвали телевидение, прессу, 10% не имели никакой информации.

На предложение назвать средства контрацепции, 21% смогли назвать 3 и более средств контрацепции (таблетки, спираль, противозачаточные

средства), 36% назвали лишь одно средство контрацепции; 43% – опрошенных, вообще не назвали ни одного метода контрацепции.

Процент осведомленности подростков о средствах предохранения в возрасте от 14 до 18 лет все-таки превышает, чем у студенток в возрасте от 18 до 22 лет, среди, которых 18,6% опрошенных осведомлены о средствах и методах контрацепции.

За медицинской помощью по поводу заболеваний передающихся половым путем, обратились 2% опрошенных, используют противозачаточные средства 8% девочек-подростков (презерватив, таблетки).

По результатам ответов были сделаны следующие выводы; что половой жизнью живут подростки, не вступившие в брак, и эта цифра составляла – 10%, средний возраст девочек живущих половой жизнью составляет 17 лет.

Подавляющее большинство девочек-подростков на вопрос, кто должен заботиться о предохранении 81% ответили, что должны заботиться оба партнера. Среди девочек подростков этот процент гораздо выше, нежели среди девушек в возрасте от 18 до 22 лет, среди которых процент составляет – 71,5%.

2% считают, что необходимо посоветоваться с врачом в вопросах выбора средств и методов контрацепции.

На вопрос, о причинах абортов несовершеннолетние ответили следующим образом 32% – считают, что основной причиной является незапланированная беременность; 27% – тяжелое материальное положение; 10% – отсутствие знаний в области контрацепции; 9% – предположили, что причиной абортов является общественное мнение; 20% – назвали, отказ партнера от отцовства, т. е. большее количество девочек все-таки предполагают, что в основной массе всех причин абортов лежит незапланированная беременность и тяжелое материальное положение.

Имеет ли женщина право на аборт; 33% – девочек подростков ответили да. Это говорит о том, что аборт это привычное явление и ничего страшного в этом нет для них. Категорически нет – ответило – 20% опрошенных, они считают, что аборт – это убийство; 47% – девочек предложили следующий вариант ответа – женщина имеет право на аборт только в случае согласия отца ребенка.

По результатам ответов несовершеннолетних можно сделать выводы, что ответственность за судьбу будущего ребенка должны нести оба партнера, и при этом 80% – допускают возможность сделать аборт. Из них – 1% сделали аборт, по настоянию партнера.

62% – опрошенных подростков полагают, что аборт нельзя предотвратить; 38% – считают, что можно, используя методы контрацепции, и, следуя традициям дагестанского народа, не допуская добрачных половых связей.

По мнению анкетируемых, основными условиями для рождению ребенка должна быть – 47% психологическая готовность родителей (ответственность за воспитание будущего человека, микроклимат в семье, приобретение нужных знаний), 27% – высказались в пользу того, что это и материальная обеспеченность и психологическая готовность родителей; 25% – опрошенных согласны с тем, что основным является материальная обеспеченность(наличие жилья, постоянный доход и т. д.

Это говорит о том, что рождение ребенка с точки зрения подростковой молодежи – это большая ответственность.

По вопросу о том « Кто должен заниматься половым воспитанием и просвещением?» 62% считают – совместно родители и учителя, 12% – высказались, только родители; 13% – учителя в школе, 13% предложили свой вариант ответа, тем самым считая, что информировать молодежь должны врачи-специалисты, подруги, имеющие практический опыт, СМИ, литература и в школах должен проводиться специальный курс по половому воспитанию, чаще всего назывались врачи-специалисты и доктор Азизов А.

Нас очень удивило, что большой процент подростковой молодежи высказали свое мнение в пользу того, что информировать в вопросах половой жизни должны родители и учителя.

Некоторые родители, в силу своей стеснительности и не информированности, не говорят на «эту» тему, полагая, что все ребенок узнает в школе, с книг. Учителя в свою очередь полагают, что фундамент в вопросах полового просвещения должны закладывать родители.

Мы считаем необходимым, исходя из учета запросов самих подростков, освещение проблем и вопросов, вызывающих у них максимальный интерес путем внедрения в школьное обучение программ полового воспитания с учетом возрастных, национальных, религиозных и региональных особенностей. В этом заинтересованы не только подростки, но и родители.

На сегодняшний день подростковая молодежь в большей своей массе предпочитают обсуждать вопросы половой жизни не с учителями и родителями, а с подругами (74%) хотя считают, что это должны делать учителя и родители

Чаще всего девочки, девушки, женщины не задумываются о контрацептивных средствах, пока не наступит беременность. Удивляет то, с какой легкостью они решаются на аборт.

Перед медицинскими службами, органами просвещения и информации Дагестана стоят нелегкие задачи формирования у молодого поколения потребности в контрацептивном поведении, на современном уровне, а так же создании возможности в реализации таких потребностей. Ведь зачастую девочки, приходя на прием к врачу, узнают об элементарных правилах личной гигиены, о менструациях и т. д.

Что же думают на этот счет учителя? На вопрос можно ли повлиять на снижение числа абортов среди девочек подростков, 88% – ответили утвердительно, 10% – отрицательно. Из тех, кто выразил согласие, большинство настроено либерально и предлагают просвещение по вопросам, связанных с контрацепцией, репродуктивным здоровьем и т. п. Другие консерваторы подразумевают под просвещением «запреты или отвлекающие меры». Пессимисты, выступающие против просвещения, считают, что на молодежь уже никак повлиять нельзя, т.к. их ценности формируются в рамках молодежной субкультуры, под влиянием СМИ, а такие агенты социализации, как родители или школа, малоэффективны.

Подводя итоги можно сказать, что на сегодняшний день проблема полового воспитания подрастающего поколения является в Дагестане весьма актуальной и не позволяет далее откладывать решение вопроса по введению в школьную программу предмета по половому воспитанию, которую надо разрабатывать с учетом дагестанского менталитета, современных национально-религиозных реалий, используя положительный отечественный и зарубежный опыт.

Работу по половому воспитанию необходимо вести в тесном контакте с родителями. Только совместные усилия школы и семьи позволят ребенку, вырасти в сексуально образованного и отвечающего за свои поступки подростка, а потом и взрослого человека. Залог успеха в половом воспитании – такая обстановка в семье, когда ребенок может свободно задавать интересующие его вопросы родителям, не боясь выслушать вместо ответа нравоучительную лекцию.

Литература

1. Гурко Т.А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 83 – 91.
2. Салаватова Н.А.Реализация медико-педагогического подхода в половом воспитании в общеобразовательных школах как фактор формирования готовности к созданию семьи. // Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала, 4-5 июня 2009г.) Махачкала: Изд-во ДГУ, 2010. С.73 – 76.
3. Салаватова Н.А Семейные ценности современной молодежи – составляющие духовного и нравственного здоровья нации // Наука в современном мире. Материалы 1 международной научно-практической конференции (1апреля 20011). Сборник научных трудов. Под. ред. Г.Ф.Гребенщикова М.Компания "Спутник +", 2011.

References

1. Gurko T.A. Opyty seksual'nyh otnoshenij, materinstva i supruzhestva nesovershennoletnih zhenshhin // Sociologicheskie issledovanija. 2002. № 11. S. 83 – 91.
2. Salavatova N.A.Realizacija mediko-pedagogicheskogo podhoda v polovom vospitanii v obshheobrazovatel'nyh shkolah kak faktor formirovanija gotovnosti k sozdaniju sem'i. // Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Mahachkala, 4-5 ijunja 2009g.) Mahachkala: Izd-vo DGU, 2010. S.73 – 76.
3. Salavatova N.A Semejnye cennosti sovremennoj molodezhi – sostavljajushhie duhovnogo i nravstvennogo zdorov'ja nacii // Nauka v sovremennom mire. Materialy 1 mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (1aprelja 20011). Sbornik nauchnyh trudov. Pod. red. G.F.Grebenshhikova M.Kompanija "Sputnik +", 2011.

Salavatova N.A., Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.),
Dagestan State University

EMPIRICAL EVIDENCE OF THE RELATIONSHIP OF THE DAGESTAN STUDENTS TO ABORTION, SEX EDUCATION AND CONTRACEPTIVE CULTURE

Abstract: in modern conditions in Dagestan is increasingly becoming a crisis of the family as a social institution in society, the reasons which only partly are connected with the difficult socio-economic situation and are mainly spiritual-moral and cultural in nature. There is a gradual withdrawal of Dagestanis from the traditionally inherent norms of the highland law. In the power of information explosion, urbanization and migration processes in the modern standards less and less are derived directly from age-old traditions. The absence of a state policy in the field of sex education and sex education of the younger generation primarily affects the lack of expertise and unwillingness to take responsibility for informing the population about contraception, sex education, the reluctance of professionals to realize the magnitude and seriousness of the problem.

Keywords: abortion, pregnancy, contraception, sex education, sex life, sex education, reproductive health

Ваджибов М.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РИТОРИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДАГЕСТАНСКОГО ПОЛИЯЗЫЧИЯ

Аннотация: Целью настоящей статьи является определение важности акцентологической грамотности дагестанских студентов, которые желают и хотят выступать риторически верно и убедительно. Дается обоснование, почему знание русского ударения и практическое овладение им в произнесении речи считаются необходимой частью риторической компетентности. Излагаются задачи, которые ставятся в исследовательской работе. При этом акцент делается на вербалике дагестанской поликультурной аудитории, которая нередко допускает акцентологические отклонения. Описываются частотные ошибки и способы их устранения из живой русской речи студентов-дагестанцев, для которых русский язык, официально считающийся государственным языком на всей территории страны, обычно является вторым языком. Рассматриваются результаты ряда исследований, опросов, наблюдений, тренировок, предлагаются образцы устных и письменных упражнений, которые нацелены на выработку акцентологической грамотности, для чего полезны различные задания по словесному ударению: терминологический диктант, акцентологическая пятиминутка, распределительный диктант, тестирование, исправление ошибок в живой речи, составление связного текста, повторение, наблюдение за речью окружающих и пр. В статье отражены те наработки, которые апробированы на занятиях по русскому языку и культуре речи в дагестанской студенческой аудитории. Поскольку правильная устная речь востребована в современном обществе, автор рекомендует бакалаврам подготовить перечень проблемных для них русских акцентологических слов, которые билингвы или полилингвы в условиях дагестанского многоязычия произносят неправильно и при желании могут выучить наизусть. Данные научного исследования могут быть использованы в речевом общении, профессиональной деятельности, а также в преподавании ряда филологических и методико-педагогических дисциплин, учитывая то, что обучение акцентологическим нормам русского литературного языка всегда актуально при коммуникации в полилингвальной среде.

Ключевые слова: акцентология, риторика, грамотность, поликультурная аудитория, дагестанский студент, задание

В настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости работы над акцентологическими нормами русского языка в дагестанской поликультурной студенческой аудитории, что, естественно, является компонентой риторической грамотности в условиях полиязычия. Риторическая грамотность бакалавров в современной высшей школе – одна из составляющих речевой культуры. По нашему мнению, основным критерием в такой грамотности является нормативный критерий, частью которого считают и правильное использование в вербальной речи акцентологической нормы русского языка.

Неправильная расстановка ударения не только снижает общую речевую культуру, не только подчеркивает ораторскую некомпетентность говорящего, но и порою искажает смысл высказывания, ибо правильное использование значения омонимичных слов в риторическом образовании считается существенным. Поэтому регулярные орфоэпические упражнения для устранения акцентологических ошибок способствуют постановке целесообразной и нормативной речи. Это означает, что риторически компетентный, грамотный человек должен быть и орфоэпически (акцентологически) грамотным.

В литературе читаем: «*Справиться с русским ударением нелегко, но трудности надо преодолевать. Если ударение в начальной форме многих и многих слов приходится запоминать* (*или проверять, заглядывая в словари-справочники*)*, то для определения места ударения в производных формах слов тех или иных грамматических разрядов* (гýся – гуся'?, рéку – рекý?) *существуют свои правила*» *[17, с. 225]*. Не случайно распространено мнение о том, что «*... ни одна область русского языка не вызывает столько ожесточенных споров, недоумений и колебаний*», как акцентологические нормы [11, с. 71], так как носители русской речи больше всего ошибок допускают при расстановке ударения. Для многих дагестанских билингвов и полилингвов русский язык является неродным, вторым языком, и в их коммуникации, по нашим наблюдениям, часто встречаются акцентологические неточности, которые прежде всего объясняются влиянием русского языка на родные языки.

В красноречии немаловажное значение имеет словесное ударение. С целью преодоления омонимии словоформ оно выступает как способ выражения грамматических значений, ср. *рукá – рукй* (род.п. мн.ч.), *рýки* (им.п. мн.ч.) и др. С помощью

ударения мы различаем слова, которые пишутся одинаково, но имеют разные значения, ср.: *му́ка – мука́, ха́ос - хао́с* и др. Кроме того, с ударением связаны многие орфографические написания, ср.: *р**а**зыска́ть – р**о́**зыск, р**а**спуска́ть – р**о́**спуск* и др. Несмотря на это, ударению в учебных в средних и высших заведениях не уделяют необходимо количества часов. По нашим наблюдениям, акцентологические отклонения от нормы рассматривают как несерьезные, несущественные ошибки, хотя портят речь. Такие ошибки воспринимают спокойно, ибо их допускают повсеместно, и на них не обращают пристального внимания, т. к. смысл того или иного слова, произнесенного неправильно, якобы понятен. С таким положением мы никак не можем согласиться, считая, что следует регулярно выполнять тренировочные упражнения для усвоения и закрепления норм русского ударения.

На занятиях по курсу «Русский язык и культура речи» предлагаем систематически выполнять несколько упражнений из множества заданий, которые выработаны на основе регулярных нарушений в расстановке ударения в речах как носителей современного русского языка - известных личностей (политиков, артистов, журналистов, ученых и др.), так и дагестанских студентов, а также случайных респондентов. Этому нам помогают многолетние наблюдения за вербальным общением людей разных профессий и интересов.

Упражнения по акцентологическим нормам русского языка следует давать бакалаврам не только при изучении темы, но и занятиях по другим темам, особенно по морфологии. По опыту работы знаем, что ударение можно связать с любой темой. До выполнения заданий мы должны познакомить бакалавров с теоретическим материалом и с подготовленным нами акцентологическим минимумом, поработать в аудитории над произношением и толкованием значений ряда непонятных слов [6, с. 141-143; 144-146]. При этом мы предлагаем студентам черпать материал по теме и из других источников [8, с. 84-89; 11, с. 77-109; 13, с. 133-157 и др.], а также обращаться к акцентологическим словарям в затруднительных случаях употребления конкретной орфоэпической единицы или формы [1; 10; 15; 16; 18 и др.].

Бакалаврам следует заниматься по ударению и через Интернет, т. к. в электронных вариантах достаточно много разнообразных тестов. Помимо этого, можно пользоваться теми тестами, которые нами опубликованы: у студентов есть возможность подготовиться самостоятельно - в конце методических пособий даются ответы для самопроверки [6, с. 207-213].

Можно дать наиболее подготовленным студентам написать рефераты (доклады). Перечень тем разнообразен: 1. Русское ударение. 2. Ударения: основное и побочное. 3. Ударение в глагольных формах. 4. Ударение в именных формах. 5. Ударение в прилагательных и причастиях. 6. Подвижность и неподвижность ударения. 7. Вариативность ударения. 8. Функции русского ударения как суперсегментной единицы. 10. Особенности ударения в разных языках. 11. Почему русское ударение словесное?

При разработке заданий учитывается прежде всего то, какие именно слова дагестанские студенты произносят с неправильным ударением. Таких слов в подготовленном нами списке оказалось более 200: их мы собирали с 1999 г. Кроме того, обращаем внимание на следующие слова: “*В современном русском языке имеется более 5000 общеупотребительных слов, у которых зафиксировано колебание в ударении*” [11, с. 73]. В литературе же читаем, что «*большая часть слов русского языка (около 96 %) отличается фиксированным ударением. Однако оставшиеся 4 % и являются наиболее употребительными словами, составляющими базисную лексику языка*» [12, с. 9].

Даем некоторые образцы тренировочных заданий, которые апробированы и в настоящее время применяются на практических занятиях.

Задание 1. Подготовьте конспект по теме «Акцентологические нормы русского языка» [6, с. 60-62; 8, с. 84-89; 14, с. 62-66 и др.] и ответьте на следующее тестовое задание по теории:

1. Раздел языка, изучающий особенности и функции ударения, – это

а) акцентология, б) ортология, в) семасиология, г) паузология.

2. Ударение выполняет следующие функции:

а) кульминативную, б) аккумулятивную, в) форморазличительную,

г) сигнификативную и др. [4, с. 65].

Задание 2. Прочитайте вслух акцентологический минимум. Выпишите на карточку те слова, которые вы произносите неправильно [6, с. 141-143].

Задание 3. Прочитайте выразительно стихотворные тексты по практикуму по культуре речи [14, с. 68-70]. Следите за расстановкой ударения в словах.

Задание 4. Как произносит местная молодежь современные популярные слова типа *бармен, маркетинг, менеджмент, оптовый* и др.? Продолжите этот список словами, которые часто используются в молодежной среде и в произношении которых допускаются акцентологические ошибки.

Задание 5. Терминологический диктант.

Метонимия, оксиморон, синекдоха, догмат, асимметрия, ходатайство, эксперт, факсимиле, та-

можня, маркетинг, диспансер, каучук, квартал, каталог, приговор, христианин, коклюш, генезис.

Задание 6. Орфоэпическая пятиминутка.

Дайте грушевый, включим свет, развитая система стилей, созвонимся вечером, форзац испачкан, исчерпать мысли, повторим тему, углубим задания, купить свёклу, избавишься от алкоголя, качественный маркетинг, новое платье красивее старого, компетентные ректоры и редакторы, хорошие директора и доктора.

Задание 7. Укажите функцию ударения в приведенных парах слов.

Бе́лки – белку́, го́рода –города́, кру́жки - кружку́, ма́ло – мало́, мо́ю – мою′, па́рить – пару́ть, пла́чу – плачу́, про́пасть – пропа́сть, рассы′пать – рассыпа́ть.

Задание 8. Перенесите ударение с одного слога на другой. Что при этом изменилось: форма слова или значение слова?

Во́ды, дома́, до́рог, люби́те, мо́ю, се́ла, село́, слезу́, рассы′пать, сле́зу, слова́, сто́ит, стрелку́, стужу́, узна́ю, у́шки, целу́ю.

Задание 9. Как объясните различие в произношении указанных ниже слов? Докажите свою мысль, включив данные пары слов в словосочетания или в предложения.

Ва́ренный – варёный, на́званный – назва́ный, пу́ленный – пилёный, поса́женный – посажёный, су́шенный – сушёный, то́пленный – топлёный, то́ченный – точёный, у́ченный – учёный.

Задание 10. Составьте связный текст под названием “Библиотечный каталог”, используя следующие слова:

Алфавит, аналог, апостроф, библиотека, вызов, диалог, каталог, квартал, обеспечение, облегчить, оптовый, отзыв, памятуя, первенствовать, призыв, радушный, средство, статуя, уведомить, углубить, ходатайство.

Задание 11. Расставьте ударения над словосочетаниями. Обратите внимание на произношение данных сочетаний вашими друзьями и знакомыми.

Алфавитный каталог, апокалипсис для афинян, оптовый изыск, средства на статую, украинский квартал, ходатайство экспертов о хозяевах, включим в диалог.

Задание 12. Сгруппируйте слова согласно поведению ударения, образуя от них прилагательные.

Выпись (устар.), запись, живопись, иконопись, клинопись, летопись, надпись, опись, перекись, перепись, подпись, пропись, рукопись, светопись, скоропись, стенопись, тайнопись.

Задание 13. Исправьте акцентологические ошибки в предложениях.

1. *Мы приглашаем Вас* **при́нять** *участие в нашем мероприятии*. 2. *В Новосибирске рассмотрели вопрос* **о ходата́йстве** *об освобождении Александра Тихонова из-под стражи*. 3. *Анне Вески распределили экономистом на эстонскую* **та́можню**. 4. *С этими денежными* **средства́ми** *работают люди*. 5. *Депутат Государственной Думы двух* **со́зывов** *высказался против*. 6. *Сиротский дом надо возвратить* **су́ротам** и др.

Задание 14. Определите значения следующих пар слов (связь акцентологии и лексики). Составьте с ними предложения.

Бро́ня–броня´, запа́сник–запасни́к, за́нятый–занято́й, безо́бразный–безобра́зный, характе́рный–хара́ктерный, ви́дение, виде́ние, арти́кул, артику́л, а́тлас, атла́с, боли́вар, боливе́р, ша́баш, шаба́ш.

Задание 15. Распределите слова в 2 столбика, учитывая поведение ударения (Распределительный диктант).

Анатом, астроном, гастроном, аэродром, космодром; гравиметр, дециметр, километр, миллиметр, педометр, сантиметр, спидометр, термометр, хронометр; аргумент, документ, инструмент, менеджмент, монумент, парламент, регламент, фундамент, элемент; аналог, дерматолог, диалог, косметолог, монолог, некролог, филолог, психолог, фармаколог, диетолог, сурдолог.

Задание 16. Как бы Вы произнесли следующие собственные существительные, учитывая акцентологические особенности русского языка?

Дашкова, Золя, Катар, Маршалл, Митта, Пикассо, Стендаль, Хамза, Шульга, Гандапас, Шишков, Сафо, Сопер, Карнеги, Штудинер.

В настоящее время результативными, эффективными в обучении бакалавров считаются новые информационные технологии. При этом, очевидно, применение разнообразных тестовых заданий, различные варианты которых даны и в Интернете, оптимизирует учебный процесс. Мы предлагаем как простое тестирование, в котором из нескольких вариантов необходимо выбрать подходящий вариант, так и сложное – так называемое кейс-задание или же тест с несколькими ответами, ср.: простое тестирование:

В каком слове ударение падает на предпоследний слог?

1) *документ,* 2) *диспансер,* 3) *феномен,* 4) *облегчить*

или: В каких рядах во всех словах ударение падает на второй слог?

а) пуловер, таможня; б) украинец, уведомить;

в) тигровый, фарфор; г) танцовщик, фетиш;

д) хозяева, ходатай; е) черпать, сливовый;

ж) углубить, цемент; з) умерший, упрочение и др.

Технологически новым является электронное применение на занятиях кейс-заданий, которые, на первый взгляд, невозможно использовать по рассматриваемой теме. Чтобы доказать обратное, мы рекомендуем пользоваться хрестоматийным примером, где налицо динамика – исторический процесс изменения поведения ударения. Так, мы привлекаем текст из учебного пособия по русскому языку и культуре речи: *«Некоторые плю́ют на нормы литературной речи. Нам, мол, все позволено́, мы семья́ми так говорим, нас так и похороня́т. Я вздрогну́л, услышав такое, но не стал выступать проти́в» [8, с. 73]. Если приблизительно 100-120 лет назад говорили так, то в настоящее время данный текст согласно акцентологическим нормам звучит по-иному: «Некоторые плю́ют на нормы литературной речи. Нам, мол, все позво́лено, мы се́мьями так говорим, нас так и похоро́нят. Я вздро́гнул, услышав такое, но не стал выступать про́тив».*

Студентам указанный текст, как правило, предлагаем без ударений, но с несколькими заданиями. К примеру, по тексту *«Некоторые плюют на нормы литературной речи. Нам, мол, все позволено, мы семьями так говорим, нас так и похоронят. Я вздрогнул, услышав такое, но не стал выступать против»* кейс, очевидно, должен выглядеть следующим образом:

Задание 1. Найдите в тексте формы глагола с ударением на втором слоге.

Задание 2. Найдите в тексте глагол с подвижным ударением.

Задание 3. Какое слово имеет только ударное окончание?

а) говорить, б) услышать, в) выступать, г) похоронить.

Задание 4. Ударение падает на последний слог обоих глаголов:

а) похоронят, говорим; б) выступать, услышав;

в) говорим, выступать; г) вздрогнул, позволено.

В кейсе можно применять различные тестовые разработки. В университетские кейсы пока рекомендуется включать только три задания. Но более интересными и сложными, *раз*умеется, являются тестовые задания, где налицо выбор нескольких вариантов при наличии ряда слов или групп слов, ср.:

В каких рядах во всех словах ударение падает на первый слог?

а) коклюш, звонит, пахота;

б) кашлянуть, пахота, пасквиль;

в) губчатый, алкоголь, грушевый;

г) килька, звонит, алкоголь;

д) оптовый, кухонный, грушевый;

е) кухонный, грушевый, сливовый;

ж) плесневеть, кашлянуть, первенствовать;

з) баловать, кашлянуть, черпать;

и) веровать, черпать, баловать; к) плесневеть, баловать, кашлянуть и др.

Следует учитывать и то, что необходим коррекционный дидактический материал при условии, что одна студенческая группа по грамотности уступает другой группе. В данный материал мы включаем и акцентологический минимум. Нами подготовлены карточки с заданием расставить ударение над трудными с точки зрения орфоэпии словами, ср.: *включим, повторят, облегчим, углубит* и др. или: *догмат, форзац, килька, крашение* и др. [3, с. 20].

Мы провели опрос по определению акцентологической грамотности 100 бакалавров. В опросник мы включили 30 слов с заданием «Расставьте ударение в словах». К примеру, вот как выглядит один из вариантов:

1. исчерпать
2. арест
3. верба
4. исконно
5. вчистую
6. грушевый
7. домовая (книга)
8. завидно
9. закупорить
10. избалованный
11. цемент
12. избранник
13. валовой
14. свекла
15. крашение
16. столяр
17. таможня
18. трубопровод
19. убыстрить
20. украинский
21. умерший
22. усугубить
23. языковая (колбаса)
24. шасси
25. танцовщик
26. ломота
27. статуя
28. пахота
29. асимметрия
30. меновая

Если опрашиваемый допускает меньше 3 ошибок, то он хорошо знает русскую акцентологию, если же допускает от 4 до 10 ошибок, то знания у него посредственные, а если же респондент неправильно произносит больше 10 слов, то он не владеет ударением. Такой опрос полезен, если его проводить несколько раз: перед началом учебных занятий (при первой же встрече), во время учебного процесса (при изучении темы), в конце семестра или учебного года как контроль. За полгода или за год результат особо не меняется, если человек не занимается. А если бакалавр занят самоусовершенствованием, то, естественно, успехи очевидны. Так, вначале только 30 процентов написали зада-

ние хорошо, при изучении темы – 55 %, при итоговой работе – 85 %.

В устной речи студентов мы обнаружили те же ошибки, что и в выступлениях известных и неизвестных людей. Нами собрано более 500 примеров (словосочетаний и предложений с акцентологическими ошибками через устные СМИ, устный и анкетный опросы, наблюдение за различными вербальными выступлениями), которые мы классифицировали согласно запретительным пометам в орфоэпическом словаре [15]:

А. Ошибки с пометой «не рекомендуется» (не рек.): *алфавит, асимметрия, баловать* и др. – более 100 слов и словоформ;

Б.Ошибки с пометой «не рекомендуется устаревающее» (не рек. устар.): *украинец* и все родственные слова или словоформы;

В.Ошибки с пометой «неправильно» (неправ.): *алкоголь, арест, включат* и др. – более 380 слов и словоформ;

Г. Ошибки с пометой «Грубо неправильно» (груб. неправ.): документ, начать, ходатайствовать и др. – около 20 слов и словоформ.

Указанные акцентологические ошибки объясняются причинами, которые даны в специальной литературе [5, с. 158; 9, с. 103]. Для устранения этих ошибок мы рекомендуем обратиться к источнику с советами [5, с. 158-159].

Как итоговое задание можно использовать следующее упражнение, которое показывает результативность проведенных тренировочных упражнений:

Мини-тест. Расставьте в нижеперечисленных 18 словах ударение, но так, как вы чаще всего их произносите. Оцените свой уровень речевой культуры с точки зрения правильности произношения слов при расстановке ударения, опираясь на следующую таблицу [2, с. 77].

Аналог, апостроф, аргумент, танцовщик, договор, документ, жалюзи, звонит, инструмент, щавель, намерение, ремень, портфель, процент, предмет, хозяева, таможня, эксперт.

Число слов, в которых правильно расставлено ударение	Уровень речевой культуры в произношении слов при расстановке ударения
18	Очень высокий
17	Высокий
16	Выше среднего
15	Чуть выше среднего
14	Средний
13	Чуть ниже среднего
12	Ниже среднего
11	Низкий
10 и меньше	Очень низкий

Такое разнообразие предложенных упражнений оправдало себя: в результате необходимой, по сути важной тренировки при работе над устной публичной речью бакалавры уже фактически не допускали ошибок при произношении регулярно употребляемых акцентологических слов.

Таким образом, отметим, что разработанные нами задания адресованы бакалаврам и нацелены не только на устранение из их речи акцентологических отклонений, но и на выработку ораторского искусства у учащейся молодежи. Дагестанским студентам следует знать, что акцентологическая грамотность как составляющая студенческой риторической грамотности в условиях полиязычия украшает любую публичную речь. Они при этом должны запомнить: «*Если человек, к примеру, привык неправильно ставить ударение в слове в обиходной речи, то он неправильно произнесет его и в официальной обстановке, даже если в тексте выступления в этом слове поставлен знак ударения*» [7, с. 454]. И необходимо всячески от этого избавляться, для чего нужны годы постоянных тренировок - повторений. Поэтому каждый студент вправе подготовить специальный акцентологический словник или словарик как настольную книгу, куда должны быть внесены те слова, в произнесении которых он допускает акцентологические ошибки или в произнесении которых он сомневается. При необходимости можно пользоваться перечнем записанных слов. Такое задание выполняется постоянно с целью повышения культуры устной речи, т. е. риторической грамотности.

Литература

1. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка: 82500 единиц / Под ред. М.А. Штудинера. М.: Рольф, 2000. 816 с.

2. Андреев В.И. Деловая риторика: практический курс делового общения и ораторского мастерства. М.: Народное образование. 1995. С. 77.

3. Ваджибов М.Д. Дидактические материалы для занятий по риторике в дагестанской студенческой аудитории // Дидактическая филология. 2016. № 3. С. 17 – 27.

4. Ваджибов М.Д., Магомедова Т.И. Акцентологические задания по русскому языку и культуре речи для дагестанской студенческой аудитории // Наука. Мысль. Наука. Мысль. 2015. № 12. С. 65 – 70.

5. Ваджибов М.Д. По поводу нарушений некоторых акцентологических норм русского языка // Наука. Мысль. 2016. № 6-1. С. 154 – 160.

6. Ваджибов М.Д. Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов-бакалавров гуманитарных специальностей. 3-е изд., перераб. и доп. Махачкала: Издательство ДГУ, 2017. С. 60 – 62; 141 – 143; 144 – 146; 207 – 213.

7. Введенская Л.А, Павлова Л.Г. Деловая риторика: учебное пособие для вузов. М.ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2004. С. 454.

8. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Учебное пособие для вузов. 18–е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. С. 73, 84 – 89.

9. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 101 – 107.

10. Введенская Л.А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. 3-е изд. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2006. 352 с.

11. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. 3-е издание, стереотипное. М.: Просвещение, 1989. С. 71 – 109.

12. Львов В.В. Обучение нормам произношения и ударения в средней школе. 5–9 классы. М.: Просвещение, 1989. С. 9.

13. Мурашов А.А. Культура речи: учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. С. 133 – 157.

14. Мурашов А.А., Русецкий В.Ф. Культура речи: Практикум. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. С. 62 – 73.

15. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. 5–е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1989. 688 с.

16. Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 944 с.

17. Розенталь Д.Э. Говорите и пишите по-русски правильно. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 225.

18. Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. 3-е изд. М.: Айрис-пресс, 2005. 576 с.

References

1. Ageenko F.L., Zarva M.V. Slovar' udarenij russkogo jazyka: 82500 edinic / Pod red. M.A. Shtudinera. M.: Rol'f, 2000. 816 s.

2. Andreev V.I. Delovaja ritorika: prakticheskij kurs delovogo obshhenija i oratorskogo masterstva. M.: Narodnoe obrazovanie. 1995. S. 77.

3. Vadzhibov M.D. Didakticheskie materialy dlja zanjatij po ritorike v dagestanskoj studencheskoj auditorii // Didakticheskaja filologija. 2016. № 3. S. 17 – 27.

4. Vadzhibov M.D., Magomedova T.I. Akcentologicheskie zadanija po russkomu jazyku i kul'ture rechi dlja dagestanskoj studencheskoj auditorii // Nauka. Mysl'. Nauka. Mysl'. 2015. № 12. S. 65 – 70.

5. Vadzhibov M.D. Po povodu narushenij nekotoryh akcentologicheskih norm russkogo jazyka // Nauka. Mysl'. 2016. № 6-1. S. 154 – 160.

6. Vadzhibov M.D. Russkij jazyk i kul'tura rechi: uchebnoe posobie dlja studentov-bakalavrov gumanitarnyh special'nostej. 3-e izd., pererab. i dop. Mahachkala: Izdatel'stvo DGU, 2017. S. 60 – 62; 141 – 143; 144 – 146; 207 – 213.

7. Vvedenskaja L.A, Pavlova L.G. Delovaja ritorika: uchebnoe posobie dlja vuzov. M.IKC «MarT», Rostov n/D.: Izdatel'skij centr «MarT», 2004. S. 454.

8. Vvedenskaja L.A., Pavlova L.G., Kashaeva E.Ju. Russkij jazyk i kul'tura rechi. Uchebnoe posobie dlja vuzov. 18–e izd. Rostov n/D.: Feniks, 2006. S. 73, 84 – 89.

9. Vvedenskaja L.A., Pavlova L.G. Kul'tura i iskusstvo rechi. Sovremennaja ritorika. Rostov n/D.: Feniks, 1998. S. 101 – 107.

10. Vvedenskaja L.A. Slovar' udarenij dlja diktorov radio i televidenija. 3-e izd. M.: IKC «MarT», Rostov n/D.: Izdatel'skij centr «MarT», 2006. 352 s.
11. Gorbachevich K.S. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. 3-e izdanie, stereotipnoe. M.: Prosveshhenie, 1989. S. 71 – 109.
12. L'vov V.V. Obuchenie normam proiznoshenija i udarenija v srednej shkole. 5–9 klassy. M.: Prosveshhenie, 1989. S. 9.
13. Murashov A.A. Kul'tura rechi: uchebnoe posobie. 3-e izd., ster. M.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 2006. S. 133 – 157.
14. Murashov A.A., Ruseckij V.F. Kul'tura rechi: Praktikum. M.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 2004. S. 62 – 73.
15. Orfojepicheskij slovar' russkogo jazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy / Pod red. R.I. Avanesova. 5–e izd., ispr. i dop. M.: Russkij jazyk, 1989. 688 s.
16. Reznichenko I.L. Slovar' udarenij russkogo jazyka. M.: AST-PRESS KNIGA, 2004. 944 s.
17. Rozental' D.Je. Govorite i pishite po-russki pravil'no. M.: AST: Astrel', 2007. S. 225.
18. Shtudiner M.A. Slovar' obrazcovogo russkogo udarenija. 3-e izd. M.: Ajris-press, 2005. 576 s.

Vadzhibov M.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University

ACCENTOLOGICAL LITERACY AS COMPONENT OF RHETORICAL LITERACY OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF THE DAGESTAN MULTILINGUALISM

Abstract: the purpose of the present article is definition of importance of accentological literacy of the Dagestan students who wish to act rhetorically truly and convincingly. Justification why knowledge of the Russian accent and practical mastering by him in pronouncing the speech are considered as a necessary part of rhetorical competence. Tasks which are set in the research are stated. At the same time the emphasis is placed on a verbal accent of the Dagestan polycultural audience which quite often allows accentological deviations. Frequency mistakes and ways of their elimination from the live Russian speech of Dagestan students for whom Russian which is officially considered as a state language in all territory of the country usually is the second language. Results of a number of researches, polls, observations, trainings are considered. Models of oral and written exercises which are aimed at development of accentological literacy. Various tasks are offered on a verbal accent useful to: a terminological dictation, accentological five-minute, a distributive dictation, testing, correction of mistakes in the live speech, drawing up the coherent text, repetition, observation of the speech of people around and so forth. Those practices which are approved on classes in Russian and the standard of speech in the Dagestan student's audience are reflected in the given article. As the correct oral speech is demanded in modern society, the author recommends bachelors to prepare the list of Russian problems for them, the accentology of the words which bilinguals or multilinguals in the conditions of the Dagestan multilingualism mispronounce and if desired can learn by heart. Data of scientific research can be used in speech communication, professional activity and also in teaching a number of philological and methodological and pedagogical disciplines, considering that training in accentological standards of the Russian literary language is always relevant at communication in the multiilingual environment.
Keywords: accentology, Rhetoric, literacy, polycultural audience, Dagestan student, exercise